

Министерство культуры Российской Федерации
ФГБОУ ВПО Восточно-Сибирская государственная академия
культуры и искусств

В Е С Т Н И К
Восточно-Сибирской государственной академии культуры и
искусств

Научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам

№ 2 (9)

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВПО ВСГАКИ
2015

Учредитель: ФГБОУ ВПО Восточно-Сибирская государственная академия
культуры и искусств

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-44248 от 15 марта 2011 г.

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционная коллегия

Р.И. Пшеничникова, проф., академик МАН ВШ (гл. редактор); *Е.Ю. Перова*, канд. эконом. наук (зам. гл. редактора); *Д.Л. Хилханов*, д-р социол. наук, проф. (зам. гл. редактора); *Г.И. Балханов*, д-р филос. наук, проф.; *И.Б. Батуева*, д-р ист. наук, проф.; *Т.Н. Бояк*, д-р социол. наук, проф.; *Н.Б. Дашиева*, д-р ист. наук, проф.; *С.А. Езова*, канд. пед. наук, проф.; *В.Л. Кургузов*, д-р культурологии, проф.; *В.Ц. Найдакова*, д-р искусствоведения, проф.; *М.П. Осокина*, директор науч. биб-ки; *З.А. Серебрякова*, д-р филол. наук, доцент; *С.Г. Степанова*, канд. пед. наук, доцент; *С.П. Татарова*, д-р социол. наук, проф.; *Э.В. Хилханова*, д-р филол. наук, проф.; *Н.Д. Хосомоев*, канд. филол. наук, проф.; *А.В. Чебунин*, д-р филос. наук, доцент

В Е С Т Н И К Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 2 (9)

Адрес издателя, редакции и типографии ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств»

670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

Телефон: (3012) 23-33-59; E-mail: vsgaki_info@mail.ru

Выход в свет 07.07.2015. 60x84 1/8. Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 9,0. Тираж 500.
Заказ №2018. Цена свободная.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВПО ВСГАКИ
670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

© ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия
культуры и искусств», 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	6
Нимаев Д.Д. СЕЛЕНГИНСКИЕ БУРЯТЫ: ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ, РАССЕЛЕНИЕ, РОДОПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ	6
Батуева И.Б. ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ОХОТНИЧЬЕГО ПРОМЫСЛА У БУРЯТ	13
Маншеев Д.М. СКОВОДСТВО В СТЕПНЫХ РАЙОНАХ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЯ	17
Бураева О.В. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	20
Сыденова Р.П. УЛУСНАЯ ОБЩИНА КАК ЗВЕНО В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)	25
Тумурхонова Н.В. ПЕРВИЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПЕРЕПИСИ 1917 Г. КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА ПРИМЕРЕ СТАНИЦЫ ЦАКИРСКОЙ)	27
Бисембаев А.А., Ахатов Г.А. ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА	31
Кургузов В.Л. СЛОВАМИ ПРАВДЫ, РАЗВЕНЧИВАЯ МИФЫ	35
Бабаков В.В. БОРЬБА БУРНАЦКОМА ПРОТИВ «ОКАЗАЧИВАНИЯ» В УСЛОВИЯХ ДИКТАТУРЫ АТАМАНА Г. СЕМЕНОВА	41
Каташев М.С. КРЕСТЬЯНСКОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ («ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ») В ГОРНОМ АЛТАЕ В 1921-1922 ГГ.	43
Эшматова Г.Б. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В ГОРНОМ АЛТАЕ	48
Дугаров В.Д., Дамбаев Л.В. ИДЕИ ОКТЯБРЯ И СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКОЕ БОЕВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	52
Жабаева Л.Б. БОРЬБА ПРОТИВ БАРОНА Р.Ф. фон УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГА (К ИСТОРИИ СОВМЕСТНЫХ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ)	57
Куперт Ю.В., Снегирева Л.И. ВКЛАД В ПОБЕДУ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ УЧЕНЫХ, ЭВАКУИРОВАННЫХ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ	62

Доржу З.Ю.	
ВКЛАД ЖЕНЩИН ТНР В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	69
Зангеева Л.Р.	
РАЗВИТИЕ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ ВЕТЕРИНАРНО-ОПЫТНОЙ СТАНЦИИ В 1941-1945 ГГ.	73
Банзаракцаева Е.В.	
ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ, ПОТЕРЯВШИМИ СВЯЗЬ С РОДИТЕЛЯМИ СОВЕТСКИХ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	77
Хамисов Б. Г.	
«БАУНТОВСКОЕ ДЕЛО» 1942 Г.: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ НКВД БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР	80
Яковлев А. Л.	
АГРОЗООТЕХНИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ МАССОВЫХ КОЛХОЗНЫХ КАДРОВ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР	82
Даваажав Баяртогтох	
ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА МНР НА КРАТКОСРОЧНЫХ КУРСАХ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ	85
Семенова Е.Е.	
РАЗВИТИЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В БУРЯТИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД	88
ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ.....	92
Дамбаев Д.Н.	
НАЧАЛО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.).....	92
Крайнова Л.Н.	
ПРОБЛЕМЫ ВЫСТРАИВАНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ БУДДИСТАМИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В.....	94
Очиров В.О.	
ИНСТИТУТ ОТЦОВСТВА В ТРАДИЦИОННОЙ БУРЯТСКОЙ СЕМЬЕ	99
Пономаренко С.В.	
КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БУРЯТСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ	101
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	103

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию представлен очередной выпуск научного журнала «Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств». В данном номере журнала опубликованы статьи участников Международной научно-практической конференции «Батуевские чтения: Межкультурное взаимодействие Сибири и стран Азиатско-Тихоокеанского региона», посвященной 55-летию ФГБОУ ВПО Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, 70-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годы, 90-летию со дня рождения д.и.н., проф. Б. Б. Батуева, состоявшейся 15 мая 2015 года.

Редколлегия

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 397(=512.31)

Нимаев Д.Д.

СЕЛЕНГИНСКИЕ БУРЯТЫ: ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ, РАССЕЛЕНИЕ, РОДОПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ SELENGE BURYATS: GENERAL INFORMATION, ACCOMMODATION, KIN-TRIBAL STRUCTURE

В данной статье подробно излагаются материалы, характеризующие этнический состав населения Иройской долины, историю его расселения и многое другое.

This article details the materials describing the ethnic composition of the population Iroyscoy valley, the history of its settlement and more.

Ключевые слова: селенгинские буряты, родоплеменной состав, иройцы, административный род, географические названия, микропонимы и т.п.

Keywords: selenge buryats, tribal composition, iroytsy, administrative race, geographical place-names, microtoponyms.

На северо-западной окраине Селенгинской земли, уютно прижавшись к самым отрогам Хамар-Дабана, удобно расположился один из прелестных уголков Земли, обжитых человеком, именуемый в целом Иройской долиной. Этот по-своему суровый в климатическом отношении край тем не менее щедро наделен самой природой. Примерно 10 тысяч лет тому назад в пределах рассматриваемой нами области установились близкие к современному ландшафт, климат, растительный и животный мир. Здесь и множество целебных источников-аршанов, рек и речушек с прозрачной горной водой. Растянулись на десятки километров заросли мощных кедров, вечзеленых елей, пихт, сосен. Бесспорным украшением леса являются белоствольная береза, неременный элемент местной флоры - стройная осина и настоящая хозяйка тайги, краса и опора леса – могучая лиственница.

Здесь же представлен, пожалуй, за исключением некоторых экзотичных видов, почти весь животный мир сибирской тайги.

Среди дикоросов особой популярностью всегда пользовалась черемша *халаяр* – основной вид приправы ко всем мясным блюдам, главный источник витамина, надежно защищающий, в частности, от напастей цинги. Основное время сбора халаяра – июнь, когда начинается горячая и короткая пора его заготовки особым способом на долгий осенне-зимне-весенний период. В особенно урожайные годы таежная почва буквально пестрит от разноцветья диких ягод: тут вам и земляника, черная и красная смородина, голубика, черника, брусника... А по берегам рек можете насладиться плодами кустарников черемухи и знаменитой облепихи. Причем их вкусовые и прочие полезные качества не сравнимы с их садово-огородными аналогами.

Сама Иройская долина как бы распадается на ряд живописных урочищ. Одно из них пересекает речка Урма, спешащая на встречу с быстроходным и своенравным Темником, левым притоком Селенги. А сама река Темник, берущая мощь своего потока в высоких дебрях Большого Хамар-Дабана, прекрасная в своем стремительном беге, весьма непредсказуема в паводковые периоды, затопляя на своем пути прибрежные луга и круша современные автомобильные мосты. Ну, а природа здешних мест достойна особого описания, красу которой могло бы по достоинству изобразить лишь перо настоящего художника.

О характере и особенностях жизни и быта древних человеческих общин на рассматриваемой земле пока не представляется возможным говорить что-либо определенное. Но нет сомнений в том, что такой достаточно благодатный край должен был стать одной из ранних и

активных зон хозяйственно-культурной деятельности человека.

Об этом, в частности, свидетельствует наличие относительно большого количества только зарегистрированных, но еще не исследованных, то есть не раскопанных археологических памятников. Для нас в данном случае важна их вполне надежно установленная датировка – от каменного века (неолита) до средневековья, иначе говоря, жизнедеятельность людских коллективов в наших краях начала зарождаться (по предварительным подсчетам) не позднее 5-7 тысяч лет тому назад [1].

Другой источник, по которому мы можем получить некоторые дополнительные факты по данному вопросу – это географические названия наших местностей или топонимия. Эта тема в какой-то степени уже становилась предметом внимания со стороны некоторых исследователей [2]. Даже из беглого взгляда вокруг очевидно, что система географических названий любого региона представляет собой весьма сложную мозаичную картину, возникшей в результате длительного пребывания в данной местности многих племен и народов различного происхождения.

Повсеместно наблюдается такая интересная закономерность, когда местные жители, пытаясь выявить смысл и содержание не совсем им понятных слов в названиях местности, стараются их объяснить по-своему, путем их сопоставления с созвучными словами из собственного языка; это явление характеризуется как «народная этимология». При этом нередко происхождение целой группы топонимов может быть связано единой и довольно стройной, легендарной сюжетной линией. Так обстоит, например, ситуация со следующей группой топонимов: Урма, Тосон, Самхаг, Сагаан хунды, Наран, Юрөө. На созвучии этих названий с обиходными словами возникло предание о том, что якобы когда по этой местности проезжал Чингис-хан, в одном месте снимали *урмэ* («молочные пенки»), в другом - сбивали *тосон* («масло»), в третьем шел снег (*саса*), откуда название Самхаг, в четвертом - его застал рассвет, на следующем урочище вставало солнце (*Наран*), а местность, где ему встретился старик, говоривший благопожелания, стала называться Юрөө.

В отношении топонима/гидронима Юрөө (Иро) можно указать, что так же называется приток р. Орхон – притока Селенги в Монголии. Данные средневековых письменных источников убеждают, что это название существовало еще задолго до возникновения империи Чингис-хана. По мнению исследователей, компонент *-ир*, прослеживающийся в основе многих географических имен в пределах Южной Сибири и Центральной Азии (Иркут, Иреть, Иртыш и т.д.), связан, возможно, с древним языковым субстратом, происхождение которого еще окончательно не установлено.

Среди рассмотренной группы названий необходимо выделить микротопоним Наран. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело не с иноязычным, а бурятским словом. Основой для возникновения данного названия послужили, по-видимому, природно-географические особенности этой довольно широкой пади, расположенной на южной, то есть солнечной стороне хребта. Такое предположение кажется более вероятным и потому, что относительно недалеко от этой местности встречается еще название Наран Булаг – буквально «солнечный родник». Не исключено, что в первом случае раньше также могло быть название типа *Наран хунды*, где второй компонент со временем отпал. Однако примечательно, что современное население уже перестало соответствующим образом воспринимать истинные обстоятельства, благодаря которым возникло данное название.

Аналогичной выглядит ситуация и с названием Сагаан хунды. В топонимии слово-термин *сагаан* «белый» нередко выступает в более многозначном варианте. В данном случае речь идет о широкой, свободной, например, от деревьев, ложине. То же самое Сагаан үбэр. Сравни с Ехэ Сагаан – названием широкого степного пространства между рекой Темник и речкой Баян-гол. Или же Сагаан дэбэ, Сагаан толгой – так были названы небольшие, прежде безлесные сопки. На последнем месте, кстати, до недавнего времени местные жители совершали обряд поклонения *Сагаан Баабайда* - «Белому старцу» - популярному среди монгольских народов покровителю скота и молочной пищи.

Название села Удунга сопоставимо с эвенкийским *эдунгэ* («ветренный, воздушный»); к тому же имеется характерный для тунгусских топонимов аффиксальный формант *-нга* (*-нгэ*). Хотя других названий явно эвенкийского происхождения мы в нашем краю пока не обнаруживаем, присутствие здесь такого рода топонимов отнюдь не может быть случайным. Так, по мнению большинства специалистов, название реки Селенга и её основных притоков: Чикой, Хилок, Уда имеют, вероятнее всего, тунгусское происхождение. Вообще тунгусоязычный топонимический пласт считается одним из наиболее распространенных и древнейших по всей Восточной Сибири.

С другой стороны, о сравнительно недавних, вполне вероятных контактах местного населения с эвенками может свидетельствовать бытовавшая среди старшего поколения выражение: *хамниган шэнди* - «подобно хамнигану». Такое обращение относилось к неумехам по обращению со скотом. Хамниганами буряты и халха-монголы называют эвенков (в прошлом тунгусов), основным хозяйственным занятием которых являлись охота и рыболовство.

А в названии гидронима Темник (Химнэ) можно предполагать наличие распространенного в Евразии топоформанта *-хем* (*-кем*) «вода, река»: Бий-Хем, Ак-Хем, Улук-Хем...

Топоним Урма близко созвучен с тюркским *урман* «лес на равнине»; у волжских татар и башкиров так называется всякий лес, преимущественно хвойный и труднопроходимый [3].

Оорсог - это название небольшой лесистой сопки в долине реки Иро. Подобные названия встречаются и в других районах Бурятии, и они удовлетворительно не расшифровываются средствами языка местного населения. Однако оно созвучно с распространенным в тюркских языках термином *ор* - «высокое место, возвышенность». Тюркским является и распространенный географический термин *сарам*, обозначающий болотистые поляны в лесу. Количество тюркоязычных элементов в местной топонимии значительно увеличится, если учесть, что многие географические термины являются общими как для монгольских, так и для тюркских языков. Например, *арал* - «остров», *булаг* - «родник», *тала* (*дала*) - «степь» и т.д.

Среди бурят-монгольских по происхождению топонимов выделяются довольно распространенные названия, связанные с частями человеческого тела. В пределах нашего края, кроме упомянутого термина *толгой*, еще встречаются, по крайней мере, в двух местах, Баян зүрхэ «богатое сердце», Хамар даваан - букв. «нос-перевал», Баруун, Дунда, Зуун хүл, Юмын хүл - это названия горных отрогов, подножий на территории Верхнего Иро. Здесь может возникнуть вопрос о возможной связи последнего названия с предками (патронимией) Сайнцака Юмова, главного тайши Селенгинской степной думы в 1885-1896 годах, представителя иройских харанутов.

Несколько особняком в данном ряду стоит, на наш взгляд, микротопоним Эльгэн - букв. «печень». Это название небольшой речной долины в бассейне Темника. Очевидно, что внешние признаки обозначаемого географического объекта в данном случае не могут быть связаны с семантикой названия. Видимо, необходимо учесть многозначность самого слова *эльгэн*. 1. Это могло быть обозначением места родного очага, малой родины. 2. Солнечная сторона чего-либо. Далее, это имя могло иметь связь с теонимом *Ульгэн*, который в бурятской мифологии олицетворяет Землю, праматерь людей. Например, существует выражение: *Ульгэн дэлхэй эхэмнай* «Мать-земля Ульгэн».

Таким образом, более близкое знакомство даже с некоторыми из местных географических названий убеждает нас в интересной и увлекательной биографии каждого из них, в которых сокрыта и частица всей нашей общей истории.

Как очень образно и точно определял известный русский ученый-публицист Н.И. Надеждин, «земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре». Следовательно, в зависимости от того, в какой степени сумеем прочесть эту книгу, «написанную» нашими предками на протяжении многих сотен и тысяч лет, в известной мере будут определяться и наши познания в области далекого прошлого родного края.

Родо-племенной состав нынешнего населения Иройской долины, как, впрочем, всех селенгинцев, начал складываться относительно поздно, уже после вхождения Бурятии в со-

став Российского государства. Русские, как известно, по мере продвижения по территории Сибири основывали своеобразные опорные пункты - остроги, ставшие со временем прообразами многих современных городов и поселков. В 1665 году был сооружен Селенгинский острог, в свое время ставший важным форпостом России на юге Забайкалья. Острог поставили квадратным в плане (15x15 сажень), основой, с четырьмя угловыми башнями. 5-метровые высоты стены из острожин были дополнительно укреплены рвом и надолбами [4].

За находившимся в административном ведении острога, позднее Селенгинской степной думы и Цонгольской инородческой управы местным населением исторически закрепились названия «селенгинские буряты». Содержание этого понятия в разное время и у разных авторов неодинаково. В дореволюционный период в общих чертах под селенгинцами понималось бурятское население, обитавшее в долине Селенги к югу от Верхнеудинска до монгольской границы и по притокам Селенги - Темнику, Джиде, Чикою, Хилку или, иначе говоря, это территории современных Иволгинского, Селенгинского, Джидинского, Кяхтинского и, частично, Бичурского районов Бурятии.

Этнический состав селенгинских бурят начал стабилизироваться в основном после установления русско-монгольской границы по так называемому Буринскому трактату 1727 года, согласно которому, по взаимной договоренности сторон, было прекращено доселе практически свободное перемещение людей по обе стороны границы.

Согласно «Селенгинской ведомости», составленной в 1735 году, селенгинские буряты состояли из 17 административных родов; общая численность душ обоего пола - 11400 человек [5]. Все указанное население, помимо так называемых «Галзуцкого роду тунгусов», представлено родами западнобурятского происхождения и «мунгальскими выходцами». Все подробности о времени и конкретных причинах их появления в долине Селенги мы здесь опускаем ввиду общеизвестности фактов, отсылая заинтересованного читателя к некоторым наиболее известным и доступным, на наш взгляд, работам [6].

В связи с дальнейшим ростом численности населения происходило и увеличение количества административных родов. Так, в списке от 1766 года названы уже 22 рода, в том числе 2 «харанутских», один из них - «кочующий по р. Чикою».

Более подробные статистические сведения представлены по итогам Первой Всероссийской переписи населения 1897 года. Харанутских родов стало уже 4: **1-й Селенгинско-харанутский**, самый многочисленный - 3012 чел., расселенный по всей северной Селенге вплоть до Загустая; **2-й Селенгинско-харанутский** - 559 чел., в урочищах Селенгинский Енхор, Тамчинское, Бараний луг при Чикое, Енхор на р. Джиде; **Чикойско-харанутский** - 862 чел., урочища Верхне-, Средне- и Нижне-Шаральджинское при речках с теми же названиями; **Иринско-харанутский** (так зафиксировано в первоисточнике) - 1197 чел., урочища Иринско-Борогонское, Иринское и Самхакское при р. Иро (Иринский десяток), Урминское, Илигинское и Удунгинское на р. Темник (Темникский десяток) [7].

Как видно из приведенного описания, большая часть иройцев в то время официально числилась в составе Иройско-харанутского административного рода. Так называемый административный род – это, конечно, детище периода русского правления или же его вернее рассматривать как закономерный результат преобразований, возникавших в новых социально-экономических и политических условиях. Нового типа административные образования устанавливались, в основном, применительно к прежней родо-племенной структуре аборигенов, но здесь уже доминировали принципы иных общественных отношений, основанных на территориально-соседских связях, а не на традиционных кровнородственных.

Административный род делился, в свою очередь, еще на ряд (иногда до 10-ти и более) относительно мелких подразделений *ясун* «кость», не всегда генетически связанных между собой. При этом часто название одного из костей совпадает с наименованием самого административного образования. Так, Иройско-харанутский состоит из следующих костей: 1. Далай-харанут. 2. Шаралдай. 3. Дабши.

В поле нашего зрения находятся владения еще нескольких административных родов.

Алагуевский - 1064 чел., урочища Инзагатуйское и Халгатуйское (Инзагатуйский десяток), урочище Жаргалантуй (Жаргалантуевский десяток), урочища Иринское и Иринско-Урминское при р. Иро (Иринский десяток) [8].

2-й Чернорудский - 549 чел., урочища Удунгинское у рек Темник и Удунга (Удунгинский десяток), урочище Темникское у реки Темник (Темникский десяток) [9].

Примечание: «Чернорудский» - это искаженное написание в русских источниках этнонима *Шоно ураг*.

Хагагинов род - 11047 чел., Иринское (Иройское) урочище при рч. Иро (Иринский десяток) - 30 хозяйств, 60 м, 68 ж.

Орбонтуевское ур. (Ир. дес.) - 17 хоз-в, 44 м, 46 ж.

Цаган-гол. ур. (Ир. дес.) - 8 хоз-в, 23 м, 20 ж.

Темнецкое ур. (Ир. дес.) - 6 хоз-в, 15 м, 13 ж.

Ацульское ур. (Ир. дес.) - 8 хоз-в, 16 м, 21 ж.

Если следовать материалам использованных нами официальных источников (Патканов, Румянцев), среди иройцев имеются представители таких родов, как харанут, алагуй, шоно, хатагин. В результате бесед с нашими информантами в селе Ташир в 1970-х годах были выявлены представители еще нескольких родов: ользон, энгут, булуудха, отог.

Относительно двух последних можно сказать следующее. **Булуудха** – это, вероятно, искаженная передача имени одного из булагатских родов булут. **Отог** – здесь мы имеем дело, скорее, с какой-то путаницей с понятиями. Этот установившийся термин в традиционной родо-племенной номенклатуре монгольских народов обозначает: 1. генеалогические образования типа «род», «клан»; 2. название территориально-административной единицы в дореволюционной Монголии и Бурятии. 3. стойбище; шалаш.

Теперь попытаемся рассмотреть некоторые сведения общего характера по генеалогии зафиксированных в Иройской долине родовых групп. Отметим сразу, что вопросы о происхождении не только этих, но и большинства других бурятских родов решались неоднозначно ввиду противоречивости данных разных источников.

Начнем с того, что содержания родословного древа самого булагатского племени в целом сильно варьируют в зависимости от места проживания и родовой принадлежности информантов. Не вдаваясь в особые подробности, отметим, что согласно большинству известных версий, Булагат – легендарный прародитель западных бурят, имел двух сыновей: Булганхара и Бузганхара. Правда, дальнейшая родословная линия ведется в основном от Булганхара. В качестве его сына обычно называется *Тоглог (Тугалаг)*. Последний имел семерых сыновей, от которых якобы разветвилось многочисленное племя булагатов. Про это говорят: «*Тоглогой долооо тооложо барахабэйт, Тогоониинь архиие уужа барахабэйт!*» - «Не счесть потомков всех сыновей Тоглока, не выпить до дна их молочной водки!».

Подчеркнем также, что в разных вариантах родословных преданий по-разному передаются не только порядковые номера, но и имена семерых сыновей. В сравниваемых нами 5-6-ти вариантах родословных везде фигурирует, причем неизменно в качестве старшего сына, Алагуй. Его почетное место в иерархической системе булагатских родов получило отражение в соответствующих эпитетах: *Аха ехэ Алагуй* - т.е. «старший и почтенный», *Ама сагаан Алагуй* - букв. «белоротый». Поэтому есть основание рассматривать алагуев род как один из основных или коренных в составе булагатов. В основе имени лежит тюрко-монгольское ала(г) - «пестрый, пегий». Возможно, имеет место табуированное название какого-либо тотемного животного. В качестве исконного места обитания алагуевцев в преданиях постоянно упоминается долина Куды, иначе говоря, речь идет о центральной части территории современного Усть-Ордынского бурятского округа.

По-разному решался вопрос о происхождении рода харанут. В целом не вызывает сомнений тот факт, что харануты появились на Селенге непосредственно из пределов Предбайкалья. Там они проживали в двух местах: одни - по Оке и Ангаре, другие - по долинам рек Куды и Мурина. Согласно приведенным данным С.П. Балдаева, родословные корни у них об-

щие. Известный исследователь бурятской старины не склонен включать харанутов в число исконных бурятских родов, считая их пришедшими из Джунгарии, причем датируя их приход, без каких-либо объяснений, серединой XVIII в. [10]. Однако такая датировка не согласуется с документальными фактами, так как к приходу русских, т.е. в 1-й половине XVII века, харануты уже обитали в пределах вышеназванных территорий. Последние, согласно некоторым вариантам родословных версий, входят в состав так называемой *Батлайн* долоон «Батлаевской семерки». А Батлай считается одним из сыновей (или внуков) Тоглока. Высказывалось мнение о тунгусском происхождении харанутов [11]. Однако с такой постановкой вопроса трудно согласиться. Харануты являются одним из известных родовых групп у халха-монголов, встречаются среди ойратов, кость харанут зафиксирован среди сартульского рода. Поэтому, думается, что их основная родословная линия не должна выходить за пределы монгольского этнического мира. Правда, при этом надо помнить о том, что монгольские и тунгусские племена с давних пор находятся в состоянии весьма тесного этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния, в результате чего весьма частыми были взаимобрачные отношения, поэтому утверждать об этнической чистоте некоторых родовых групп затруднительно.

Булагатское происхождение энгутского рода вроде не вызывало возражений. По преданию, Энгут имел девять сыновей, и все они были сильными баторами.

В Забайкалье оказались два брата; один из них поселился в Иро. Звали его Осодой. Энгутов всего в Иро было около 30 дворов. Они призывали своих предков так:

Юрэн юхэн Энгут - девяносто девять энгутов.

Гушан гурбан шошоолог - тридцать три шошолока.

Записано со слов Дэмбрэла Намсараева в 1943 году [12].

Родословная эхиритского племени также возводится к их легендарному первопредку Эхириту, который, согласно большинству вариантов западнобурятской мифологии, является или братом-близнецом, или сводным братом Булагата. У Эхирита имелся сын Зонхи, которого можно рассматривать как своеобразного прототипа Тоглока. У Зонхи было четверо сыновей (иногда называется и пятый - Малза) - Нуудаг Сагаан, Шоно, Нэнгэлдэр, Абзай (порядок их расположения также варьирует).

Интересующий нас род шоно (наиболее многочисленный, по словам С.П. Балдаева) делился на следующие кости: хамнай, бурлай, богол, борсой, нетун, басай, оторши.

Шоно можно отнести к числу наиболее древних монгольских родов. По имеющимся сведениям, *чину аймаг* имелся у сяньби [13], т.е. речь идет о событиях первых веков н.э. Род Чонос упоминается в «Сокровенном сказании монголов» (1240 г.) [§129]. Родовые группы с аналогичным названием известны среди халха-монголов, калмыков.

Эхириты-шоноевцы имели, очевидно, тесные связи с тунгусами. По преданиям, и первая, и вторая жена Шоно были эвенкийками. От потомков со второй жены произошел род хамнай, про которых говорят: Хамниган хамганһаа гараһан Хамнай «родившийся от хамниганской женщины Хамнай».

Представители рода шоно (ураг), по сведениям С.П. Балдаева, широко расселены по всей Бурятии - живут в Еравне, Кижинге, Аге.

Ользонов род произошел от Сэхира (Сэнхира), сына Нуудаг Сагаана. Согласно преданиям, и здесь прослеживаются отголоски былых взаимобрачных отношений эхиритов с эвенками. Как повествуется в одном из них, во время отсутствия Сэхира и его брата Сахира, хамниганами были взяты в плен их жены, которые, после вызволения их из неволи, родили по одному сыну.

Западнобурятские роды в массовом, организованном порядке начали переселяться на забайкальскую сторону где-то с конца XVII в. до 1-й трети XVIII в., причем во многом по инициативе русской администрации, которая была заинтересована в окончательном и надежном закреплении за собой относительно свободных земель, прежде всего, в бассейне Селенги, где располагались преимущественно подвижные, кочевые группы аборигенов, находившихся к приходу русских практически в полном ведении халхаских ханов. Для освоения но-

вых земель нужны были уже несколько «прирученные» российскими порядками жители Западной Бурятии, больше гарантированные, скажем, от побега в Монголию.

Хатагины входят в число тех 8-ми групп «мунгальских выходцев» (*баруун найман*), вышедших из Халха-Монголии во время развернувшихся феодальных междоусобиц в XVII-нач. XVIII вв. О событиях тех лет сохранилось следующее образное выражение: «*Бошогто хааны бусалгаанаар, Сайн хааны самаргаанаар гаража ерэсэн зомди!*». Согласно селенгинским летописям, хатагины вышли из Сайн-нойоновского (Тушетухановского) аймака Монголии двумя группами: одна – в 1670-х годах, другая – в 1720-х годах. Объединившись, образовали один административный род [14].

Имеющиеся факты позволяют отнести хатагинов к числу коренных монгольских родов. Некоторые исследователи склонны связывать происхождение хатагинов с именем Бугу-Хадаги – одного из трех сыновей, родившихся у Алан-гоа – жены Добо-мэргэна – после его смерти, чудодейственным способом, от луча солнца (Сокровенное сказание монголов. §§17, 19). Конечно, очевидно, что в таких эпических персонажах, как Алан-гоа, Добо-мэргэн и т.д., отражен именно легендарный период в этнической истории монгольских народов. Поэтому предлагались и другие варианты решения вопроса о генезисе хатагинов. По мнению монгольского этнографа А. Очира, этноним хатагин возник в результате слияния двух слов: *хад* и *тегин*. **Хад** – это множественное число от *хан*; **тегин** – титул, присоединяемый к именам младших членов ханской семьи; принц. В слове *хад* произошло выпадение конечного *-д*, а в слове *тегин* фонема *-е* по закону сингармонизма превратилась в *-а* [15].

Отметим, что в отношении селенгинских бурят, прежде всего, южных, установилась традиция называть их всех «сонголами», т.е. по названию одного из административных родов. Сложившаяся ситуация обусловлена, на мой взгляд, следующими обстоятельствами. Во-первых, представители именно цонгольского рода занимают пограничное положение по отношению к другим группам бурятского населения, носителям «накающего» говора. Во-вторых, это самый многочисленный административный род среди южноселенгинских бурят.

Явное преобладание родов западно-бурятского происхождения среди иройцев обусловило некоторые особенности в их языке.

Например, более редкое употребление аффрикат *ц(мс)*, *ч(ми)*, особенно в первых слогах слов. См. напр.: цагаан//сагаан, цэцэг//сэсэг, чулуу//шулуу. Поэтому считаем возможным выделение отдельного, иройского подговора в рамках цонгольского говора бурятского языка.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод о том, что родоплеменной состав селенгинских бурят в целом весьма сложный, далеко неоднозначный.

Примечания

1. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия. Т. 2. Памятники археологии. Улан-Удэ : Новопринт, 2011.
2. Бабуев С. Д. О топонимах Селенгинского района // Традиционная система управления кочевых сообществ Южно Сибири : материалы науч.-практ. конф., 11-12 июня 2008 г. Улан-Удэ, 2008. С. 176-177 ; Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, 1969. 185 с. ; Нимаев Д. Д. Микротопонимика Селенгинского района // Быт бурят в настоящем и прошлом. Улан-Удэ, 1980. С. 132-138.
3. Мурзаевы Э. В. Словарь местных географических терминов. М., 1959. 302 с.
4. Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1983. С. 84.
5. Румянцев Г. Н. Селенгинские буряты // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. 1965. Вып. 2. С. 87-117.
6. Батуев Б. Б., Батуева И. Б. Очерк истории селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1992. 103 с. ; Бурядайд түүхэ бэшэгүүд = Бурятские летописи и предания. Улаан-Удэ : Бурядайд номой хэблэл, 1992. 240 н. ; Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. 198 с. ; Нимаев Д. Д. Селенгинские буряты // История и культура народов Сибири, стран Центральной

и Восточной Азии : Батуевские чтения : материалы III междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2007. С. 219-228 ; Румянцев Г. Н. Селенгинские буряты // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. 1965. Вып. 2. С. 87-117 ; Тубчинов С. Д. Из этнической истории селенгинских бурят-монголов // Народы Бурятии в составе России: от противостояния к согласию. Улан-Удэ, 2002. Ч. 3. С. 29-34 ; Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972 ; Юмов Б. О. Селенгинские харануты // Традиционная система управления кочевых сообществ Южной Сибири : материалы науч.-практ. конф., 11-12 июня 2008 г. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2008. С. 144-148.

7. Патканов С. Статистические данные, показывавшие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Сводные таблицы и краткие выводы. СПб., 1912.
8. Патканов С. Статистические данные, показывавшие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Сводные таблицы и краткие выводы. СПб., 1912. С. 667-668.
9. Там же. С. 672.
10. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. В 2 ч. Ч. 1. Булагаты и эхириты. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970.
11. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972. С. 251-252.
12. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят : в 2 ч. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. Ч. 1: Булагаты и эхириты. С. 154, 158.
13. Сухбаатар Г. Сяньби. Улаанбаатар, 1971. С. 50-52.
14. Бурядай түүхэ бэшэгүүд. Бурятские летописи. С. 147-149.
15. Очир А. О происхождении этнических названий монголов боржигин, хатагин, элжигин и цорос // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ, 1996. С. 3-5.

УДК 392(=512.31)

Батуева И.Б.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ОХОТНИЧЬЕГО ПРОМЫСЛА У БУРЯТ HUNTING CULTURE OF THE BURYATS

Статья посвящена формированию и развитию охотничьего промысла у забайкальских бурят с древнейших времен до конца XIX века. Представлены разные точки зрения, имеющиеся в исторической литературе о степени развития охоты среди забайкальских бурят.

Article is dedicated to the formation and development of the hunting performance of the Buryats since ancient times until the end of the 19th century. Shows the different views available in the historical literature on the extent of development of hunting performance among Buryats.

Ключевые слова: охота, буряты, промыслы, пушнина, ясак, облавная охота.

Keywords: hunting, Buryats, crafts, furs, tribute, up hunting.

Промыслы и ремесла – древнейший род деятельности человека. Они были известны жителям Забайкалья в далекие исторические времена и занимали в жизни бурят подсобное, второстепенное место. Тем не менее, они вносили в быт разнообразие, обогащали его новыми качествами и улучшали общее благосостояние населения, помогали формированию и расширению хозяйственных и бытовых связей между бурятским населением в различных районах, в конечном счете, способствовали объединению, консолидации бурят в единый этнос.

В дореволюционной литературе охоту и рыболовство, также как и земледелие, и животноводство относили к промыслам. Последние затем были выделены из этого понятия. По мере развития основных отраслей производства, как земледелие, животноводство, промыс-

лом стали называть также мелкое ремесленное производство, как подсобное занятие при основном сельскохозяйственном производстве. Древнейшие обитатели районов Забайкалья занимались теми или иными промыслами, под которыми подразумевается простейший способ добывания средств существования.

Найденные вокруг Байкала археологическими исследованиями предметы указывают на занятие людей древнейшей эпохи различными промыслами.

Обитатели Нижней Березовки около 1300-1000 годов до нашей эры изготавливали из камня орудия труда, оружие – ножи, наконечники стрел и другие изделия, выделывали тонкостенные глиняные сосуды с острым или округлым днищем, тщательно украшенные узорами неолитического типа.

Они охотились на лося, благородного оленя и косулю, занимались рыболовством, о чем свидетельствуют сохранившиеся многозубчатые гарпуны из рога или кости, крупные и мелкие грузила для разного вида рыболовных сетей, сохранились ямы, куда ссыпались рыбы кости и чешуя [1].

Вещественные материалы, свидетельствующие о занятии жителей Забайкалья промыслами и ремеслами, сохранились и в памятниках последующих периодов. Это времена гуннов, курыкан, монголов.

Наиболее ранними отраслями производственной деятельности человека являлись охота и рыболовство.

На определенной исторической стадии охота и рыболовство были основными способами добычи средств существования, однако они обычно сочетались с другими отраслями производственной деятельности: собирательством, а впоследствии - со скотоводством и земледелием.

В бурятоведческой литературе бытовало мнение, что древние буряты занимались главным образом охотой и рыболовством, а скотоводство и земледелие имели лишь подсобное значение.

При этом утверждалось, что общинная охота под названием зэгэтэ-аба, когда несколько родов устраивало коллективную облавную охоту, представляла собой основу хозяйственной жизни бурят.

Такую точку зрения высказывали М.Н. Хангалов, Д.А. Клеменц, М.Н. Богданов, ее придерживался и П.Т. Хаптаев в своей книге «Краткий очерк истории бурят-монгольского народа». Оспаривая данную точку зрения, ответственный редактор этой книги Е.М. Залкинд в примечании к соответствующей главе делал специальную оговорку: «Эта «эпоха» представляла собой искусственную реконструкцию по разновременным данным фольклора. Исторические материалы показывают, что такой эпохи, причудливо сочетающей в себе элементы развитого эксплуататорского строя с первобытно-общинными отношениями, никогда не существовало» [2].

Иностранцы путешественники довольно подробно описали сам процесс облавной охоты. Избрант Идес в конце XVII века писал, что «весной и осенью буряты собираются сотнями и верхом едут охотиться на диких коз и оленей для добычи мясного продовольствия. Пока эта провизия у них (бурят) держится, они питаются ею, и только когда она съедена, у них является намерение повторить охоту или рыбную ловлю – в зависимости от времени года» [3].

П.С.Паллас, в 70-х годах XVIII века участвовавший в академической экспедиции, отмечал занятие охотой селенгинских бурят, у которых еще сохранились традиции облавной охоты. Он писал, что в гористых местностях Селенгинского района промысел «довольно прибыточен, ибо попадают рыси, куницы, россомахи, лисицы, горные или каменные кошки (манулы), выдры, медведи, соболи, белки и другие, коих кожи употребляются для мехов, - также олени, лоси, дикие ослы и др.» [4]. Паллас описал облавную охоту бурят в восточном Забайкалье.

Очевидно, нельзя отрицать того факта, что вплоть до XVII-XVIII веков охота и рыболовство занимали в жизни бурят существенное место.

Если раньше наибольшую ценность для бурят представляли козы, изюбри, которые давали мясо, то начиная с XVII века на первое место выдвигается охота на пушных зверей. Пушнина стала сбываться в Монголию и Китай, она являлась главным предметом для уплаты ясака царским властям.

В то же время необходимо отметить, что с дальнейшим развитием скотоводства, увеличением поголовья скота буряты стали все больше осваивать степи, уходить от лесных массивов. Это приводило к тому, что они все меньше располагали возможностями для развития охоты.

В большинстве имеющихся архивных документов говорится о малом занятии забайкальских бурят охотой. Так, например, о хоринцах сообщалось: «платят ясак по иноземческому обыкновению натурой – соболями и рысами, и лисицами, и росомахами, и белкой, а за неимением мяхкой рухляди с прошлого 710 году деньгами по два рубли за соболя» [5].

Охота на пушного зверя у бурят производилась главным образом для уплаты ясака. Если же что-то оставалось после этого – продавалось, потому что в быту у них пушнина практически не применялась. Это лишнее свидетельство того, что охота у бурят еще в XVII веке занимала второстепенное место и чем дальше, тем больше ее роль падала.

Свидетельством того, что охота у бурят не являлись основным занятием, служат их неоднократные обращения к властям с просьбой об уплате ясака скотом, а не пушшиной. Так, в челобитной 1687 года «брацкие люди и мунгальские выходцы били челом нам, великому государю, словесно, чтоб для их скудости имать с них в нашу великого государя казну вместо соболей и иных зверей скотом». Мотивировка этого была следующая: «мы, сироты твои, живем на степе, от соболиных промыслов в дальности и сами соболей не промышляем, а в ясак соболи покупаем у всяких людей» [6].

О незначительном удельном весе охоты в жизни бурят также свидетельствуют и своды обычного права, они не содержат или почти не содержат материалов на этот счет.

Охота забайкальских бурят, как отрасль, дифференцировалась на охоту на мясного зверя, добычу пушнины, получение лекарственного сырья животного происхождения [7]. Охота на мясного зверя имела распространение особенно среди тункинских, закаменских бурят. Основным объектом охоты являлся пушной зверь (белка, соболь, горностаи и другие). Этим видом охоты занимались во всех бурятских ведомствах. При этом наибольший удельный вес занимала охота на белку, а количество остальных вылавливаемых зверей было невелико.

В XIX веке охота среди забайкальских бурят, по словам Е.М. Залкинда, «исключая некоторые районы в Закаменском и Баргузинском ведомствах, превращалась в сугубо второстепенное занятие» [8].

В исторической литературе о степени развития охоты среди забайкальских бурят в XIX веке имеются разные точки зрения. М.М. Кроль в 1895 году писал, что имеющиеся в степных думах и инородных управах «данные о зверином промысле в течение текущего столетия не заслуживают никакого доверия», что отчетные данные преуменьшены по крайней мере в 2-3 раза. Сообщая об этом, Е.М. Залкинд не считал возможным ему возразить [9].

Свое мнение по этому вопросу высказала специально занимающаяся этой темой С.Г. Жамбалова: «Сказанное ни в коей мере не свидетельствует о том, что материалы степных дум могут рассматриваться однозначно. Естественно, в каждом случае они требуют особого подхода и при известной осторожности могут являться источником для исследования традиционной охоты бурят XIX - начала XX веков» [10].

Нам представляется, что точка зрения последнего автора является, безусловно, верной. В отчетах степных дум речь идет главным образом о пушных зверях, которых буряты у себя в быту не употребляли и скрывать, занижать их количество поэтому для них не было не-

обходимым. Трудно допустить, что они могли продавать их помимо ярмарок, в сотнях километров от города, где не было покупателей такого товара, куда едва ли мог попасть и купец.

М.М. Кроль целиком отрицает данные степных дум за все столетие. Спрашивается, какая была необходимость из года в год повсеместно фальсифицировать данные об охоте бурят, причем преуменьшать количество в 2-3 раза. Конечно, никто не настаивает на том, что все цифры за все годы абсолютно точны. Возможны, даже неизбежны неточности, недоучет, как и по другим показателям отчетов. Но представляется, что нет оснований для полного их отрицания.

По данным материалов комиссии Куломзина, в 1897 году больше всего хозяйств, занимающихся охотой, было в Селенгинском округе, особенно Закаменской инородной управе, где 47,2% хозяйств, в Армакской инородной управе 42,6% хозяйств занимались охотой. Самым распространенным видом охоты продолжала оставаться охота на белку с ружьем [11].

Таким образом, охота, этот древнейший вид хозяйствования, у забайкальских бурят в XIX веке продолжала оставаться одной из отраслей хозяйства. Однако удельный вес его в общем хозяйстве был весьма небольшой.

Степень распространения охоты в разных районах Забайкалья в зависимости от природных условий, наличия промыслового зверя и имеющихся у жителей традиций в этом деле была различной. В некоторых, особенно горно-лесистых районах охотой занимались в большей степени, в других – в меньшей или вовсе не занимались. Охота занимала заметное место среди части баргузинских, тункинских, закаменских, небольшой части селенгинских, хоринских, агинских и кударинских бурят.

Для них доходы от звероловства служили дополнительным источником для уплаты податей, для удовлетворения собственных нужд в питании.

Охота на зверей приводила к постепенному истощению запасов объектов промысла. Поэтому в течение всего столетия имело место сокращение объемов добычи всех видов зверей, что нашло отражение в отчетах степных дум.

Примечания

1. История Бурят-Монгольской АССР. Изд. 2-е. Улан-Удэ, 1954. Т. 1. С. 21-22.
2. Хаптаев П. Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ, 1942. С. 12.
3. Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695). М., 1967. С. 270.
4. Гирченко В. П. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах. Улан-Удэ, 1939. С. 35.
5. Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 177.
6. Там же. С. 169-171.
7. Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск, 1991. С. 22-23.
8. Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX века. М., 1970. С. 64.
9. Там же. С. 59-60.
10. Жамбалова С. Г. Указ. соч. С. 19.
11. Разумов Н. И. Забайкалье. Свод материалов высочайше учрежденной комиссии для исследования местного земледелия и землепользования, под председательством статс-секретаря Куломзина. СПб., 1899. С. 317.

СКОТОВОДСТВО В СТЕПНЫХ РАЙОНАХ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ CATTLE BREEDING IN THE STEPPE REGIONS OF EASTERN TRANSBAIKALIA

В статье исследуется скотоводство агинских бурят в XIX веке. Выявлено процентное соотношение видов скота агинских бурят в разные годы и факторы, обусловившие его изменение. Показана численность скота в пересчете на душу населения, определены формы кочевания.

The paper investigates the cattle Agin Buryat in XIX century. Revealed the percentage of livestock species Agin Buryat in different years and the factors responsible for its variation. Shows the number of cattle per capita terms, defined forms of nomadism.

Ключевые слова: степь, скотоводство, формы хозяйства.

Keywords: steppe cattle, forms of economy.

Агинские буряты обитали в степях Восточного Забайкалья. Агинские степи являются северо-восточной частью зональных степей Монголии, к северу переходящие в зону леса. Основной хозяйством агинцев было скотоводство. Из отчета Агинской степной думы за 1848 г.: «*Скотоводство составляет главную отрасль богатства инородцев (агинских бурят. – Д.М.), равно и доставляет им важное продовольствие по недостатку в хлебе и других припасах <...>. Частным образом сего года продано и променено на товар купцам приезжающим в их стойба, лошадей – 1080 шт., рогатого скота – 1860 шт., баранов 155 шт.*» [1]. Земледелие в Агинском ведомстве не получило широкого развития из-за «неудобства каменистого и солонцеватого грунта земли».

В 1842 г. в Агинском ведомстве числилось 107 414 голов скота. К 1844 г. численность стада агинцев увеличилась до 135 798 голов, всего на 28 384 головы. Засуха конца 1830-х – начала 1850-х гг., произошедшая в Забайкалье коснулась и Агинского ведомства. Апогей засухи в Агинском ведомстве пришелся на 2-ю половину 1840-х – начало 1850-х гг. Кульминация засухи привела к падежу скота. К 1847 г. численность стада агинских бурят сократилась до 127 560 голов, а к 1848 г. количество скота уменьшилось до 115 817 голов. При всем том численность скота на душу населения Агинского ведомства была высокой и в 1848 г. составила 6,7 головы разного скота на одного человека. Падеж скота продолжился и в 1853 г. В течение 1853 г. из 104 879 голов наличного скота пало 5300 голов, осталось 99 579 голов [2].

Доля овец в стаде агинцев была традиционно высокой. Овцы, будучи кочевными животными, являлись основным богатством агинских бурят. Особенность овец заключается в их способности к быстрому воспроизводству. Так, во временном промежутке 1842-1844 гг. численность стада агинцев выросла в основном за счет быстрого роста числа овец. Количество овец за два года увеличилось до 20 122 голов. С 1844 г. количество овец в стаде агинцев уменьшается. К 1853 г. численность овец уменьшилась до 50 360 голов, всего на 23 894 головы по сравнению с 1844 г., т.е. овцы пострадали от засухи больше, чем остальные животные. Продукция овцеводства агинцев была востребована. Однако шерсть, собранную с овец, агинцы использовали преимущественно для собственных нужд. Много овечьей шерсти употреблялось при изготовлении войлочных юрт, одежды и пр. Из отчета Агинской степной думы за 1848 г.: «*Особо продано овечьей шерсти рунной 355 пудов 10 фунтов по 2 руб. и поярковой 82 пуда 20 фунтов по 2 руб. 28 ¹/₈ коп., и употреблено сей последней на домашния расходы до 2700 пудов, да к тому продано так же мерлушки на 1770 руб. 10 коп. серебром*» [3].

В 1842-1853 гг. удельный вес лошадей в стаде агинцев варьировал в пределах 19,39-23,09 %, а доля КРС колебалась в промежутке 16,92-22,77 %. Удельный вес коз в стаде менялся между 6,27-7,86 %. Во время засухи количество верблюдов в стаде уменьшилось с 1,58 % в 1842 г. до 1,43 % в 1853 г. Однако в сравнении с удельным весом верблюдов в стаде балаганских, селенгинских и хоринских бурят доля верблюдов в стаде агинских бурят была на-

много выше. Численность верблюдов у агинцев была выше численности верблюдов балаганцев в 10 раз. Если сравнивать количество верблюдов у агинцев с количеством верблюдов у селенгинских и хоринских бурят, то численность агинских верблюдов выше численности селенгинских и хоринских верблюдов в 3-4 раза. Таким образом, кочевое хозяйство агинских бурят было неустойчиво и восприимчиво к частым изменениям погодных условий, характерных для Забайкалья.

Были незначительны покосные земли у агинских бурят. По сведениям Агинской степной Думы за 1848 г., в ведомстве агинских бурят числилось 8123 дес. покосов и 4560 дес. пашни. В том году *«сена накошено было 330 942 копны. Урожай трав был посредственный. Луга наводнению не подвергались и накошенное сено уносимо не было»* [4]. Простые исчисления показывают, что во время засухи 1848 г. с одной десятины было собрано 41 копна, или 231 пуд сена. Следовательно, урожайность агинских покосов была сопоставима с урожайностью покосов балаганских бурят? Возможна ли такая большая урожайность сена в природных условиях сухой монгольской степи и при кочевом образе жизни агинских бурят сопоставимая с урожайностью сена у балаганских бурят, обитавших во влажной зоне Приангарья? Ответ очевиден – нет, размеры урожая сена откровенно завышены. Ближе к достоверности, но все еще завышены размеры накошенного агинцами сена в благоприятные в погодном отношении 1854-1855 гг. В 1854 г. в ведомстве агинских бурят было накошено 207 173 копны сена, а в следующем 1855 г. – 239 366 копен сена [5].

подавляющее большинство агинских бурят вело кочевое скотоводство, и только 0,50 % населения Агинского ведомства вело оседлый образ жизни. Мало было и христиан среди агинцев. За весь XIX в. доля христиан в Аге не превысила 1,6 %.

К середине XIX в. в Агинском ведомстве в незначительном количестве появляются хозяйства, ведущие полукочевые и полuosедлые формы скотоводства. Прямого указания на факт появления у агинских бурят полукочевое и полuosедлого скотоводства у нас нет. Об этом можно судить по факту появления в Агинском ведомстве земледелия, деревянных юрт и домов русского типа, не характерных для кочевников-агинцев. Так, в 1848 г. в Агинском ведомстве числились 4601 войлочная юрта, 83 деревянных юрт и 12 домов русского типа. Вероятно, появление деревянных юрт связано с переселением в Агу предбайкальских бурят.

После окончания кризиса скотоводства 1847-1853-х гг. агинские буряты наращивают численность своего стада. К 1861 г. размеры их стада выросли до 161 812 голов скота, а на душу населения – до 6,6 головы. Однако в следующем 1862 г. в результате холодной и снежной зимы произошел массовый падеж скота [6, с. 91]. Численность скота в Агинском ведомстве сократилась до 116 874 голов, а на душу населения – до 4,8 головы. Затем начинается новый рост поголовья скота, и к 1878 г. их количество достигает 502 942 голов. В том году в расчете на душу населения пришлось 17,3 головы.

Весной 1879 г. из-за холодов и отсутствия кормов в Агинском ведомстве пало 27 696 голов разного скота. В 1880-1882 гг. сокращение скота в ведомстве продолжилось. К 1882 г. численность скота агинских бурят сократилась до 331 691 головы, а на душу населения – до 11,2 головы. На этот раз сокращение поголовья скота было вызвано засухой [6, с. 91].

К 1895 г. количество скота у агинских бурят достигло наивысшего значения – 647 071 голова, на душу населения – 17,8 головы. Однако к 1897 г. в Агинском ведомстве вновь произошло большое сокращение скота – до 495 808 голов. За два года поголовье скота у агинцев сократилось на 151 263 головы.

С середины 1870-х гг. у агинских бурят удельный вес КРС в стаде начал расти и к 1895 г. достиг 24,24 %. Увеличение удельного веса КРС в стаде показывает не столько оседание агинских бурят, хотя и этот процесс имел место в северных районах Агинского ведомства, ближе к лесу, сколько увеличение спроса на мясо и кожу, полученную от КРС. Кочевой уклад агинцев сохраняет свои главенствующие позиции и к концу XIX в. На это указывает хорошая сохранность и высокий удельный вес номадных животных (лошадей, овец, коз и верблюдов)

в стаде агинских бурят. Доля овец, коз и лошадей в стаде остается прежней с незначительными спадами их численности в неблагоприятные годы.

В 1870-х гг. удельный вес верблюдов вырос в значительных размерах – в среднем в 2,3 раза, чем это было в предыдущие годы. Увеличению численности верблюдов у агинских бурят способствовало начало активного освоения Россией Амурского края. Колонизации Амура требовалось большое количество грузоперевозок на дальние расстояния. В этом деле незаменимыми были верблюды. В результате агинские буряты *«нанимаются на извозные операции производимыя на верблюдах по системам реки Амур»*, что, естественно, увеличивает спрос на этот вид животного [7].

К концу XIX в. грузоперевозки на Дальний Восток чаще осуществляются на морских судах и по строящейся железной дороге. В результате численность верблюдов у агинских бурят падает. Тем не менее в 1880-х – 1890-х гг. численность верблюдов в ведомстве сохраняется на среднем уровне в 5 тыс. голов, что является довольно высоким показателем.

В исследуемый период большая часть агинских бурят сохранила кочевое скотоводство с зимним выпасом скота. Вот как описывает содержание скота агинцами агроном при Приамурском генерал-губернаторе Н.А. Крюков, который в 1890-х гг. исследовал хозяйство бурят Агинского ведомства: *«Буряты кочуют таким образом: некоторые с малыми стадами все лето проводят на одном месте, а на зиму переходят на другое, например, туда где косили сено; иные меняют место несколько раз в лето, а владельцы самых крупных стад почти постоянно кочуют»*. Далее исследователь пишет: *«Здесь повсюду, а в особенности в южных степях, существует довольно оригинальное явление, зимняя пастьба, возможная только при такой малоснежной зиме, какая стоит обыкновенно здесь. Рогатый скот, лошади и овцы, бродя по необозримым пустыням, щиплют засохшие стебельки и листочки старой травы или раскапывают их себе из под неглубокого снежного покрова. Конечно такой корм весьма недостаточен и за зиму животное расходует весь жир, накопленный летом, вследствие чего страшно худеет и обессиливает. Но хуже всего для животных, если случится более снежная, чем обыкновенно зима; стоит например, выпасть снегу в ½ аршина глубиной и скот, не будучи в состоянии доставать из под него даже и тот скудный корм, которым он кое как питался, гибнет иногда тысячами; а в многоснежную зиму количество павших животных может дойти до нескольких десятков тысяч»* [8, с. 88, 90].

Во 2-й половине XIX в. появились сведения о том, что агинские буряты в зимний период практиковали отгон скота на 300 и более верст от зимних стоянок. Как правило, отгон скота проводился во время засухи, когда на зимниках не хватало ветоши и заготовленного сена. Тогда мужчины угоняли и пасли гулевой скот на малоснежных пастбищах крестьянских и казачьих дач, на землях, принадлежавших Китаю (северо-восточная Монголия и Маньчжурия), оплачивая за подножный корм арендную плату по числу скота. Дойные коровы, мелкий и слабый скот оставались на зимних стоянках под присмотром стариков, женщин и детей [9, с. 61]. Заготовленное же на зимниках сено берегли к весне для подкормки ослабшего скота [8, с. 90].

В северных районах Агинского ведомства, ближе к лесу, обитала незначительная часть агинских бурят, ведшая полукошачье и полуоседлые формы скотоводства. Они в незначительных размерах занимались земледелием.

К концу XIX в. кочевое скотоводство агинских бурят сохраняет свои главные позиции как единственная отрасль хозяйства, развитие которой было возможно в условиях аграрного общества и сухих зональных степей Восточного Забайкалья. Из годового отчета Агинской степной думы за 1895 г.: *«Главное хозяйство инородцев Агинского ведомства составляет скотоводство. Хлебопашеством занимается самая незначительная часть населения, по чему промышленность эта в ведомстве стоит на низкой степени. Хотя к усилению между инородцами хлебопашества ежегодно принимаются меры, но меры эти до сих пор однакож жителям не приносили существенной пользы, ибо грунт земли, занимаемой Агинским ведом-*

ством, большую часть солончатых и каменистых степи удаленные от лесов и вод, годные лишь только для скотоводства» [10].

О сохранности кочевого уклада жизни у большей части агинских бурят к концу XIX в. свидетельствует подавляющее преимущество у них численности войлочных юрт над деревянными жилищами. Так, в 1874 г. в ведомстве агинских бурят числились 7035 (92,17 %) войлочных юрт и 587 (7,83 %) деревянных жилищ, в том числе 430 деревянных юрт и 167 домов [НАРБ, ф. 129, оп. 1, д. 3687, л. 47 об.]. К 1895 г. число войлочных юрт выросло до 9036 (87,83 %) шт., а количество деревянных жилищ увеличилось до 1252 (12,17 %) шт., в том числе деревянных юрт – до 800 шт., а домов – до 452 шт. [11].

Примечания

1. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. 129. Оп. 1. Д. 3462. Л. 23.
2. Там же. Д. 3514. Л. 3.
3. Там же. Д. 3462. Л. 23.
4. Там же. Д. 3462. Л. 10, 25.
5. Там же. Д. 3521. Л. 26.
6. Батуева И. Б. История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX веке. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 1999. 251 с.
7. ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3098. Л. 79.
8. Крюков Н. А. Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1895. 165 с.
9. Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1963. 494 с.
10. ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3098. Л. 73.
11. Там же. Л. 96.

УДК 39:2(571.53)

Бураева О.В.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

ETHNOCONFESSIONAL STATUS IN THE BAIKAL REGION IN THE END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY

До 1905 г. подданные Российской империи идентифицировались по конфессиональной принадлежности, а не по этнической. В статье рассматривается степень распространения мировых религий и традиционных верований на территории Иркутской губернии и Забайкальской области в конце XIX – начале XX в.

The citizens of the Russian Empire were identified by religious affiliation, rather than ethnic until 1905. The article is devoted to the extent of the world religions and traditional beliefs in the territory of Irkutsk province and Transbaikal region in the end of XIX – beg. of XX century.

Ключевые слова: Иркутская губерния, Забайкальская область, православие, буддизм, ислам, иудаизм, шаманизм.

Key words: Irkutsk province, Transbaikal region, Orthodoxy, Buddhism, Islam, Judaism, Shamanism

Конфессии оставались основой этнической политики Российской империи до начала XX в. Главными документами, удостоверяющими личность их владельцев, были метрические книги, которые велись духовенством и жестко увязывали человека с определенной конфессией, и паспорта, удостоверявшие сословную принадлежность и вероисповедание владельца. Однако в начале XX в. проявилась тенденция к усилению этнизации идентичности. С

этого времени для определения личности подданных империи существовало одновременно две основы – национальная и конфессиональная.

Характерной особенностью этноконфессиональной ситуации в Байкальском регионе (этнической Бурятии) указанного периода явилось то, что наряду с традиционными верованиями и культами архаического происхождения и шаманизмом, в значительной мере вобравшем эти верования и культы, в Байкальском регионе были распространены две мировые религии – христианство (древлеправославие и православие) и буддизм. Имели также распространение и другие направления христианства, которые, однако, не признавали авторитет русской православной церкви – Евангельские христиане-баптисты, пятидесятники, адвентисты и др. Появляются ислам и протестантизм.

В Иркутской губернии в 1861 г. 80 % населения составляли православные, буддисты – 5 %, шаманисты – 14 %, других конфессий – 1 %. В Забайкальском крае православных было 65 %, буддистов – 33 %, шаманистов – 2 %, других вероисповеданий не зафиксировано. В среднем по региону было: православных – 72,5 %, буддистов – 19 %, шаманистов – 7,5 %, других конфессий – 1 %. Это приблизительные подсчеты, основанные на данных Иркутского статистического комитета, но и они позволяют в обобщенном виде представить картину религиозной жизни региона [1, с. 42-43].

По вероисповедному составу население Иркутской губернии в 1861 г. делилось на 11 групп. Количество населения на одно духовное лицо в конфессиях было разным. Так, один православный служитель обслуживал в среднем 149 человек, буддийский – 1214, шаман – 702, католический ксендз – 693, иудейский – 101. По этим данным буддистов и шаманистов насчитывалось около 36 % от общего числа [1, с. 43].

После вхождения Сибири в состав России шаманизм бурят, с одной стороны, продолжал свою эволюцию, а с другой, подвергся давлению со стороны русской администрации, и в какой-то степени со стороны православной и буддийской конфессий. Распространение и утверждение в Бурятии двух мировых религий (буддизма и христианства), запретительные меры восточносибирского чиновничества вызвали деструктивные изменения в шаманизме и его вытеснение во многих ареалах. В начале XX в. шаманизм сохранялся во всех западнобурятских ведомствах, а в трансформированном состоянии – в Тунке, Оке, Закамне, Баргузине и Байкало-Кударе, в синкретично буддизированной форме – во всех остальных частях Забайкалья.

В 1894 г. была образована Забайкальская епархия, охватившая все церкви Забайкалья, за исключением Тункинско-Окинского края. На территории епархии было 200 церквей. В конце XIX – начале XX в. крупным православным центром стал город Верхнеудинск. Здесь действовали церкви Троицкая, Одигитриевская, Спасская, Николаевская железнодорожная, Вознесенская, Заудинская и Михайло-Архангельский монастырь. Кроме того, здесь имелись католическая община с костелом и евангельско-христианский приход. В миссиях имелась сеть духовных и миссионерских школ и училищ. В 1903 г. работали 59 таких заведений, в них обучалась 1400 учащихся-бурят. Миссионеры внесли значительный вклад в дело перевода на бурятский язык христианской литературы. В 1909 г. действовало уже 376 церквей, в них служили 23 протоиерея, 207 священников, 61 диакон, 244 псаломщика [5].

В конце XIX в. началось активное проникновение буддизма в западную часть этнической Бурятии, где он встретил сопротивление со стороны шаманов и православного духовенства, поддерживаемого царской администрацией, не желавшей дальнейшего расширения сферы влияния буддийской церкви. Однако, несмотря на все ограничения, буддизм набирал силу, а в начале XX в. буддизм стал распространяться и в европейской части Российской империи, среди немонгольского населения, особенно в кругах русской интеллигенции и в Прибалтике. Важным этапом дальнейшего распространения буддизма в России явилась постройка в 1913 г. дацана в Санкт-Петербурге совместными усилиями русских, бурятских и калмыцких буддистов при финансовой и моральной поддержке Тибета.

На территории Западного Забайкалья (современной Бурятии) к началу XX в. насчитывалось более 40 монастырей, не считая маленьких дуганов, число лам превышало 10 тыс. человек. При крупных монастырях (дацанах) были открыты факультеты по философии, логике, медицине, тантре и т.д., печатались религиозные, научные и художественные тексты, популярная дидактическая литература, существовали мастерские, в которых работали живописцы, резчики по дереву, скульпторы, переписчики и т.д. Таким образом, буддийские монастыри фактически стали главными духовными и культурными центрами традиционного бурятского общества, которые оказывали большое влияние на все сферы жизнедеятельности бурят.

На рубеже XIX–XX вв. в буддизме начинается обновленческое движение буддистов-мирян и духовенства, направленное на модернизацию церковной организации, некоторых сторон вероучения и обрядности в соответствии с меняющимися условиями, на заимствования новейших достижений европейской науки и культуры. В бурятском буддизме это движение приняло такой размах, что о нем можно говорить не только как об идейном движении внутри духовенства, пытающегося ценой некоторой модернизации спасти сами устои церкви, но как о социальной и культурной платформе группы передовой для своего времени интеллигенции, пытающейся путем ряда реформ (церковной, общеобразовательной, административной) возродить дух нации.

В этот период резко усилилась роль буддизма как национальной религии бурят, оказывающей мощное влияние на процессы возрождения этнокультурных ценностей и традиций и выступающей как важнейший фактор консолидации, сохранения, укрепления и дальнейшего развития этнической общности. В то же время усиливается и другая роль буддизма, как мировой интерэтнической религии, способствующей приобщению бурят к культурно-историческому наследию других народов мира, дальнейшему развитию процессов диалогического взаимодействия, взаимовлияния, взаимообогащения культур Востока и Запада.

Противостояние ламам, а вернее постоянное соперничество с буддизмом, официально разрешенной в России религией, проявилось особенно остро в конце XIX – начале XX в. Соперничество изначально было неравным, поскольку православие имело более высокий статус государственной религии, буддизм же занимал позиции «разрешенного язычества». Шаманизм существовал практически нелегально, гонимый как православной, так и буддийской церковью [1, с. 155].

В целом на рубеже XIX–XX вв. в регионе сложилась противоречивая религиозная ситуация, характеризующаяся наличием трех конфессий: православия, шаманизма, буддизма. Одним из следствий этого было распространение двоеверия и даже троеверия у бурят. Буряты подчас исповедовали шаманизм и православие, или шаманизм и буддизм, а иногда и три религии одновременно. В Иркутской губернии троеверие имело место у тункинских и аларских бурят. У крещеных бурят нередко можно было видеть в доме предметы шаманского культа и буддийского богослужения. Существовали семьи смешанного вероисповедания, когда члены одной семьи принадлежали к разным религиям.

По данным переписи населения 1897 г., 41,7 % (45364 чел.) бурят в Иркутской губернии исповедовали православие, 47,7 % (51978 чел.) – шаманизм, 10,6 % (11499 чел.) – буддизм [4, с. 8]. Интересно проследить по округам доминирование той или иной религии (в %) [4, с. 8]:

Уезд	Православные обоего пола	Буддисты обоего пола	Шаманисты обоего пола
Иркутский	38,0	17,3	44,7
Балаганский	55,1	12,0	32,9
Верхотенский	14,3	-	85,7
Нижнеудинский	99,6	-	0,4

Так, в Нижнеудинском уезде почти все буряты являлись православными, в Балаганском – больше половины; наибольшее число шаманистов было в Верхотенском уезде, буддисты (по терминологии переписи – буддисты и ламаиты) были сосредоточены в Иркутском и

Балаганском. Причем приверженцами буддизма в Иркутской губернии были в основном буряты: из 11609 – 11499 буряты.

В Забайкальской области из 179487 бурят 6,4 % (11477 чел.) исповедовали православие, буддизм – 91,7 % (165659 чел.), ислам – 116 человек и старообрядчество – 0,3 % (375 чел.), шаманистами были – 1,6 % (2860 чел.) [4, с. 16]. Несомненно, видно торжество буддизма у бурят в Забайкальской области и сравнительный успех православия в Иркутской губернии. В уездах по вероисповеданию буряты распределяются следующим образом (в %) [4, с. 16]:

Уезд	Православные	Буддисты	Шаманисты	Прочие
Читинский	1,7	98,3	-	-
Акшинский	19,8	78,0	2,0	0,2
Баргузинский	3,2	96,5	0,3	-
Верхнеудинский	8,8	89,7	0,7	0,8
Селенгинский	7,5	88,5	3,9	0,1
Троицкосавский	2,7	97,3	-	-
Всего	6,4	91,7	1,6	0,3

Наибольший процент христиан среди бурят наблюдается в Акшинском уезде, буддистов – в Читинском уезде, а в Верхнеудинском уезде проживали буряты-старообрядцы, что можно объяснить влиянием социальной среды.

Относительно вероисповедания тунгусов, по данным переписи 1897 г., имеем следующее: православных в Иркутской губернии было 99 %, в Забайкальской области – 73,2 %, буддистов – 21,9 % в Забайкальской области, шаманистов – 1 % в Иркутской губернии и 4,9 % в Забайкальской области [4, с. 32]. Таким образом, наибольший процент православных дают тунгусы Иркутской губернии, а буддистов – тунгусы Забайкалья. Следует отметить, что забайкальские тунгусы среди населения Восточной Сибири (кроме бурят) являлись единственными приверженцами буддизма.

В Забайкальской области, по данным 1897 г., число жителей насчитывало 672037 человек. Из этого числа 226714 мужчин и 216295 женщин являлись православными или единоверцами, 17926 м.п. и 18697 ж.п. – старообрядцы и «уклоняющиеся от православия», 87223 м.п. и 86994 – буддисты и ламаиты, 4164 м.п. и 3809 ж.п. – иудеи, 2364 м.п. и 818 ж.п. – магометане, 1409 м.п. и 460 ж.п. – римско-католики, 471 м.п. и 95 ж.п. – лютеране, 2086 м.п. и 2315 ж.п. – лица нехристианских исповеданий, 50 м.п. и 4 ж.п. – армяно-григориане, 10 м.п. и 3 ж.п. – армяно-католики, 10 м.п. и 2 ж.п. – лица остальных христианских исповеданий, 2 м.п. и 1 ж.п. – реформаты, 4 м.п. и 1 ж.п. – караимы. Всего 342543 мужчины и 329494 женщин [2, с. 60-61].

В Иркутской губернии, по данным переписи 1897 г., проживало 514267 человек (274079 мужчин и 240188 женщин). По вероисповеданию население распределялось следующим образом: православные и единоверцы – 226944 м.п. и 201357 ж.п., старообрядцы – 1138 м.п. и 853 ж.п., буддисты и ламаиты – 5970 м.п. и 5639 ж.п., магометане – 5043 м.п. и 2556 ж.п., иудеи – 3970 м.п. и 3508 ж.п., римско-католики – 3169 м.п. и 1055 ж.п., лютеране – 601 м.п. и 223 ж.п., прочие нехристианские исповедания – 27065 м.п. и 24974 ж.п., армяно-григориане – 162 м.п. и 14 ж.п., армяно-католики – 4 м.п. и 4 ж.п., реформаты – 5 м.п., баптисты – 1 м.п., менониты – 2 м.п. и 2 ж.п., англикане – 4 м.п. и 1 ж.п. караимы – 1 м.п. и 2 ж.п. [3, с. 52-53].

Количественные результаты соотношения вероисповедания у западных бурят не могут быть проиллюстрированы из-за отсутствия надежных источников. Имеющиеся сведения на этот счет крайне противоречивы, на это неоднократно обращали внимание еще современники. Следует учитывать, что на основании указа от 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповедания начался переход бурят из православия в шаманизм и буддизм. В 1905 г. заявления о выходе из православия тункинские буряты размножали под копирку. По этому поводу иркутский

губернатор И.П. Моллериус доносил, что в 1905 г. было выдано 252 заявления о выходе из православия, более 500 прошений остались нерассмотренными.

По официальным сведениям в 1909 г. в Иркутской губернии насчитывалось около 60 тыс. бурят-христиан, примерно 30 тыс. исповедовали шаманизм и столько же буддизм. Однако это были лишь кажущиеся успехи «первенствующей» церкви, основная масса бурят относилась к православию формально.

Религиозная политика самодержавия, направленная на усиление распространения православия, вызвала два последствия. С одной стороны, она укрепляла позиции империи на окраинах государства, усиливала идеологическое воздействие самодержавия на народные массы. Эта политика своей конечной целью имела упрочить связь Сибири с Россией, сделать азиатские окраины империи русскими. С другой стороны, распространение православия среди бурят и эвенков имело, несомненно, положительное значение. Принятие православия способствовало сближению русского, бурятского и эвенкийского народов, крещеные буряты и эвенки вступали в более тесные контакты с русскими крестьянами, перенимали новые методы ведения хозяйства, легче усваивали духовную и материальную культуру русского народа. Разнообразной стала культурная среда за счет церквей и школ, сближая в этом отношении ведомства и улусы с русскими селениями. Распространение грамотности через миссионерские школы приобщало бурят к письменной культуре. Миссионеры раздавали в ведомствах книги религиозного содержания, порой проводили чтения для крещеных бурят. Для привлечения бурятских детей к участию в церковном хоре были переложены на ноты на три голоса некоторые песнопения, переведены на монголо-бурятский язык, отлитографированы Иркутским миссионерским комитетом и разосланы по станам.

Многие из миссионеров оставили значительный след в культурной и научной жизни Восточной Сибири. Они проникали в отдаленные и труднодоступные районы, принося сведения о быте, верованиях, культуре, местах проживания сибирского населения. Их этнографические и лингвистические труды создавали условия для дальнейших исследований, облегчали контакты с местным населением. Несомненны заслуги иркутского духовенства в распространении бурятской письменности.

Своеобразным итогом деятельности региональных православных миссий стало распространение веротерпимости у местного населения, которое вопреки официальной риторике с почтением относилось к святыням и обрядам всех традиционных религий.

Примечания

1. Михайлова В.Т. Православная церковь и социум в Байкальской Сибири в пореформенный период (1861–1916 гг.). Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2003.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб. : Тип. товарищества «Народная польза», 1904. Т. LXXIV: Забайкальская область.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб. : Тип. товарищества «Народная польза», 1904. Т. LXXV: Иркутская губерния.
4. Серебренников И. И. Иногородцы Восточной Сибири, их состав и занятия (стат. очерк). Иркутск : Тип. Иркут. товарищества печатного дела, 1913.
5. URL: <http://www.velikii-post.ru/>

**УЛУСНАЯ ОБЩИНА КАК ЗВЕНО В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)
ULUS COMMUNITY AS A LINK IN THE GOVERNANCE SYSTEM (FROM
SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY TO THE BEGINNING OF THE 20TH
CENTURY)**

В статье рассматривается история бурятской улусной общины как звена в системе местного самоуправления. Автор на основе архивных материалов показывает устойчивость положений Устава Михаила Сперанского вплоть до конца XIX века. Традиционные институты и обычное право, включенные в орбиту курса государства на унификацию административной политики, всё еще исполняли роль скрепов бурятского общества.

The article considers the history of the Buryat ulus community as a link in the system of local governance. On the basis of archive materials the author reveals how the rules enacted by the Michael Speranskiy's Charter remained stable until the end of the 19th century. Traditional institutions and rules of customary law implicated in the course of the unification of the state administrative policy still played the role of a clamp of the Buryat society.

Ключевые слова: улус, община, местное самоуправление, обычное право, родоплеменная структура, традиции

Keywords: ulus, community, local government, customary rules, tribal structure, traditions

Система управления сибирскими народами с момента их присоединения к России испытывала ряд изменений. Из них наиболее значимыми для упорядочения управления были реформы Михаила Сперанского. Для сибирских губерний учреждались Западное и Восточное управления, и, согласно Уставу об управлении инородцев, выделялись оседлые, кочевые, бродячие группы народов. Буряты, хотя и приравнивались к крестьянскому сословию, были отнесены к кочевым, которые управлялись своими родоначальниками [7, с. 194-196]. Так в 1824 году в рамках новых установлений по устройству управления инородцев в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве были учреждены степные думы, инородные управы и родовые управления [3, л. 53].

Родовые управления были в каждом улусе, состоящем из не менее 15 семей, они возглавлялись шуленгой. В повседневной практике, как мы уже отмечали, именно родовое управление (улусная община) зачастую оказывалось гораздо более существенным административно-фискальным звеном, чем административный род в значении степной думы [8, с. 89]. Иностранная управа, в своем ведении имея несколько улусов, занималась вопросами межулусной раскладки, сбором налогов, хлебными экономическими магазинами. Роды одного ведомства объединялись в степную думу, которая являлась высшим органом местного самоуправления, в общероссийской административно-управленческой системе подчиняясь Окружному управлению. Архивные материалы дают широкое представление о деятельности степной думы. Составление сведений о народонаселении, подворно-семейном составе, раскладке налогов, поголовье скота, посевных площадях, урожае хлебов, овощей, справочных ценах на хлеб, фураж, о ремеслах, вероисповедании – это далеко не полный перечень вопросов, которыми занималась дума. Наряду с этим отдельный вид ее деятельности составляло ведение дел, связанных с имущественными спорами, семейными разбирательствами, земельными конфликтами.

Функции органов местной власти были обширны и охватывали хозяйственную и, в известной мере, правовую сферы. На общественных сходах обсуждали раскладку повинностей, размеры налогообложения и недоимки по нему, земельные споры, а также выдвигали из своей среды на должности родовых шуленг. Общественные приговоры имели силу закона, и в этом смысле сход-суглан представлял собой высший орган власти в улусной общине. Долж-

ностные лица приступали к выполнению обязанностей после дачи присяги «... верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего... предостерегать и оборонять ... всякими мерами отвращать и не допускать тягости... по совести своей исправлять... для своей корысти против должности не поступать» [8, с. 85].

Наши архивные материалы показывают, что выборы проводились, как и прежде, по наследственному принципу, а также и по заслугам выборного лица. Эти новые явления определенно влияли на правовое поведение улусных людей. Выборное лицо должно было быть образцом рачительного хозяйствования и хорошего поведения. В документах степных дум имеется множество характеристик должностных лиц. Например, Николай Болсохоев из курмчинского рода, «человек отличного поведения, усердный по службе, грамотный в исполнении Положения об управлении инородцев» был выдвинут на должность родового шуленги и, как утверждалось далее в общественном приговоре, «притом сама справедливость требует избрать в должность родоначальников ни для одного титула и почести, а для управления родом, для чего нужны люди отличительных качеств, образованные, преимущественно грамотные и знающие законоположения, что приносит пользу в общем служебном круге без всякого помешательства и проволоочки» [1, л. 12, 12(об.)]. Очевидно, что общество ручалось за способности кандидата. В отношении будущих главных тайшей указываются их успехи в распространении занятий земледелием среди сородичей, увеличении посевов картофеля, постройке мельниц [5, л. 28]. Так, в приговоре общества Селенгинской степной думы отмечаются хозяйственные победы и заслуги тайши в общепольном деле распространения хлебопашества, «какое мы до сего не имели понятий» [6, л. 3].

Эти материалы весьма показательны в том, насколько выборные должны были соответствовать общественному идеалу об управленце. Как административно-управленческая единица, улусная община в иерархии правовой системы, на наш взгляд, имела институциональные (правовые) признаки, зачастую гораздо значимые, чем таковые степной думы. Примечательно в этой связи дело о взыскании денег за лечение некоего Доржея Багдаева с улусной общины, указанной им как место его жительства. Здесь общество отказалось оплатить его лечение ввиду непризнания своим, т.е. сообщинником [4, л. 26-50]. В развернувшейся между Верхнеудинской городской управой и Селенгинской степной думой переписке последняя встала на сторону подведомственного селенгинско-харанутского рода, таким образом подтвердив легитимность коллективного решения улусной общины.

В явлении улусной общины как субъекта административного права в указанный период важно рассмотрение не только правовой компетенции как таковой, сколько ее пределов. Речь в данном случае идет не о выборах, а о возможном отстранении должностного лица. Архивные материалы дают нам множество подобных дел. Так, жители одного из улусов 1-го ашехабатского рода Кудинской степной думы «принужденными нашли себя» вновь избрать вместо шуленги Булгадая Халтанова, «по старости лет не имеющего рачительности к исполнению своих обязанностей, из среды своего сообщества для исполнения сей обязанности благонадежного человека» [8, с. 77].

Все большее вовлечение бурят в общую систему Российского государства известным образом влияло на социально-экономическое развитие народа. Распространившаяся на Сибирь реформа 1861 г., в ее политико-правовой концепции, предусматривала уравнение сибирских народов с русским, а следовательно, речь шла о создании единых административных органов. В этих условиях прежние принципы административного устройства требовали пересмотра. С начала 1880-х гг. развернулся процесс упразднения степных дум.

Рассмотренная система местного самоуправления бурят показывает:

1) эффективность и устойчивость действия «Устава об управлении инородцев» (1822 г.) вплоть до начала XX века, причины которых можно усмотреть в учете этнокультурных особенностей, и прежде всего родоплеменной структуры, бурятского общества;

2) институциональные признаки правовых субъектов устанавливались также обычным правом бурят, которое все еще влияло и регламентировало компетенции управленческих

звеньев, как в случае улусной общины, определяя нормы, выходявшие за рамки их компетенций, и следовательно, относившиеся уже к ведению Окружного управления;

3) четкую регламентацию отношений между властными органами разных уровней, например, улусного суглана и степной думы;

4) историю учрежденного по Уставу 1822 г. местного самоуправления бурят как этап, когда традиционные институты справно исполняли роль скрепов общества.

Таким образом, общая тенденция в развитии административных органов теперь шла по пути преобразования традиционных институтов управления, единения принципов организации центральной и местной власти, что явно было направлено на свертывание обычнорядовых норм и основанной на них соционормативной культуры. Последняя, несмотря на унификацию институтов управления, все еще выполняла ту рамочную роль, которая ориентируя общественное мнение на следование традициям, способствовала сохранению исторически сложившихся норм общественного бытия в условиях трансформации системы управления.

Примечания

ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. 1. Кудинская степная дума ; Ф. 2. Селенгинская степная дума.

1. ГАРБ. Ф. 1. Кудинская степная дума. Оп. 1. Д. 595.

2. ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1576.

3. ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3301.

4. ГАРБ. Ф. 2. Селенгинская степная дума. Оп. 1. Д. 2006.

5. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2104.

6. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2252.

7. Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х годов XIX в.) : очерки. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 242 с.

8. Сыденова Р. П. Улусная община западных бурят (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 130 с.

УДК 314(571.54)“19”

Тумурхонова Н.В.

ПЕРВИЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПЕРЕПИСИ 1917 Г. КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА ПРИМЕРЕ СТАНИЦЫ ЦАКИРСКОЙ)

PRIMARY MATERIALS OF ALL-RUSSIAN AGRICULTURAL CENSUS OF 1917 AS A DEMOGRAPHIC SOURCE (ON THE EXAMPLE OF THE VILLAGE ZAKERSKI)

В статье рассматриваются информационные возможности подворных карточек Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. как исторического источника по демографии Забайкальской области на примере станицы Цакирской Троицкосавского уезда.

This article discusses the information capabilities door cards all-Russian agricultural census and land in 1917 as a historical source for the demographic Zabaikal'e region on the example of the village Zakonski Troitskosavsk County.

Ключевые слова: исторические источники, сельскохозяйственная перепись, подворные карточки, население Забайкальской области.

Keywords: historical sources, agricultural census, household card, the population of the Zabaikal'e region.

Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. стала вторым подобным обследованием, проводившимся в масштабах всей Российской империи. В условиях Первой мировой войны, а затем и революции на первый план вышли продовольственные

проблемы и земельный вопрос. Их решение без проведения статистического обследования было не возможно. Необходимо было осуществить статистический учет населения, скота и посевов, запасов продуктов питания по отдельным регионам страны, а также налаживание транспортного сообщения между различными частями государства. Использовать материалы переписи 1916 г. для его решения было невозможно, т.к. в условиях войны положение дел в стране быстро менялось и статистические данные, собранные год назад, не отражали действительного положения дел. Для решения аграрного вопроса необходим был учет землевладения и землепользования во всех разнообразных формах на пространстве всего государства. Статистические организации страны не располагали точными статистическими материалами о землевладении и землепользовании, так как специальных исследований в этой области на пространстве всей страны ранее не производилось. Остро встал вопрос и о проведении учета земельных угодий, находящихся в пользовании, прежде всего у сельского населения.

Перепись была проведена по инициативе Временного правительства летом 1917 г., она охватила территорию всей страны, за исключением Финляндии. Не смотря на то, что перепись проводилась с целью сбора сведений для решения аграрного и продовольственного вопросов, в ходе ее проведения были собраны ценные сведения, касающиеся демографической статистики. Единственная перепись населения в Российской империи была проведена в 1897 г. и к 1917 г. ее сведения заметно устарели, не смотря на то, что царское правительство вело подготовку второй переписи населения, осуществить ее из-за начала Первой мировой войны не удалось [1]. Программа сельскохозяйственной переписи 1917 г. частично повторяла программу переписи населения 1897 г. и составлялась с учетом необходимости получения статорганами сведений о сельском населении, и дополнении этих сведений данными городской переписи, проводившейся одновременно.

Целью данной статьи является рассмотрение первичных материалов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. как демографического источника на примере поселений станицы Цакирской Забайкальской области. Источниковой основой данной статьи послужили подворные карточки переписи 1917 г., хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия, фонд 352.

Для переписи было установлено шесть переписных формуляров, главным из которых являлась подворная карточка [2]. Карточка заполнялась на «домохозяйство» (двор), под которым понималась группа лиц, объединенных общностью хозяйства и потребления в момент проведения переписи. Она составлялась на все наличные дворы крестьянского приписного населения, проживавшего в селении, все дворы, выселившиеся на хутора, отсутствующие крестьянские хозяйства, имеющие в селении землю или посевы, а так же на семьи крестьян других обществ и семьи, проживающие в селение, но относящиеся к другим сословиям [3]. Бланк подворной карточки Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. включал 165 вопросов, характеризующих демографическое и социально-экономическое положение отдельного хозяйства. Бланк фиксировал следующие сведения: информацию по истории хозяйства, сведения о членах семьи и их участии в сельскохозяйственных работах и промыслах, данные о применении наемной рабочей силы, о количестве скота – по видам, землевладении и землепользовании, участии хозяйств в кооперативах, наличии у них сельскохозяйственного инвентаря.

Раздел «население» подворной карточки включал 21 графу. Во всех хозяйствах переписывались домохозяин, члены его семьи, в момент переписи, проживающие в хозяйстве или отсутствовавшие, но не порвавшие хозяйственной связи с семьей, наемные рабочие как сельскохозяйственные, так и промышленные, живущие в хозяйстве более месяца. Так же переписью фиксировались члены семьи, взятые в войска «по наборам и мобилизациям и ушедшие добровольцами».

В карточке фиксировались фамилия имя отчество домохозяина, затем в гр. 1 для мужчин и гр. 2 для женщин отношение каждого лица к домохозяину, в следующих графах фиксировался возраст регистрируемых лиц (количество полных лет, для детей до года цифрой «0»).

Все население делилось на шесть возрастных групп – 0-8, 8-12, 12-16, 16-20, 20-60, и более 60 лет. В гр. 3 и 14 делались отметки о полной или частичной нетрудоспособности. Так же перепись фиксировала участие членов семьи в сельскохозяйственных работах – косьбе, уборке урожая, пахоте.

В гр. 7-8 и 18-20 регистрировались промыслы лиц, записанных в карточке, которыми они занимались в течение предшествовавшего переписи года. При этом под промыслами понимались - всякого рода занятия, осуществляемые отдельными членами семьи или всеми ее членами вне сельского хозяйства и служащие источником дохода. Так же, перепись фиксировала национальный и сословный состав населения. При переписи все хозяйства были поделены на две группы – старожильческие и переселенческие. Для переселенческих хозяйств фиксировался год поселения на данном месте и губерния выхода [4]. В Европейской части перепись фиксировала и сведения о грамотности населения, но так как программа переписи предусматривала возможность внесения в нее изменений, то на территории Забайкалья эти сведения не собирались.

В состав станицы Цакирской входило шесть населенных пунктов – поселки – Ключевский, Успенский (Модонкульский), Цакирский, Хамнейский (Дмитровский), Шаразаргинский (Васильевский), Цежейский (Михайловский) [5]. Станица Цакирская относилась к первому военному отделу Забайкальского казачьего войска, центром первого отдела был г. Троицкосавск, отдел выставял 1, 2 и 3-й Верхнеудинские полки. Населенные пункты располагались вдоль русско-монгольской границы. К станице так же был прикреплен Цакирский таможенный пост [6].

Перепись зафиксировала в станице 739 хозяйств, в которых числилось 4060 чел. (2012 мужчин и 2048 женщин). Наиболее крупными населенными пунктами являлись поселок Цежейский с населением 1380 чел. и Хамнейский – 983 чел. В остальных население распределилось следующим образом: Цакирский – 652 чел., Ключевский – 619 чел., Успенский – 222 чел., Шаразаргинский – 204 чел. [7]. Соотношение мужского и женского населения в поселках выглядело примерно одинаково по 50 %, исключение составляли пос. Успенский, где преобладало мужское население – 57%, и поселок Ключевский, где преобладало женское население – 53%.

Большую часть населения поселков составляло забайкальское казачество – 98%, при этом в поселках Хамнейский и Успенский казачество составляло 100% населения. К невоисковому населению относились 85 чел., из них инородцы – 26%, крестьяне – 16,5%, духовенство – 3,5 %, мещане – 14%, почетные граждане – 2%, подданные других государств – Китайского – 33% и Монгольского – 5%.

Переписью в станице было зафиксировано 739 хозяйств в среднем на одно хозяйство приходилось 5,5 чел. Более высокие показатели в поселке Хамнейском – 6,3 чел., наиболее низкие в пос. Цакирский и Успенский по 5 чел. Хозяйств, где списочный состав семей составил 10 и более человек насчитывалось 55 (7%). Перепись позволила выявить самое многочисленное хозяйство – Русанова Петра Васильевича – 17 чел. – где совместно проживало три поколения семьи [8]. Следует отметить, что для населения данных поселков проживание совместно 3-4 поколений было распространенным явлением, что связано с необходимостью несения казаками военной службы, в результате чего хозяйства могли оставаться без работников.

Традиционно Забайкальское казачество состояло из двух групп – русское оседлое казачество и бурятское кочевое. Таким образом, национальный состав населения станицы выглядел следующим образом: русские – 2587 (64%), буряты – 1437 (35%), монголы – 4, китайцы – 28, белорусы – 4, последние три группы в совокупности составили примерно 1% от общей численности населения.

Большая часть населения станицы являлась старожилками, согласно программе переписи к ним относили хозяйства, поселившиеся до 1861 г. К переселенцам относилось преимущественно невоисковое население. Основными губерниями выхода были Киевская, Ка-

лужская, Смоленская, Вологодская, Забайкальская. Анализ анкет переписи позволяет определить время прихода, и поселения домохозяйств. Основной приток переселенцев пришелся на начало XX в. с 1900-1905 гг. – 6 хозяйств, с началом Столыпинской аграрной реформы в 1906-1914 гг. переселилось 18 хоз., в 1915-1917 гг. – 8 хоз. Хозяйств, переселившихся до этого времени, во всех населенных пунктах насчитывалось 8 (переселись с 1850-1897 гг.). Отметим, что большое влияние на появление т.н. «посторонних хозяйств» в станице имело приграничное расположение поселков, в которых проживали граждане сопредельных государств. Переселенцы играли заметную роль в жизни станицы, часть из них получала наделные земли и наряду с казачеством занимались сельским хозяйством, часть владела торговыми заведениями либо занималась промыслами.

Перепись 1917 г. фиксировала не только наличное население, но и отсутствовавшее. Казачество являлось военнообязанным сословием, все мужчины обязаны были нести военную службу. Согласно подворным карточкам к 1917 г. в армию был призван 201 чел. (мужчины возрастной группы от 20 до 60 лет) что составляло 23% трудоспособного мужского населения. Помимо военного призыва еще одной причиной отсутствия мужского населения являлось получение духовного образования. Мальчиков бурят с 5 лет отдавали в хувараки. Всего в дацанах находилось 50 чел. Наиболее широкое распространение данное явление приняло в пос. Ключевский – 45 чел. Как правило, на мальчиков, получивших духовное образование, обязательства военной службы не распространялись, со временем они не несли повинности и не платили подати, за них это выполняла община, к которой они были приписаны.

Так же перепись зафиксировала наличие в хозяйствах наемных работников – 50 чел., однако эти данные не отражают в полной мере сведения о привлечении рабочей силы домохозяйствами со стороны, так как сроковых, поденных, сдельных работников, помощь перепись не учитывала.

Таким образом, подворные карточки позволяют сделать подробное описание населения Забайкальской области в начале XX века. Дать характеристику половозрастного, национального, сословного состава. Основу населения станицы Цакирской составило забайкальское казачество, состоящее из оседлого русского казачества и кочевого бурятского, которое в совокупности составило 98% населения. Так же подворные карточки переписи могут быть использованы в предметном поле микроистории при изучении истории отдельных сел, при составлении родословных, так как в них представлен списочный состав семей на момент проведения переписи, единственным недостатком в данном случае является отсутствие поименного списка домохозяйств.

Примечания

1. Труды съезда статистиков, 18-21 февраля 1921 г. Петроград, 1918. С. 74-76.
2. Российский государственный архив экономик. Ф. 1562. Оп 72. Д. 108. Л. 1а.
3. Инструкция по производству Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Петроград : Екатеринбург. тип., 1917. С. 1.
4. Бюллетень Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи. Петроград, 1917. № 1. С. 29-30.
5. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. 352. Оп. 1. Д. 919. С. 2.
6. Там же. Д. 911. С. 2.
7. Все подсчеты в статье осуществлены на основе ГАРБ Ф. 352. Оп. 1. Д. 107. С. 1-45 ; Д. 906. С. 1-114 ; Д. 908. С. 1-155 ; Д. 909. С. 1-132 ; Д. 910. С. 1-257. Д. 911. С. 3-40.
8. Там же. Д. 908. С. 106.

**ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА
NATURAL AND GEOGRAPHIC ASPECTS OF THE LOCALIZATION OF THE EARLY
IRON AGE AND THE MIDDLE AGES MONUMENTS IN WESTERN KAZAKHSTAN"**

Работа выполнена при поддержке гранта 2985/ГФ4 МОН РК «Динамика формирования культур и миграционные процессы эпохи раннего железного века и средневековья Приаральско-Мугалжарского региона».

Природно-географические аспекты Западного Казахстана являются одним из определяющих факторов размещения памятников раннего железного века и средневековья кочевого и оседлого населения. Характер и особенности локализации археологических объектов являются материалами для построения исторических реконструкций различного плана крупного региона Казахстана.

Natural and geographical dimensions of West Kazakhstan are considered to be one of the determining factors in monument distribution of the late monuments of the Early Iron Age and Middle Ages nomadic and settled population. Nature and characteristics of archaeological site localization, having been analyzed alongside with the data of the written sources, identify a number of specific aspects of late medieval history of a large region of Kazakhstan.

Ключевые слова: Западный Казахстан, ранний железный век, средневековье.

Keywords: West Kazakhstan, Early Iron Age, Middle Ages.

Территория Западного Казахстана, с крупной магистральной рекой – Уралом, несущей воды на две трети протяженности в широтном направлении, а далее, переходя в меридиональное, в раннем железном веке и средневековье представляла собой густозаселенный район кочевых объединений.

Тезис базируются на основании результатов исследований, ведущихся целенаправленно с начала текущего столетия. Начиная с 2001 года, «Бухарская сторона», точнее отдельные административные единицы – районы и сельские округа подвергались сплошной разведке, целью которой являлось, в конечном итоге, составление общего перечня памятников. Первоначально эта задача реализовывалась путем публикации Сводов памятников природного и историко-культурного наследия районов, начиная с Чингирлауского, заканчивая Бокейординским в Западно-Казахстанской области. Данная работа в конечном итоге вылилась в издание, обобщающей «Археологической карты памятников Западно-Казахстанской области», подвергшейся в 2010 году переизданию, но уже в виде Свода [9].

Исследования по территории Актюбинской области в этом направлении продолжают идти. Начаты они были позднее с 2006 года, на данный момент неохваченными в полном объеме остаются три крупных южных района области – Шалкарский, Байганинский и Иргизский. Определенные работы подобного характера (сплошной разведки) ведутся на территории Атырауской области. Однако, о публикации результатов авторам неизвестно.

Необходимость анализа природно-географической обусловленности расположения памятников раннего железного века Западно-Казахстанского региона неоднократно упоминалась в археологической литературе. Определенные итоги исследований на период рубежа XX-XXI веков были подведены С.Ю. Гуцаловым. Им же была подчеркнута необходимость исследования памятников ранних кочевников по территории левобережья Урала, как по «четко ограниченному природно-ландшафтному региону» [4, с. 4].

Западный Казахстан имеет наибольшее протяжение с севера на юг около 900 км, с запада на восток около 1200 км и занимает площадь в 729,2 тыс. км.² На севере он граничит с Оренбургской областью России, на востоке – Костанайской, Карагандинской, на юго-востоке – Кызыл-Ординской областями, на юге омывается Аральским (Большим Аральским) морем,

граничит с Узбекистаном и Туркменистаном, на западе омывается Каспийским морем, граничит с Астраханской, Волгоградской и Саратовской областями России.

Находясь в глубине Евразии, Западный Казахстан расположен в двух частях света – в Европе и Азии. Граница между этими частями света в пределах Казахстана проводится по Мугоджарам, реке Эмбе и по геологическим разломам в северной части акватории Каспийского моря-озера. Существуют природные различия между западной и восточной частями региона, к востоку от р. Эмба, ландшафты резко приобретают азиатский характер (главным образом из-за смены состава биот и биомов). Данное местоположение региона предопределили ее геологические, биогеографические и другие особенности.

Следует отметить, что не только размеры территории региона, но и географическое положение обусловило его центральное место в европейском и азиатском взаимодействии, в воздействии различных этнокультурных образований. Немаловажное значение имели и природно-климатические условия, обеспечившие развитие кочевой, а позже и земледельческой культур.

Поверхностные воды Западного Казахстана состоят из водотоков (постоянных и временных), бессточных озер, искусственных водоемов. Реки Западного Казахстана принадлежат к внутренним замкнутым бассейнам Каспийского и Аральского морей. Характерной особенностью рассматриваемого региона является то, что, несмотря на сравнительно небольшую территорию, все реки берут начало в ее пределах, за исключением рек Урал и Улькайяк. В северо-западной, наиболее обводненной, части региона сосредоточены крупные реки и временные водостоки длиной 10 км и более [7; 8]. Они образуются в процессе стекания дождевых и талых вод в водоемы и понижения рельефа, происходящего как на земной поверхности, так и подземного стока. К большим рекам, протекающим по нескольким географическим зонам и имеющим большую площадь бассейна, относятся Урал, Эмба, Тургай. К малым рекам, расположенным в пределах одной географической зоны и имеющим площадь бассейна не менее 50 км², отнесены: Илек, Утва, Барбастау, Деркул, Чаган, Большой Узень, Малый Узень, Багырдай, Кушум, Малая Анката, Большая Анката, Калдыгайты, Булдуурты, Оленты, Уил, Орь, Сагиз и др. Судходна только р. Урал.

По условиям протекания все реки Западного Казахстана относятся к равнинным. Исключение составляет только отрезок р. Урал от северной границы региона до п. Кушум в Западно-Казахстанской области (здесь заканчивается перенос гальки из-за понижения скоростных характеристик), где она носит частично горный характер. По источникам питания все реки преимущественно снегового питания, по водному режиму это реки с весенним половодьем. По степени устойчивости русла все реки устойчивые – имеют четко выраженное, сформированное самим потоком, русло. По ледовому режиму реки региона замерзающие.

Главной водной артерией региона является р. Урал и его бассейн складывается из рек, стекающих с Общего Сырта (Ембулатовка, Быковка, Рубежка, Чаган с Деркулом), рек стекающих с Подуральского плато (Илек, Утва, Барбасту, Солянка; последняя вытекает из оз. Челкар, в которое выпадают реки Малая Анката и Большая Анката (с притоком Купер-анката). Река Урал имеет длину в пределах Казахстана 1082 км, площадь бассейна – 231 тыс. кв. км. Воды р. Урал и его притоков уходят в Каспийское море – в один из главных приемников бессточного бассейна Евразийского материка.

Эмба – вторая после Урала по величине река Западного Казахстана, длиной 712 км, берет начало из родников западных склонов Мугоджарских гор. В нижнем течении множество соров, солончаков и озер-стариц. Воды Эмбы до Каспийского моря не доходят, летом река сильно мелеет и теряется в песках. Сагиз имеет длину 511 км, площадь бассейна 19400 км². В верховьях и низовьях летом река пересыхает и разбивается на отдельные плесы с солоноватой водой. Сагиз берет начало на Подуральском плато и доходит до солончаковой Прикаспийской низменности [10, с. 48].

Большой Узень и Малый Узень протекают на границе Казахстана с Россией. Длина Большой Узени равна 650 км, площадь бассейна 15600 км²; Малой Узени соответственно 638

км и 18250 км². Обе реки впадают в бессточные Камыш-Самарские озера. Иргиз является правым притоком Тургая. Его длина 593 км, площадь бассейна – 31600 км². Река берет начало с восточных склонов Мугоджар [10, с. 63]. Река Уил протекает по территории региона на протяжении 522 км. Русло извилистое, неустойчивое, шириной 50-60 м, местами до 100-160 м.

Характер гидрографической сети, режим и сток рек Западного Казахстана существенно зависит от широтной зональности климата и ландшафтов. В связи с дефицитом влаги, особенно, в пустынных районах, поверхностный сток мал, речная сеть разрежена, а реки мало-водны. С ландшафтно-климатической зональностью связана неравномерность густоты речной сети. В степной зоне она равна 0,1-0,5 км/км², в пустыне - снижается до 2 м/км² и даже до 0 [11, с. 79].

Вероятно, именно адаптирование человека в сложных условиях привело к созданию максимально эффективной экономики, сообразно окружающей среде, и в конечном итоге выразилось в увеличении численности населения в середине I тыс. до н.э. Памятники ранних кочевников по территории левобережья Урала численно доминируют над памятниками других эпох. Занимая возвышенные территории – гребни водоразделов, вторые надпойменные террасы, платообразные возвышенности, археологические объекты ранних кочевников образуют комплексы памятников от одиночных и парных курганов, до могильников с сотнями насыпей.

Собственно, у кочевых образований на левом берегу Урала в VI-IV вв. до н.э. сложился крупный племенной союз, консолидирующая группа (элита) которого, избрала местом своего обитания среднее течение магистральной артерии, по обоим берегам наиболее крупного левобережного притока. Иллюстрацией этому служат яркие комплексы Кырык Оба, Лебедевка, Покровка и т.д.

Картографирование выявленных памятников ранних кочевников в рассматриваемом регионе позволяет провести предварительное районирование, вычленение группы микрорайонов, привязанных к бассейнам степных рек левобережья Урала. В перспективе направление исследований будет ориентировано на сравнительный анализ между такими микрорайонами – Илекским, Темиро-Эмбенским, Орь-Иргизским, Уило-Кобдинским, Чингирлауско-Анкатинским, Большого и Малого Узеней. На территории обозначенных микрорайонов присутствуют свои элитарные группы памятников, являвшиеся, соответственно, консолидирующими центрами племенных группировок в рамках пастбищно-кочевой системы.

Археологические объекты кочевого населения периода раннего железного века и средневековья размещены по территории Западного Казахстана крайне неравномерно. В большинстве случаев сравнение ареалов расположения памятников двух эпох показывает их совпадение, хотя можно отметить и различие, особенно, касающееся южной части рассматриваемого региона. Общее число памятников средневековья достаточно для построения историко-культурных реконструкций [2]. Наиболее многочисленной группой являются захоронения кочевой части населения, расположенные под курганными насыпями. Определенное место занимают следы оседлого населения в виде небольших поселений и городищ. Локализацией известных И.А. Кастанье поселений и городищ занимался В.Л. Егоров, подчеркивавший возможность обнаружения поселенческих памятников на Уиле и Кобде [5, с. 127-128]. Вопросами локализации и размещения памятников кочевых группировок занимался В.А. Кригер [6, с. 159-161], результаты его картографического анализа представляют репрезентативное и обширное исследование, своего рода фундамент для определения дальнейших направлений исследовательской работы.

Наиболее крупным и известным объектом оседлого населения является городище Сарайчик, активно исследовавшееся с середины 90-х годов XX века, по результатам исследования которого на сегодняшний день выпущено несколько обобщающих работ. Еще одним поселением, приуроченным к бассейну Урала, изучение которого началось с 2001 года, с момента обнаружения, является городище Жайык [1], отождествленное как «Шакафни» на карте Дженкинсона. Небольшие раскопочные работы проводились на городище Узени, обнаружен-

ном в месте наибольшего сближения Большого и Малого Узеней, а так же на поселении в бассейне Большой Кобды.

На данный момент, поселенческие памятники проходят стадию локализации и идентификации, по мере их выявления. В пользу присутствия поселенческих памятников, говорит распространенность золотоордынских мавзолеев, построенных из стандартного для позднего средневековья кирпича. Изготовление высококачественного кирпича, и сами архитектурные традиции, не являются порождениями кочевой степи. В данном случае наблюдается влияние аспектов не только природно-географического характера, но и факторов политического характера.

Территория Западного Казахстана, была слабозаселенной в предмонгольское время XI-XII вв. Памятники этого периода, обнаруженные в регионе, носят единичный характер, что хорошо известны исследователям. Данная ситуация, вероятно, возникла из очередной волны аридизации в регионе [3, с. 40-41]. Вероятно, вместе с факторами природно-географического порядка сработали аспекты военно-политического и экономического характера. Группы населения из Центрального и Восточного Казахстана, объединенные в составе кыпчако-кимакского образования, продвинулись из западно-казахстанского региона далее по двум векторам, к границам Киевской Руси и государству Хорезмшахов, о чем свидетельствуют многочисленные источники.

Иная ситуация прослеживается в XIII-XIV вв., количество погребений в рассматриваемом регионе резко возрастает, появляются поселенческие памятники, могильники переселенных групп населения (Мокринский), с сильно отличающимися от основной массы чертами в погребальном обряде. Объяснением этому может служить переселенческая политика, проводившаяся монголами и привязанная к улусной системе. Эксплуатировавшееся население, поставлявшее людей в воинские соединения и продукты скотоводческого хозяйства, подвергалось контролю, должно было проживать на отведенных территориях, закрепленных за тем или иным правителем местного масштаба, несущим соответствующую повинность перед своим сюзереном.

Расположение археологических объектов раннего железного века и средневековья в Западном Казахстане приурочено к комфортным экологическим нишам, что подтверждается данными картографирования памятников. В первую очередь, это зона среднего и нижнего течения Урала. Насыщенную памятниками зону образуют Большой и Малый Узени в среднем и нижнем течении. Причем, этот локальный микрорайон дает памятники по всем периодам эпохи средневековья, что говорит о его привлекательности для кочевого населения вне зависимости от коллизий природного или политического характера. Сходными чертами обладает Уило-Кобдинский микрорайон, на территории которого обнаружены яркие и неординарные комплексы развитого и позднего средневековья. Новые памятники были обнаружены в результате разведочных мероприятий в 2014 году в Темиро-Эмбенском микрорайоне. Однако, этот микрорайон, также как Орь-Иргизский, в плане расположения памятников эпохи средневековья, пока остается «terra incognita», и соответственно, важным направлением для сосредоточения усилий исследовательского поиска. Комфортным регионом, хорошо изученным к данному времени, является среднее течение Илека в районе впадения Жаксы-Каргалы.

Дальнейшее изучение памятников кочевого и оседлого населения необходимо вести с позиций сравнительного анализа между археологическими комплексами вышеуказанных микрорайонов. Разнообразие природно-географических условий Западного Казахстана, являвшееся определенным историческим фоном для событий позднего средневековья, позволяет говорить о перспективности намеченных исследований.

Примечания

1. Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ахатов Г. А. Средневековое городище Жайык. Алматы : Credo, 2005. 221 с.

2. Бисембаев А. А. Картографический анализ памятников средневековых кочевников Западного Казахстана // Степи Северной Евразии. Эталонные степные ландшафты: проблемы охраны, экологической реставрации использования : материалы III Междунар. симп. Оренбург, 2003. С. 87-90.

3. Гумилев Л. Н. История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. до XVI в. н.э.) // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.

4. Гуцалов С. Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. Уральск : Полиграфсервис, 2004. 136 с. : ил.

5. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М. : Либроком, 2009. 248 с.

6. Кригер В. А. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X-XIV вв.). Уральск, 2012. 200 с.

7. Природно-ресурсный потенциал и проектируемые объекты природно-заповедного фонда Западно-Казахстанской области. Уральск : Зап.-Казахстан. гуманит. ун-т им. А. С. Пушкина, 1998. 174 с.

8. Ресурсы поверхностных вод СССР / под ред. Протасьева М. С. Л. : Гидрометеиздат, 1966. Т. 12: Нижнее Поволжье и Западный Казахстан, вып. 3: Актюбинская область. С. 7-24.

9. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Западно-Казахстанская область. Алматы : Аруна, 2010. 488 с.

10. Стесин Л. Б., Мальцев С. Н. Голубые дороги. Алма-Ата : Казахстан, 1983. С. 47-64.

11. Физическая география Республики Казахстан / под ред. Джаналиевой Г. М. Алматы : Қазақ университеті, 1998. 265с.

УДК 94(571.9)''1918/22''

Кургузов В.Л.

СЛОВАМИ ПРАВДЫ, РАЗВЕНЧИВАЯ МИФЫ WORDS OF TRUTH, DISPELLING MYTHS

В статье на основе архивных материалов и периодической печати 1918-1922 гг. раскрывается малоизученная российскими историками проблема агитационно-пропагандистской работы большевиков среди иностранных солдат во время интервенции на Дальнем Востоке.

In the article on the basis of archival materials and periodicals 1918-1922, reveals little-studied Russian historians problem of advocacy of the Bolsheviks among foreign soldiers during the intervention in the Far East.

Ключевые слова: Дальний Восток, война, интервенция, большевики, агитация, пропаганда, правда.

Keywords: Far East, war, intervention, Bolsheviks, agitation, propaganda, truth.

Уважаемый читатель! Эта статья была написана автором в далеком 1972 году, к 70-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке. Тогда ее автор работал на кафедре «Истории КПСС» ВСГИК, которую возглавлял замечательный человек, друг и наставник научной молодежи, доктор исторических наук, профессор Б.Б. Батуев. Она даже была обсуждена на заседании кафедры. С рекомендацией ее к опубликованию выступили тогда мой наставник, профессор С.С.Бадмациренов, д.и.н., профессор Е.М.Залкинд, к.и.н., доцент М.М.Шмулевич и др. Но публикация тогда не состоялась. Автор статьи поступил в очную аспирантуру, и новые научные заботы отодвинули ее опубликование до лучших времен. Так эта рукопись и пролежала у меня в папке 43 года.

Сегодня, как я полагаю, появился хороший повод к ее опубликованию, хотя бы потому, что ее тема напрямую восходит к истории утверждения Советской власти в восточных

районах России, проблеме, которой, профессор Б.Б.Батуев посвятил свое научное творчество. В связи с этим, автор статьи, дополнив ее новыми фактами, но абсолютно не меняя методологию советской исторической науки, решил посвятить ее светлой памяти ветерана Великой Отечественной войны, человека, ученого и гражданина Бато Бадмаевича Батуева.

Как известно, латинское слово *propaganda* (пропаганда) означает «распространение», а греческое слово *agitatio* (агитация) - «волновать и приводить в движение». Партия большевиков в годы гражданской войны и иностранной интервенции сполна пользовалась этим оружием и не только среди красноармейцев, партизан или населения сел и деревень, но и среди войск интервентов, распространяя правду о сути происходящих событий и волнуя сердца тех, к кому была обращена эта правда.

В качестве примеров активной агитационно-пропагандистской работы остановимся на ее осуществлении среди солдат так называемой «японской экспедиционной армии Сибири».

Как только мир узнал о победоносном свершении в России социалистической революции в октябре 1917 г., как только началась интервенция против молодой республики Советов, капиталистическая печать развернула среди солдат интервентских войск бешеную пропаганду против большевиков и советской власти. Об этом свидетельствуют многочисленные факты.

Так, например, в эти годы на территории Дальнего Востока издавалось множество буржуазных газет, обслуживающих преимущественно войска интервентов. Среди них: японская газета «Владиво-Ниппо», английская «Владивосток дейли Ньюс», чешская «Дневник Чехословака», американская «Здесь и там с 31-м пехотным» и др.

Офицерство интервентских войск усиленно обрабатывало солдат, толкая им, что они посланы в Россию для спасения цивилизации от большевиков, разрушивших «демократию» и несущих гибель всему человечеству. Японские солдаты снабжались специальными памятками, где слово «большевик» объяснялось, как «разбойник», «вор», «грабитель» и «насильник». В этих условиях партия большевиков не могла не уделять внимания пропагандистской работе среди интервентских войск, посланных для удушения Советской республики.

Уже в марте 1919 г. Всесибирская конференция РКП(б) в своих решениях в качестве одной из важнейших задач поставила вопрос «об агитации среди иностранных военных частей, находящихся в Сибири».

Дальневосточный комитет РКП(б) в июне 1919 г., подтвердив это решение, указал местным партийным комитетам, что «агитация среди иностранных войск и восточных народов должна занять одно из первых мест в работе организаций».

В связи с трудностями проведения устной агитации и пропаганды (незнание языков) упор был сделан на агитацию письменную. Дальневосточный комитет, а также местные партийные организации и отдельные партизанские отряды выпускали специальные обращения, листовки к иностранным солдатам на японском, английском и китайском языках.

В листовках партийные организации разъясняли иностранным солдатам, кто такие большевики, чьи интересы защищает советская власть, за что борется Коммунистическая партия и партизаны. Разоблачая политику капиталистических государств, стремящихся задуть пролетарскую революцию в России, партия большевиков призывала солдат-интервентов прекратить борьбу с рабочими и крестьянами Советской республики.

Например, в листовке, выпущенной Дальневосточным комитетом РКП(б) в 1919 г. к американским солдатам под названием «Американские трудящиеся», писалось: «Каждый день вы слышите слово «большевик», каждый день буржуазные газеты всего мира выливают потоки помоев и небылиц на эту партию». Разъясняя далее, кто такие большевики и, каких целей они добиваются, листовка обращалась с призывом к американским солдатам: «Товарищи американцы!» Следуйте за вашими международными товарищами, соединяйтесь с русскими большевиками против нашего общего и смертельного врага – буржуазии. Не будьте манекенами в руках буржуазии. Соединяйтесь вместе и сбросьте диктатуру Колчака, Семено-

ва и других тиранов. Вперед вместе! Долой капиталистов! Да здравствует красный интернационал и революционный мир трудящихся!» [1].

Иностранные рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, в процессе гражданской войны и интервенции в России многому научились. За этот период у многих из них прояснилось классовое сознание. Известен целый ряд примеров, говорящих о сочувствии иностранных солдат к Советам, к трудящимся России, ведущих героическую борьбу с силами империализма.

Японская армия, не пережившая Первой мировой войны, находилась в более благоприятном для империалистов морально-политическом состоянии. Однако в процессе Гражданской войны и интервенции в России под влиянием большевистской агитации во многих экспедиционных частях ярко стало проявляться их классовое сознание.

Это вынуждены были признать даже их главари – офицеры. Вот что писал, например, генерал-майор Никасава в выпущенной в Японии в 1926 году книге «История Сибирской экспедиции»: «Стоящие в Забайкалье и Восточной Сибири японские войска благодаря постепенной большевизации стали направляться на родину» [2, с. 155]. А лидер коммунистической партии Японии С.Катаяма подчеркивал, что еще в первый период интервенции «рисовые бунты» в Японии (1918 г.) имели отклик «в среде солдат союзного отряда, отправляющегося в Сибирь под командой генерала Отани» [3, с. 44]. Дальневосточный комитет РКП(б) во Владивостоке установил тесную связь с революционными группами японских солдат. В сводках Приморской белогвардейской контрразведки в июле 1919 г. отмечалось: «Бывший матрос П.Шевченко (большевик), служащий в артиллерийских мастерских на мысе Чуркинне, имеет связь с японскими большевиками. Санитары японского Красного Креста бывают у Шевченко и предлагают ему оружие» [4].

Характерная деталь. Подробности о революционном движении в экспедиционных частях японцев на Дальнем Востоке, до сих пор похоронены в штабах военного ведомства Японии. Однако по отрывочным сведениям все же можно установить нередкие случаи сочувствия борющимся трудящимся России и пробуждения классового сознания японских солдат.

И это несмотря на то, что японская армия тщательно «оберегалась» от большевизма. Солдатам прививалась ненависть к большевикам и Советам, а воспитание японских солдат строилось на палочной дисциплине в духе японского великодержавного шовинизма.

На территории Дальнего Востока во время интервенции был создан военный суд экспедиционной армии Японии, а для поддержания порядка в частях на каждую дивизию приходилось по отборной роте японской полевой жандармерии.

«Дальневосточное обозрение», ссылаясь на японскую газету «Хоци» цитирует следующую факт: «Число солдат, присужденных военным судом Сибири к тюремному заключению, все время возрастает. Не было еще случая, чтобы пароход, пришедший из Владивостока, не привез бы несколько арестованных» [5].

Непрекращающиеся бои с партизанскими отрядами в таежной обстановке, тяжелые климатические условия (морозы, резкое колебание температуры и пр.) крайне тяжело переносились японскими солдатами. По официальным данным японского осведомительного бюро, только с августа 1918 г. по август 1919 г. на Дальнем Востоке только от болезней умерло 500 солдат и офицеров японской императорской армии [6].

В такой ситуации партийными организациями и штабами партизанских отрядов была усилена работа по распространению многочисленных листовок среди солдат японской армии. В качестве убедительного аргумента нередко использовались данные расстрелов японских солдат, заподозренных в большевизме. Так, например, Военно-полевой штаб 1-го района Амурской области писал в воззвании к японским солдатам:

«Товарищи солдаты-японцы, вы обмануты своим монархическим правительством. Вы идете против своих же товарищей крестьян и рабочих. Вы сами рабочие и крестьяне, работайте на буржуазный класс...

Вы сами знаете, что ваши солдаты расстреливали в Благовещенске и других местах своих же солдат японцев-большевиков, которые не хотели идти против российского трудового народа. Честь и слава вашим товарищам солдатам-японцам, павшим борцами за свободу трудящегося рабочего класса» [7].

После взятия партизанами городов между ними и японскими солдатами были случаи братаний. Такое наблюдалось во Владивостоке, Шкотово, Имане, Хабаровске, Свободном, Благовещенске и др. Партизаны говорили японским солдатам, что они борются с буржуазией и не хотят воевать с японским народом. Японцы им также отвечали, что война им не нужна, и обвиняли микадо в том, что он посылает их воевать в Россию.

Под непосредственным воздействием большевистской агитации и пропаганды нередко были случаи, когда среди японских солдат наблюдались факты нарушений воинской дисциплины, даже срыва пагон. А в Суражевском гарнизоне в Амурской области отдельные группы японских солдат приходили в партизанский клуб, прикрепляли на грудь красные банты и заявляли, что воевать с большевиками больше не хотят и что нужно бить буржуев.

Под воздействием большевистской агитации и пропаганды революционизирование отдельных частей японской армии постепенно приобрело широкий характер. Так, например, в газете «Красное знамя» от 19 февраля 1920 г. сообщалось, что «...по линии Уссурийской железной дороги происходит настоящее братанье между японскими солдатами и партизанами».

Председатель Приморского Комитета РКП(б) М.И.Губельман в одном из своих выступлений отмечал, что «В селе Яковлевке японские солдаты отказались выполнять приказы офицеров и вместо себя заставили их стоять на карауле».

По сообщению японской газеты «Джапан Кроникл» генерал Ишимитсу заявил, что «...среди японских солдат в Сибири дисциплина падает с каждым днем. Солдаты с большим пренебрежением относятся к своим заданиям и ведут себя далеко не превосходно».

Волнения среди японских солдат на территории Дальнего Востока России в начале 1920 г., были неразрывно связаны с революционным движением в самой Японии, где в это время трудящиеся требовали всеобщего избирательного права и прекращения интервенции. Победы Красной армии еще больше усиливали недовольство японских солдат интервенцией. Солдаты рвались на родину, к себе домой.

Дело дошло до того, что по сообщению газеты «Народ» (№7), в феврале 1920 г. во Владивостоке происходил ряд арестов среди солдат японской армии, «подозреваемых в большевизме». А газета «Начало», орган Никольск-Уссурийского ревкома, в конце февраля 1920 года сообщает следующий факт.

«На Первой Речке (район Владивостока – К.В.) японским командованием полностью разоружена японская рота вместе с офицерами. Очевидцы передают, что солдаты из разоруженной роты группами по десять человек со связанными за спиной руками посажены на судно».

А владивостокская газета «Красное знамя» от 28 февраля 1920 г., комментируя этот факт, сообщает: «Из источников заслуживающих доверия, нам передают такую версию: тяжелые условия и незнание, за что проливается кровь в чужой стране, брожение в самой Японии, связанное с борьбой рабочих за всеобщее избирательное право и улучшение быта. Изменили психологию японского солдата и сделали его ум доступным критике. Передают, что эта рота, о которой пишет «Начало», не исполнила приказа, срезала пагоны и прикрепила к груди красные банты. Японцы всех зараженных «большевизмом» концентрируют в Корею».

Этот факт нашел свое отражение и в материалах Амурской областной конференции РКП(б), где указывалось, что «на Первой Речке во Владивостоке взбунтовалось 500 японских солдат, выкинувших красный флаг» [8].

Свидетельством неустойчивости отдельных частей японской армии, под воздействием побед Красной армии и, безусловно, успешной агитационно-пропагандистской работы большевиков в ее рядах свидетельствует и тот факт, что на станции Бира (270 км. на запад от Хабаровска – К.В.) остались 25 японских солдат, не пожелавших возвращаться в Японию и вы-

шедших из повиновения своему начальству. Японские власти хотели их арестовать, но эти попытки оказались безуспешными.

Между тем, волнения среди японских солдат всячески скрывались и подавлялись самым жестоким образом. Дело дошло до того, что японское командование стало разоружать целые части.

Насколько успешна была большевистская пропаганда среди японских солдат, можно заключить из требований японского командования при проведении мирных переговоров в конце апреля 1920 г., в которых одним из главных пунктов стояло предложение «прекратить коммунистическую пропаганду в японских частях».

В марте 1920 г. японское командование произвело большую «перегруппировку» в своих воинских подразделениях. Все ненадежные солдаты были отправлены в Японию и заменены пехотой, мобилизованной преимущественно из отсталых крестьянских слоев.

Как известно, 4-5 апреля 1920 г. японские интервенты предъявили ультиматум Временному правительству Приморья, разогнали его, произвели массовые аресты большевиков и потребовали не много ни мало разоружения всех частей Красной армии и отводе их от полосы железной дороги. Во время обстрела японцами Владивостока и уличных боев было убито много гражданских лиц.

После этих событий было решено усилить коммунистическую пропаганду среди японских солдат. Для этой цели при партийных комитетах были даже созданы специальные иностранные отделы.

Большим успехом среди японских солдат пользовалось размноженное большевиками воззвание японца Киочи Симбо, бывшего добровольца французского 562 авиаотряда, бежавшего из германского плена в Россию и вступившего в ряды Красной Армии.

В своем обращении к японским солдатам Киочи Симбо, как человек, который глубоко осознал классовые интересы пролетариата, разоблачал политику японского правительства, пытавшегося задушить революцию на Востоке, и призывал японских солдат такими словами: «Японский солдат, ты уже видишь правду, как тебя обманывают. Не будь больше рабом. Поверни свое оружие и вместе с японскими рабочими направь его против тех, кто твой смертный враг – против микадо, против генералов и капиталистов, рука об руку с пролетариатом всего мира. Смерть микадо, генералам и капиталистам! Да здравствует японский рабочий, крестьянин и солдат! Да здравствует победа всемирного пролетариата над всемирными угнетателями!» [9].

Иностранный отдел Дальбюро ЦК РКП(б) распространял Программу коммунистической партии, Конституцию РСФСР и целый ряд листовок, разоблачающих политику японских империалистов.

Одним из примеров эффективности большевистской пропаганды является, хотя бы, такой факт, который приводится в газете «ДВР», № 56 за 1921 г.

«В дальневосточном селе Беклемишево в августе 1920 г. частями НРА через крестьян происходила закупка у японцев табака и папирос. Когда японцы узнали, что крестьяне покупают табак для армии, они послали нам в подарок ящик табаку и папирос, прося крестьян передать нашим бойцам, что японские солдаты больше драться с большевиками не хотят, и чтобы большевики не сердились на японских солдат за прошлое».

Революционное движение в японской экспедиционной армии имеет свою историю на протяжении всего периода интервенции. Приведем еще один факт из газеты «ДВР», № 69, за 1921 г.

Газета, в частности, сообщает: «В конце марта японскими жандармами был произведен обыск в одном из японских полков, расположенных во Владивостоке на Второй Речке. При обыске у японских солдат была обнаружена в большом количестве большевистская литература. Попытка жандармов произвести аресты потерпела неудачу. Солдаты, как один, взяли за оружие, и жандармы были вынуждены уйти ни с чем».

Японский журналист, корреспондент газеты «Кокумин», в специальной статье для газеты «Красное знамя» № 62 за 1922 г. писал о японских солдатах так:

«Когда они вернулись в свои губернии, то нашли там только прежние бедные поля, слабых лошадей, больных детей да старых родителей. Там же они увидели заживших землевладельцев, жаждущих только арендной платы, да ростовщиков, вербующих солдатских сестер и жен в публичные дома в соседние города. На их плечи вместо ранцев и винтовок обрушилась целая куча хлопот и долгов. Теперь они ясно поняли, почему русские крестьяне-партизаны были так сильны своей идеей и почему они умирали за коммунизм».

Гражданская война имела большое воспитательное значение для всех иностранных солдат. В процессе этой войны росло классовое сознание рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели и посланных на удушение пролетарской революции в России. Гражданская война родила среди иностранных солдат тысячи новых революционеров, поднявшихся на борьбу с империализмом.

Не случайно же, лидер японских коммунистов С. Катаяма писал в журнале «Пролетарская революция» № 2-3 за 1927 г. о том, что «... японские солдаты вернувшись из Сибири, дали верное освещение революции, прямым результатом чего было то, что эти солдаты часто становились во главе крестьянского движения в Японии».

Международный империализм, бросивший свои войска для разгрома Советской страны, жестоко просчитался в своих планах. Об этом очень ярко и убедительно сказал в своем докладе на 2-ом Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока В.И. Ленин:

«Наша победа заключается во внутреннем разложении империализма, который не может послать своих войск против нас. Антанта испытала это, и ничего у нее не вышло, потому что войска ее разлагаются, когда встречаются с нашими войсками и знакомятся с нашей Российской советской конституцией, переведенной на их языки... наша конституция всегда привлекает симпатии трудящихся масс.. Слово «совет» понятно теперь всем... Наша победа отозвалась в каждой империалистической стране, раз мы отняли, отвоевали ее войска...».

Отняли словами правды, добавим мы, и развенчанием мифов о нашей революции всеми доступными средствами агитационно-пропагандистской работы среди солдат войск интервентов.

Примечания

1. Красное знамя. 1919. 12 марта.
2. «И на Тихом океане свой закончили поход...». Хабаровск, 1927.
3. Пролетар. революция. № 2-3.
4. Дальневост. обозрение. 1919. № 243.
5. Там же.
6. См.: Голос Родины. 1919. № 15.
7. «И на Тихом океане свой закончили поход...». С. 156.
8. Амур. эхо. 1920. 13 марта.
9. Цит. по: Шурыгин А. История гражданской войны. Революционные волнения в японских интервентских войсках (1918-1922 годы) // Ист. журнал. 1937. № 6.

**БОРЬБА БУРНАЦКОМА ПРОТИВ «ОКАЗАЧИВАНИЯ»
В УСЛОВИЯХ ДИКТАТУРЫ АТАМАНА Г. СЕМЕНОВА
THE FIGHT AGAINST BURNACKOMA «OKAZAČIVANIÂ» IN CONDITIONS OF
DICTATORSHIP ATAMAN SEMENOVA.**

В статье анализируются особенности национально-государственного строительства, осуществляемого Бурнацкомом (Бурнардумой) в Забайкалье в условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции, его борьба против возвращения бурят в казачье сословие, в условиях временного падения Советской власти в 1919 году.

This article analyzes the features of nation-building, by Burnackomom (Burnardumoj) in the Baikal region in conditions of civil war and foreign military intervention, his fight against the return of the Buryats in the Cossack estate, in a temporary fall of Soviet power in the year 1919.

Ключевые слова: национально-государственное строительство, Бурнацком, Бурнардума, Забайкалье, гражданская война, казаки, атаман Г. Семенов.

Keywords: nation-building, Burnackom, Burnarduma, Transbaikalia, civil war, the Cossacks of Ataman Semenov.

Гражданская война в 1918 году охватила почти всю территорию России. В конце мая вступил чехословацкий корпус, части которого растянулись по всей Транссибирской магистрали. На Дальнем Востоке вели боевые действия против Советской власти войска интервентов. Франция, США, Япония, осуществляя интервенцию, решали свои геополитические задачи. Фактически происходил раздел Востока России, перераспределение сфер влияния между великими державами в Центральной Азии. В Забайкалье активизировал свои действия атаман Г. Семенов. Под ударами интервентов и белогвардейских войск Советская власть в Сибири пала.

28 августа 1918 года на ст. Урульга, в Забайкалье, состоялась конференция представителей партийных, советских организаций и воинских частей. Она, учитывая малочисленность советских войск и приближение противника с Запада и Востока, вынесла решение временно прекратить борьбу с врагом организованным фронтом.

После падения Советской власти на территории Сибири возникло несколько региональных буржуазных правительств, которые на совещании в сентябре 1918 года в Уфе образовали так называемую Директорию. Власть Директории была непродолжительной. Она сменилась диктатурой адмирала А.В. Колчака. Атаман Г. Семенов, при поддержке японских войск, захватил власть в Забайкалье.

Общественно-политическая обстановка, сложившаяся в Восточной Сибири, была крайне сложной. В новых условиях Бурнацком вынужденно отказался от своей прежней политики формальной поддержки Советской власти. Он автоматически перешел к политике формальной поддержки А.В. Колчака и Г. Семенова, поскольку теперь образование бурятской национальной автономии зависело от них. Более того, именно такая линия поведения Центрального комитета позволила избежать массовых репрессий широких бурятских масс во время смены власти со стороны военного режима.

С Бурнацкомом и его преемницей Бурнардумой атаман Г. Семенов вел двойную игру. С одной стороны, он обещал дать национальную автономию бурятам, с другой, уже с осени 1918 года планомерно проводил политику «оказачивания» бурятского населения.

Такие действия Г. Семенова красноречиво говорили, что он и бурятские общественные деятели смотрели на проблему существования самого казачества по-разному.

Р.Б. Бимбаев, курирующий казачий отдел Бурнацкома, в своей обстоятельной записке от 1 октября 1918 года так излагал проблемы бурятских казаков: «Запутанная пестрота чересполосности в земледелии бурят казаков и не казаков, образовавшаяся первоначально от доб-

ровольного перехода бурят в казачество (XVIII век – Б.В.) представляла страшное неудобство и прежние администраторы, в лице губернаторов, не раз принимали меры к устранению этой чересполосности путем принудительного введения вдоль границы сплошного казачества или перевода казаков в крестьянство, но такие попытки, при отсутствии согласия сторон, не удавались. Наконец этот гордиев узел развязался сам собой по случаю введения в Забайкалье общего Земства» [1].

Атаман Семенов не менее успешно намечал разрубить этот гордиев узел введением среди бурят сплошного казачества.

Далее в записке Р.Б. Бимбаева указывалось: «Бурятские общественные деятели в основном учитывали то обстоятельство, что с объявлением в стране гражданских свобод в случае установления в государстве общей обязательной воинской повинности буряты должны будут отбывать таковую на общем основании, ибо было бы несправедливо только казаков бурят, составляющих одну десятую часть бурятского населения Забайкалья, привлекать к службе. Но буряты по бытовым условиям и природным качествам могут образовать незаменимую кавалерию, то естественно они являются природными казаками, но отнюдь не пехотинцами. И в общей массе буряты могут образовать однородные национальные боевые единицы, что, безусловно, будет иметь огромное значение в военном деле» [2].

Семеновский Генеральный штаб, прежде всего, интересовали потенциальные военные возможности бурятского населения. Атаман Г. Семенов искал способ использовать бурят в своих военных формированиях. Для этого предпринимались силовые попытки вывести бурят казаков из ведения хошунов назад в станицы. Кроме того, семеновская военщина взяла под свой контроль обучение и подготовку отрядов Цагд.

Между тем, сам атаман Г. Семенов во взаимоотношениях с Бурнацкомом, дистанцировался от действий своих подчиненных, утверждая, что они действуют на свой страх и риск.

Особое рвение в восстановлении станиц проявил атаман 1-го Военного отдела генерал-майор Толстихин, который в октябре 1918 года насильственным образом «приведя взвод казаков с двумя пулеметами, открыл Боргойское станичное правление» [3].

Возмущенная таким самоуправством Нардума обратилась в Генштаб Г. Семенова с предложением создать смешанную согласительную комиссию по выяснению желания самого бурятского населения.

К 28 декабря 1919 года комиссия была создана в составе члена Думы Н. Ирдыниева, председателя Селенгинской аймачной думы Б. Айсуева с одной стороны и подполковника Ганчина, подъесаула Кузнецова с другой [4].

Работа комиссии сорвалась, так как атаман Толстихин за два дня до прибытия комиссии разослал станичным атаманам 1-го военного отдела циркулярное распоряжение, в котором настаивал на проведении карательно-принудительных, административно-экономических мер в случае: «если буряты казаки пожелают перейти в хошуны, то: 1). они должны нести пехотную службу и, 2). лишаются земельных наделов, которые станут достоянием войска и за пользование которыми впредь до Учредительного Собрания они обязаны платить Войсковому Правлению посаженную плату в пользу войскового капитала» [5].

Такие кабальные условия выхода из казачества ставили в безвыходное положение население бывших станиц.

Несмотря на силовое давление семеновской военщины, бывшие буряты-казаки в своем большинстве не изъявили желания выйти из юрисдикции национальных органов самоуправления [6].

Для такого решения были две причины: 1) желание казаков объединиться со всем бурятским населением для создания автономии согласно национальному быту и культуре; 2) нежелание участвовать в гражданской войне, цели и задачи которой были им не совсем понятны.

Семеновцы остро нуждались в профессиональных кавалеристах, Нардума стремилась не допустить выхода казаков из хошунов, так как такими действиями разрушалось нацио-

нальное земство, что объективно являлось шагом назад на пути к бурятской национальной автономии.

К весне 1919 года борьба за бурятское казачество между Бурнардумой и Забайкальским казачьим войсковым правлением еще больше обострилась. Национальные органы самоуправления бурят вынуждены были постепенно сдавать свои позиции под давлением семеновской администрации. В целом атаману Г. Семенову так и не удалось создать полноценные воинские формирования из бурят-казаков до нового наступления Красной армии и эффективно использовать их в боях.

Примечания

1. Национальное движение в Бурятии в 1917-1919 гг. : док. и материалы. Улан-Удэ, 1994. С. 147.
2. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. 305. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-4.
3. Там же. Л. 202.
4. Национальное движение в Бурятии в 1917-1919 гг. С. 162.
5. ГАРБ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.
6. Там же. Л. 216-217.

УДК 329(571.151)''19''

Каташев М.С.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ («ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ») В ГОРНОМ АЛТАЕ В 1921-1922 ГГ. PEASANT INSURGENCY («POLITICAL THUGGERY») IN THE GORNYALTAI IN 1921-1922.

Статья посвящена проблеме вооруженного выступления крестьянства против советской власти в Горном Алтае в 1921-1922 гг. На основе научно-исторических работ и архивного материала предпринята попытка обобщить историю повстанческого движения в регионе. Сделаны выводы о причинах вооруженного выступления крестьян, о социальном составе повстанцев, их политической программе. Показаны место и роль этнического фактора в антибольшевистском движении в Горном Алтае.

Article is devoted to the armed actions of the peasantry against the Soviets in the GornyAltai in 1921-1922. On the basis of the scientific and historical works and archival material attempt to summarize the history of the rebel movement in the region. The conclusions about the causes of the armed uprising of the peasants, the social composition of the rebels and their political program. Showing the place and role of the ethnic factor in the anti-Bolshevik movement in the GornyAltai.

Ключевые слова: аграрная политика, вооруженное выступление, крестьянское повстанческое движение, национальная автономия.

Keywords: agrarian policy, armed uprising, peasant rebel movement, national autonomy.

В начале 1921 г. в России начался очередной виток гражданской войны. Он был вызван недовольством крестьян диктатурой большевиков и проводимой ими продовольственной политикой. К этому времени крестьянские волнения охватили всю территорию страны. Зимой 1921 г. восстала Западная Сибирь, вести о вооруженном выступлении дошли и до Алтая. К середине 1921 г. недовольство порядками «военного коммунизма» в Горном Алтае достигло своего предела.

Первые повстанческие группы были созданы бывшими колчаковцами еще летом-осенью 1920 г. Летом 1921 г. в Горно-Алтайском уезде началась повсеместная организация повстанческих отрядов. Первое выступление совершилось в тех же местах, где зарождалось партизанское движение против колчаковской власти – в Черноануйской и Куяганской волостях. Ранее всех выступили крестьяне с. Белый Ануй. В июне они разогнали продотряд и органи-

зовали «Первый повстанческий Горно-Алтайский полк», избрав командиром председателя сельсовета, бывшего партизана Ф.И. Тырышкина. Каких-либо политических лозунгов они не выдвигали, призывая отменить продналог и устанавливать «такую власть, которую пожелают сами крестьяне» [1].

В августе начались активные боевые действия, которые носили слаженный характер. Повстанцы, объединив свои отряды, перешли в наступление. Им удалось занять ряд волостей и участок стратегически важной транспортной артерии Горного Алтая – Чуйского тракта на протяжении от Теньги до Ини [2]. Численность объединенных сил повстанцев составляла до 400 чел. Но взять крупные центры волостей, где находились армейские части, повстанцы не смогли. В конце августа другая группа повстанцев численностью до 500 чел. заняла Уймонскую долину – еще один бывший центр антиколчаковского движения [3].

Тем временем бывший командующий колчаковскими частями в Горном Алтае есаул А.П. Кайгородов, находившийся в Западной Монголии, принял решение перейти границу. В сентябре-октябре его отряд численностью до 500 чел. провел ряд боев в приграничных районах Горного Алтая. Однако кайгородовцы еще не имели достаточно сил для эффективного противостояния регулярным войскам Красной армии. Потерпев ряд поражений, А. Кайгородов ушел в горы [4]. Действия повстанцев нередко сопровождалось зверскими расправами над коммунистами и сельскими активистами [5]. События августа-сентября положили начало очередному этапу гражданской войны в Горном Алтае.

Социальный состав повстанцев был разнородным. В ряде волостей среди повстанцев преобладали середняки и бедняки [6]. Например, в Бешпельтирской волости, основное население которой составляли алтайцы, большая часть «бандитов» была представлена крестьянами, владевшими одной лошадью, одной коровой, либо вовсе бесхозяйственными [7].

Руководителями отрядов зачастую являлись офицеры: есаул А. Кайгородов, сотник В. Славарецкий, прапорщик П. Кучуков (из «инородцев»). Немало офицеров служили в качестве «спецов» в штабах повстанцев: есаул Пудовкин, поручики Сокольский, Блинов, подпоручики Сыромятников, Астафуров, Мясников, прапорщик Аяшев [8]. С другой стороны, лидерами повстанческого движения были и бывшие партизанские вожаки, которые пользовались авторитетом среди местного населения: Ф. Тырышкин, бывший унтер-офицер Л. Колесников. Большую роль в антибольшевистском повстанческом движении в Горном Алтае сыграли представители коренного населения. На средней Катуні действовали отряды бывшего колчаковского милиционера С.В. Тадышева (Семенка) и командира колчаковской дружины П. Кучукова. В центральном Алтае развернули вооруженную борьбу богатые скотоводы Тожулей Ташкинов, братья Карман и Товар Чекураковы. В Улагано-Чулышманском районе были организованы отряды В. Кусургашева.

Партийно-политические взгляды повстанцев сводились к одной цели – уничтожению единовластия коммунистов, отмены продналогов. Формы дальнейшего государственного устройства виделись командирам повстанческих отрядов по-разному. Руководство движением в лице А.П. Кайгородова и его штаба провозглашало конечной целью борьбы всеобщее избирательное право и созыв Учредительного собрания, некоторые из «полевых» командиров выступали за «Советы без коммунистов» [9]. В целом же политические устремления повстанцев правильнее охарактеризовать как «антикоммунистические, имевшие целью установление советской власти демократического типа, свободной от диктата одной коммунистической партии» [10]. Повстанческое движение в Горном Алтае имело и свои местные особенности. Они заключались, в первую очередь, в активном вовлечении в антибольшевистскую борьбу коренного населения. Данное обстоятельство было во многом инициировано лозунгами А. Кайгородова о создании автономии для алтайцев.

Несмотря на нарастающий размах повстанчества в Горном Алтае, Сибревком и губернские власти подтвердили свое намерение неуклонного проведения в жизнь продовольственной политики. На октябрьскую кампанию по сбору продналога мобилизовывались ответственные работники и члены партии, им в помощь выделялись армейские части [11]. К не-

плательщикам применялось преследование со стороны народных судов и ревтрибуналов [12].

Жесткие меры властей еще более разжигали недовольство крестьян, что усиливало позиции повстанцев, пополняло их ряды. Настроения населения отражались и на представителях власти, которые в ряде случаев даже переходили на сторону повстанцев. Так, в сводках ВЧК по Алтайской губернии, во время наступления А. Кайгородова в октябре 1921 г., «в 25 верстах севернее с. Шебалино к бандитам ушла комячейка численностью девять человек. Секретарь Ильинского волысполкома арестован за сообщение бандитам сведений о наших частях. Помпредседателя Барагашского волысполкома арестован за укрывательства бандитов» [13].

Успехи повстанцев на начальном этапе своей борьбы во многом были обусловлены поддержкой населения. В октябре 1921 г. А. Кайгородов встретился с «лесным полком» Ф. Тырышкина. Общая численность повстанческих отрядов достигла 1,5 тыс. человек. Соединившись, недавние враги двинулись в район Белого Ануя-Куягана и заняли его в начале ноября. Попытки же повстанцев выбить гарнизоны красных по Чуйскому тракту закончились провалом [14].

Власти, серьезно оценив угрозу со стороны мятежников, предприняли ряд решительных мер по их нейтрализации. С октября 1921 г. Горно-Алтайский уезд был объявлен на военном положении. Укреплялось руководство на уездном и местном уровнях. Несмотря на состоявшуюся выборную кампанию в советы, к работе они не приступили. Большая часть советов была вновь заменена на ревкомы [15].

Быстрое продвижение А. Кайгородова вглубь уезда заставило военное командование направить в Горный Алтай дополнительные армейские части. Кроме того, в Горном Алтае действовали части особого назначения (ЧОН), укомплектованные коммунистами Сибири и Горного Алтая. К ноябрю уезд был наводнен военными подразделениями.

Укрепление расквартированных в уезде частей Красной армии дополнительными, хорошо вооруженными военными отрядами принесло свои результаты. 7 ноября 1921 г. части Красной армии и ЧОН, при поддержке артиллерии, атаковали под Тоураком отряды Кайгородова и нанесли ему чувствительное поражение [16]. При выходе из окружения потери повстанцев составили около 1 тыс. чел. убитыми, ранеными, пленными.

В это же время Семенек предпринял наступление на Улалу (ныне Горно-Алтайск). Его «Закатунский повстанческий полк» численностью до 300 чел. [17], укрепленный отрядами сотника В.П. Славарецкого и В.В. Штанакова, 11 ноября 1921 г. подошел к уездному центру. Однако местный гарнизон в оборонительном бою нанес повстанцам Семенека чувствительное поражение, что положило начало распаду отряда закатунских повстанцев. Отдельные «банды» укрылись в урочищах вблизи селений.

В середине декабря 1921 г. остатки отрядов Кайгородова численностью до 300 бойцов, потрепанные в боях, ушли в Аргутское ущелье [18]. К февралю 1922 г. действия повстанцев были ограничены локальными территориями.

Но боевые действия продолжались. Природные условия Горного Алтая: горный рельеф местности и тайга представляли собой удобную обстановку для ведения эффективной партизанской войны. С конца 1921 г. Горный Алтай оставался единственным регионом Западной Сибири, где продолжалось вооруженное сопротивление крестьян большевистской власти [19]. Закрепившись в белках на Аргуте, А. Кайгородов восстановил связи с повстанческими отрядами, действовавшими фактически по всей территории Горного Алтая.

Население, недовольное продовольственной политикой и действиями местных властей, испытывало к повстанцам сочувствие, что позволяло тем после тяжелых поражений вновь восстанавливаться путем привлечения свежих сил [20]. Командир 62 бригады А. Галлинг отмечал, что «в ряде случаев мобилизации, проводимые бандитами Кайгородовым, Тырышкиным и другими, находят активный отклик среди населения» [21]. Вплоть до лета 1922 г. повстанцы не испытывали недостатка в живой силе.

Накопив силы, А. Кайгородов вышел из Аргута и в феврале, объединившись с дейст-

вовавшими отрядами повстанцев, вновь занял ряд населенных пунктов. Гражданская власть в занятом Уймонском районе передавалась «Временному районному управлению», которое возглавил меньшевик П.А. Андреев. 20 февраля был проведен «Первый съезд выборщиков Уймонского края», на нем присутствовали 140 делегатов. Успехи повстанческих сил в феврале 1922 г. ознаменовали начало нового этапа повстанческого движения.

Война с «бандитами» принимала ожесточенный характер. Используя горную местность, они наносили чувствительные удары частям Красной армии. Местные жители нередко снабжали необходимой информацией повстанцев, которые организовывали засады на опасных участках Чуйского тракта. В такие ловушки попадали целые батальоны, а потери Красной армии исчислялись сотнями убитых [22]. Боеспособность частей Красной армии зачастую оставалась невысокой. В феврале 1922 г. кайгородовцы нанесли поражение превосходящим силам 186 полка, взяв в плен две роты красноармейцев и пополнив свои боезапасы трофейным вооружением [23]. Пленных красноармейцев зачастую отпускали обратно к своим [24]. Однако к захваченным чоновцам отношение было иным, нередко их подвергали мучительным казням: сжигали заживо, поливали в мороз ледяной водой, превращая людей в ледяные столбы [25].

Власти уезда придавали серьезное значение угрозе распространения повстанчества, и ужесточили политику в отношении «бандитов». Территория Горного Алтая была разделена на 4 боевых участка, в каждом из которых создавались мобильные истребительные отряды, подготовленные для ведения антипартизанской борьбы, которые комплектовались чоновцами.

Для работы в очищенных от «бандитов» волостях решением Алтайского губкома РКП(б) создавались карательные тройки, которые выносили повстанцам «суровые приговоры». Захваченные в плен с оружием в руках, как правило, расстреливались [26].

Затянувшаяся борьба с повстанцами зачастую давала выход жестокостям, которые проявлялись к мирному алтайскому населению со стороны армейских подразделений. Помимо мародерства были отдельные случаи убийств мирного населения, в том числе стариков и детей, изнасилований женщин [27], о чем сообщалось в докладе председателя Горно-Алтайского укома РКП(б) Н.И. Иванова на заседании Сибревкома [28]. Всеобщее ожесточение не способствовало установлению гражданского мира в Горном Алтае.

Между тем А. Кайгородов, потерпев поражения, вновь отступил в Уймонскую долину. Здесь количество повстанцев к этому времени уменьшилось до 800 чел. [29] В Уймоне собрались «полевые» командиры из других местностей [30]. Район был обложен подразделениями ЧОНа и Красной армии.

Ликвидация отряда Кайгородова была возложена на 1 и 2 истребительные отряды под общим командованием И.И. Долгих. Совершив в начале апреля 1922 г. 40-верстный переход через Теректинский хребет, чоновцы ворвались в с. Катанду, где располагался штаб А. Кайгородова, и уничтожили до 500 повстанцев, был убит и сам А. Кайгородов. Уцелевшие «бандиты» были рассеяны. В это же время силами 2-го Бийского кавполка ЧОНа были разгромлены отряды Семенка и П. Кучукова [31]. В апреле 1922 г. сдались властям руководители повстанческого движения в Бие-Катунском районе Семенек, Славаревский, Штанаков [32].

Однако, уничтожив основные силы повстанцев, Советская власть не решила проблему их полного подавления. С разгромом кайгородовского отряда повстанческое движение в Горном Алтае вступило в следующую фазу. После гибели А. Кайгородова отряды повстанцев продолжали борьбу, их численность восполнялась новыми участниками.

В отличие от антиколчаковского партизанского движения в 1919 г., в повстанческом антикоммунистическом движении активную роль играло коренное алтайское население. С весны 1922 г. в сводках уревкома неоднократно докладывалось об активности «калмыцких банд» [33] В донесении ВЧК по Алтайской губернии от 21 марта 1922 г. особо отмечалось, что «банды Товара Чекуракова, Кармана Чекуракова и Семенюка состоят преимущественно из инородцев». При этом отряды братьев Чекураковых в марте 1922 г. насчитывали в своих

рядах 550 бойцов [34]. После разгрома А. Кайгородова именно их формирования стали основной силой повстанцев в уезде.

Учитывая, что повстанческое руководство постоянно инициировало в своей пропаганде вопрос об автономии алтайского народа, Советская власть сама была вынуждена поднять вопрос о создании автономии. В период марта-июня 1922 г. в уезде развернулась широкая пропагандистская кампания, которая ставила целью обеспечить идею образования автономии поддержку среди населения [35]. Создание в июне 1922 г. Ойротской автономной области не могло не повлиять на политические взгляды алтайцев, которые еще оставались в «бандах». К ноябрю с «бандитами» в области было покончено окончательно.

Итак, повстанческое движение в Горном Алтае, как и по всей стране, возникло под влиянием ряда причин. Недовольство мероприятиями в продовольственной сфере, возмущение произволом представителей государственной власти и военных на местах обусловили размах повстанческого движения в Горном Алтае. Состав повстанцев был представлен различными слоями крестьянства, в первую очередь, середняками. Значительное место в нем занимали и бедняки. Особенностью повстанческого движения в Горном Алтае являлось вовлечение в вооруженную борьбу против властей коренного алтайского населения. Органы коммунистической власти видели в повстанчестве серьезную угрозу для себя и предпринимали все меры по его нейтрализации. Образование Ойротской автономной области создало все условия для прекращения боевых действий и перехода к созидательному труду.

Примечания

1. Гордиенко П. Ойротия. Горно-Алтайск : Ак-Чечек, 1994. С. 100.
2. Демидов В. А. От Каракорума к автономии : пособие к спецкурсу / Новосиб. ун-т. Новосибирск : РИО НГУ, 1996. С. 106.
3. История Горного Алтая : в 3 т. / под ред. Н. М. Екеевой, Н. Ф. Иванцовой. Горно-Алтайск ; Бийск : НИЦ БиГПИ, 2000. Т. 2. С. 129.
4. Демидов В. А. Указ. соч. С. 105.
5. Его же. К социализму, минуя капитализм. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1970. С. 77.
6. История Горного Алтая. Т. 2. С. 136, 137.
7. КПДА РА (Ком. по делам архивов Респ. Алтай). Ф. 104. Оп. 1. Д. 32. Л. 3, 5.
8. Денчик С. В., Модоров Н. С. К вопросу о гражданском противостоянии в Горном Алтае в 1921-1922 гг. и его участниках // Мир Евразии. 2009. № 3(6). С. 29, 30.
9. Гордиенко П. Указ. соч. С. 100, 104; Мамет Л. П. Ойротия : очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. Горно-Алтайск : Ак-Чечек, 1994. С. 107, 109; Демидов В. А. От Каракорума к автономии. С. 106, 107; История Горного Алтая . Т. 2. С. 137.
10. Шишкин В. И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х гг. // История сталинизма: крестьянство и власть : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29 сент. – 2 окт. 2010 г.). М., 2011. С. 139.
11. Гордиенко П. Указ. соч. С. 98.
12. Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917-1937 гг. / отв. ред. Н. Я. Гущин. Новосибирск : Наука, 1983. С. 104.
13. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939 : док. и материалы : в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000. Т. 1: 1918-1922 гг. С. 512.
14. Демидов В. А. От Каракорума к автономии. С. 108, 109.
15. История Горного Алтая. Т. 2. С. 131.
16. Демидов В. А. От Каракорума к автономии. С. 107.
17. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 1. С. 512.
18. Демидов В. А. К социализму, минуя капитализм. С. 79.

19. Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1983. С. 108, 109.
20. История Горного Алтая. Т. 2. С. 136.
21. Бармин В. А. Формы и методы деятельности советских карательных органов при подавлении народного повстанческого движения в горном Алтае в 1919-1922 гг. // Восточные исследования на Алтае / отв. ред. В. А. Моисеев. Барнаул, 2002. Вып. 3. С. 201.
22. Гордиенко П. Указ. соч. С. 108, 111.
23. КПДА РА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 240. Л. 5об, 6.
24. Мамет Л. П. Указ. соч. С. 109.
25. Гордиенко П. Указ. соч. С. 114.
26. История Горного Алтая. Т. 2. С. 141.
27. Русанов В. В. Некоторые аспекты «красного бандитизма» в Горном Алтае (1920-1922 гг.) // Социальные проблемы национальных регионов Сибири в XX веке : материалы очно-заоч. межрегион. науч. конф., Горно-Алтайск, апр.-окт. 2002 г. Горно-Алтайск, 2002. С. 23; Бармин В. А. Указ. соч. С. 201; Иванова Н. Ю. Гражданская война на территории Горного Алтая в 1921-1922 гг.: основные тенденции и события // Алтай – Россия: через века в будущее : материалы всерос. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2006. Т. 1. С. 156.
28. КПДА РА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 240. Л. 47
29. История Горного Алтая. Т. 2. С. 134.
30. Демидов В. А. От Каракорума к автономии. С. 116; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 2000. Т. 1. С. 591.
31. Кротов В. Л. Чоновцы. Москва : Политиздат, 1974. С. 90, 95.
32. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 2000. Т. 1. С. 804, 810.
33. КПДА РА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 93. Л. 14.
34. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 1. С. 591.
35. История Горного Алтая. Т. 2. С. 126, 141.

УДК 343.43(571.15)

Эшматова Г.Б.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В ГОРНОМ АЛТАЕ POLITICAL REPRESSIONS IN GORNY ALTAI

На региональном уровне политические репрессии мало исследованы. На основе имеющегося материала в статье предпринята попытка рассмотреть вопросы репрессивной политики в Горном Алтае.

At the regional level political repression little studied. On the basis of the available material attempt to consider the issues of repressive policies in Gorny Altai.

Ключевые слова: государственная политика, законодательство, классовая борьба, реабилитация, репрессии.

Keywords: state policy, legislation, class struggle, rehabilitation, repressions.

К настоящему времени издано значительное и разнообразное количество литературы о репрессиях в нашей стране в XX в. Несмотря на это, ощущается недостаток концептуального объяснения этого явления в советской истории. До сих пор тема репрессий не получила достаточно глубокого научно-объективного анализа, в качестве причин названного можно сослаться на недостаточную изученность отдельных исторических периодов, ограниченность и в определенной мере недоступность фактического материала.

Все вышесказанное в равной степени относится и к изучению проблемы политических репрессий в Горном Алтае. Одна из основных причин недостаточная исследованность архивов Сибирского, Западно-Сибирского, Алтайского краев, в состав которых последовательно входила Горно-Алтайская автономная область (ранее Ойротская автономная область). Также недоступны материалы архивов местных органов службы безопасности.

Из источников по данной теме, следует выделить «Книгу Памяти жертв политических репрессий» по Республике Алтай, изданную в трех томах на русском и алтайском языках. В ней содержатся поименные списки жертв политических репрессий по Республике Алтай, а также их статистический анализ [1].

В Республике Алтай в 2007 г. состоялась научно-практическая конференция, посвященная 70-летию памяти жертв политических репрессий, по результатам конференции опубликован сборник материалов [2].

Кроме того, можно выделить отдельные статьи исследователей, в которых предпринята попытка рассмотреть репрессии в области в 30-40-е гг. прошлого века [3].

Краткий анализ литературы позволяет сделать вывод, что на региональном уровне эта тема исследована недостаточно, нужно фундаментальное исследование этого периода в истории Горного Алтая.

Понятие «репрессия» (от лат. repressio) означает подавление. В «Словаре современного русского литературного языка» репрессия рассматривается как карательная мера, наказание со стороны государственных или административных органов [4]. Различают также и политические репрессии, осуществляемые по политическим мотивам. В Законе РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни и свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями [5].

Репрессии, охватившие все регионы страны, стали одной из трагических страниц нашей истории. Эти события не обошли стороной Горно-Алтайскую автономную область.

Радикальные социально-экономические преобразования, осуществлявшиеся в СССР в предвоенные годы: коллективизация, индустриализация, культурная революция, встретили сопротивление элементов эксплуататорских классов, все это послужило обострению классовых противоречий, иногда переходящие в антагонистические. Экономическое, социальное, культурное положение в стране еще было тяжелым. Просчеты в политике государства привели к усилению политической борьбы.

Одной из причин, подтолкнувшей власть к расширению репрессивной политики, стали экономические осложнения в стране, главным образом, в сфере продовольственного снабжения. Наиболее остро этот кризис проявился в хлебозаготовительной кампании 1927/28 гг. (сокращение государственных заготовок хлеба, сбой в поступлении зерна на рынок, быстрый рост цен на хлеб).

Как известно, в планах социалистического строительства, социально-экономического развития страны одной из главных задач ставилось кооперирование сельского хозяйства, означавшее непосредственный переход к социализму для основной массы населения страны, т.е. для жителей деревни. С введением новой экономической политики началось заметное оживление крестьянского хозяйства, а также рыночных отношений. На базе беднейших хозяйств появляются новые формы ведения коллективного сельского хозяйства: коммуны, артели и специальные виды товариществ.

Несмотря на подъем крестьянского хозяйства в результате нэпа, со второй половины 20-х гг. в стране наметились признаки социально-экономического напряжения. При анализе причин кризиса и определении путей его преодоления на апрельском пленуме ЦК ВКП (б)

1928 г. выявились две основные позиции – сталинская и бухаринская, получившая название «правый уклон».

И.В.Сталин видел причины кризиса хлебозаготовок в саботировании, выступлении окрепшего в условиях нэпа кулачества против советской власти. Исходя из этого, в кратчайшие сроки была поставлена задача перевода сельского хозяйства на путь крупного обобществленного производства, которое должно было стать основным поставщиком зерна государству.

Накануне осуществления первого пятилетнего плана страна стояла перед трудным выбором: либо совершить рывок в своем развитии ценой огромных усилий, либо смириться с перспективой порабощения сильными и развитыми империалистическими державами. Объясняя необходимость в ускоренном развитии Советской страны в своем докладе в январе 1933 г. об итогах первой пятилетки, Сталин подчеркивал: «Партия как бы подхлестывала страну, ускоряя ее бег вперед ... Нельзя не подгонять страну, которая отстала на сто лет и которой угрожает из-за ее отсталости смертельная опасность ... Мы не могли знать, в какой день нападут на СССР империалисты и прервут наше строительство, а что они могли напасть в любой момент, пользуясь технико-экономической слабостью нашей страны, – в этом не могло быть сомнения ... партия должна была покончить в возможно короткий срок со слабостью страны в области обороны».

Официальный курс партии на кооперирование сельского хозяйства, определенный XV съездом ВКП (б) был закреплен первым пятилетним планом развития народного хозяйства СССР (1928/29-1932/33 гг.), принятым в апреле 1929 г. В результате индустриализации предусматривалось создать материально-техническую базу сельскохозяйственного производства и развить все формы кооперации с охватом до 85% крестьянских хозяйств, в том числе 18-20% вовлечь в колхозы, значительное внимание уделить подъему индивидуального сектора [6]. Однако этот путь преобразования и развития сельского хозяйства, был проигнорирован. В том же году ноябрьский пленум ЦК ВКП (б) поставил задачу проведения сплошной коллективизации перед отдельными областями, а также широкого развертывания массового колхозного движения. Вся кампания по колхозному строительству должна была проходить под знаком ликвидации кулачества в условиях обострившейся классовой борьбы.

В стране началось раскулачивание крестьян, конфискация имущества, лишение избирательных прав, высылка отдельных семей в отдаленные северные районы Сибири.

Трудности сельского хозяйства усугубились природными обстоятельствами. В 1931-1932 гг. миллионы гектаров посевов зерновых культур поразила сильнейшая засуха. Засуха охватила ведущие зерновые районы РСФСР, Украины, Казахстана, сопровождавшаяся массовым голодом и гибелью людей.

Для осуществления политических репрессий был создан государственный механизм – ВЧК, ГПУ – ОГПУ, НКВД, МГБ, МВД.

Постановлением ЦИК СССР от 8 июня 1934 г. об ответственности за измену Родине, положение о государственных преступлениях (контрреволюционных и особо опасных для порядка управления) было дополнено статьями 58-1а-58-1г. В них устанавливалась уголовная ответственность для членов семей изменников Родины в виде лишения избирательных прав и ссылки в отдаленные местности на 5 лет. Право выносить решения о заключении в исправительно-трудовые лагеря, о ссылке и высылке до 5 лет предоставлялось Особому совещанию при наркомне НКВД СССР, образованному в 1934 г. вместо ОГПУ СССР.

С выходом постановления ЦИК и СНК СССР «О порядке ведения дел по подготовке или совершению террористических актов» от 1 декабря 1934 г. были внесены изменения в уголовно-процессуальное законодательство. Этим постановлением устанавливался 10-дневный срок ведения следствия по делам террористических организаций и терактах, предусматривалось слушание дел в суде без участия сторон. Кассационное обжалование, подача ходатайства о помиловании не допускались, приговор к расстрелу должен был приводиться в исполнение немедленно.

В этих постановлениях прослеживалось нарушение социалистической законности и послужило одной из субъективных причин необоснованных репрессий.

В соответствии с приказом наркома НКВД СССР от 25 мая 1935 г. в наркоматах и управлениях внутренних дел республик, краев и областей были организованы тройки с аналогичными полномочиями Особого совещания. Тройка в составе наркома республики или начальника управления милиции, начальника соответствующего отдела, расследовавшего дело, с участием прокурора республики (края, области).

Состав судебной тройки Ойротского управления состоял из начальника областного управления НКВД, прокурора и секретаря обкома партии.

По данным «Книги памяти жертв политических репрессий» по Республике Алтай было репрессировано 10 618 чел. Среди них были преимущественно люди трудоспособного возраста, всех национальностей, по социальному составу крестьяне, по образованию малограмотные, беспартийные. Основная форма репрессий – лишение свободы. Наибольшее число арестов в области пришлось на 1936-1938 гг. [7].

Но это неполные данные. Точное число репрессированных трудно установить, в связи с утерей документов и необработанностью архивов.

Так, Постановлением тройки по Западно-Сибирскому краю от 4 октября 1937 г. к высшей мере наказания – расстрелу был приговорен Г. И. Чорос-Гуркин, алтайский художник и общественно-политический деятель, председатель первого органа самоуправления алтайского народа – Алтайской Горной Думы. Он был обвинен в контрреволюционной деятельности.

В числе репрессированных были такие известные люди, как Н.Ф. Меджит-Иванов, И.С. Алагызов, С.С. Сафронов, П.Я. Гордиенко, П.С. Хабаров, М.А. Борисов-Кочубеев, возглавлявшие в разные времена Ойротский обком партии и облисполком. Советские руководители и деятели культуры автономной области: директор областной партшколы И.И. Папин, начальник УНХУ области М.И. Ялбачев, секретарь Кош-Агачского райкома партии С. Т. Табаков и ряд других работников.

В это же время подверглись репрессиям руководители аймакисполкомов: Маскин И.А. – председатель Усть-Канского аймакисполкома, Кузьмин А.А. – председатель Усть-Коксинского аймакисполкома, Таушканов Л.П. и Кардаманов И.З., возглавлявшие Улаганский аймакисполком, Горлатов А.Г. – председатель Эликманарского аймакисполкома и председатели Кош-Агачского и Шебалинского аймакисполкомов Емельянов П.А. и Хардилов З.Ф., председатели Ойротского облисполкома – Пьянков И.В., Сыркашев А.А., секретари Ойротского обкома комсомола – И. Толток и Э. Карл и др.

Репрессии коснулись и представителей национальной интеллигенции: Л.М. Эдоков, П.А. Чагат-Строев, И.С. Ильтеев, Н.А. Каланаков, Г.М. Токмашев, М.М. Абышкин и др. [8]. Всего по области 1048 чел., отнесенных к интеллигенции [9].

Политическим репрессиям подвергались и некоторые служители религиозных культов (в «Книге памяти жертв политических репрессий» указано 68 чел.) [10]. Так, например, с формулировкой за антисоветскую пропаганду, контрреволюционную деятельность были репрессированы представители бурханства: Т. Какпаков, П. Кергилов, К. Сахаров, С. Бабыков, К. Сахаров, К. Кеченеков, С. Кузюньтин, К. Елкичинов, Б. Мандаев, Т. Казакпаев, Т. Каспин и др. [11].

Процесс реабилитации репрессированных граждан начался с решений XX съезда КПСС и длился до начала 1990-х гг. На основе федерального закона Государственным Собранием – Эл Курултай Республики Алтай был принят местный Закон «О мерах социальной поддержки жертв политических репрессий» [12].

Целью этих законов является реабилитация пострадавших людей, восстановление их в гражданских правах и обеспечение посылкой компенсации морального и материального вреда. Они предусматривают ряд и социальных льгот.

Ежегодно в республиканском бюджете в рамках подпрограммы «Старшее поколение» республиканской целевой программы «Социальная поддержка населения Республики Алтай» предусматриваются средства на поддержку общественных организаций «Мемориал» и «Алтайской республиканской общественной организации реабилитированных и лиц, пострадавших от политических репрессий».

Примечания

1. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Горно-Алтайск : Юч-Сюмер, 1996. Т. 1. 285 с.; Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Горно-Алтайск : Юч-Сюмер, 1998. Т. 2. 336 с.; Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Горно-Алтайск : Юч-Сюмер-Белуха, 2003. Т. 3. 246 с.

2. Возвращенные имена и события. Сборник материалов, посвященных 70-летию памяти жертв политических репрессий в Республике Алтай. Горно-Алтайск : Горно-Алтайская тип., 2007. 152 с.

3. Самаев Г. П. Репрессии 1930-х гг. в отношении алтайской интеллигенции // Билим. Серия: история. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 1. С. 63-72; Иркитова А. А. Судьба спецпереселенцев в Горном Алтае в 1930-40-х гг.: к постановке проблемы // Алтай-Россия: через века в будущее : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию вхождения алтайского народа в состав Рос. государства. Горно-Алтайск, 2006. Т. 1. С. 158-161.

4. Словарь современного русского литературного языка. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. 12. С. 1235, 1236.

5. О реабилитации жертв политических репрессий : закон Рос. Федерации от 18 окт. 1991 г. № 1761-1 // Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428.

6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1970. М. : Изд-во полит. лит., 1970. Т. 3: 1924-1927. С. 203, 208.

7. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1996. Т. 1. С. 7-8; Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1998. Т. 2. С. 9-10; Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2003. Т. 3. С. 241-242.

8. Самаев Г. П. Репрессии 1930-х гг. в отношении интеллигенции и руководящих кадров // Пути развития государственности в Горном Алтае в XX столетии. Горно-Алтайск : Изд-во А. Орехова, 2002. С. 13, 14.

9. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2003. Т. 3. С. 243.

10. Там же. С. 243.

11. Бурханнизм – Ак-анг : док. и материалы. Горно-Алтайск : Юч-Сюмер-Белуха, 2004. С. 45-49.

12. О мерах социальной поддержки жертв политических репрессий : Закон Респ. Алтай от 1 дек. 2004 г. № 61-РЗ // Сб. законодательства Респ. Алтай. Горно-Алтайск, 2004. № 21 (27). С. 99-101.

УДК 94.571.3:94(47)

Дугаров В.Д., Дамбаев Л.В.

ИДЕИ ОКТЯБРЯ И СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКОЕ БОЕВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ IDEAS OF THE GREAT OCTOBER REVOLUTION AND SOVIET-MONGOLIAN MILITARY COOPERATION AS A POLITICAL FACTOR OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MONGOLIAN PEOPLE REPUBLIC

Статья посвящена значению Великой Октябрьской революции на становление социалистической, демократической Монголии, освобождению ее от засилья иностранных интервентов. В статье изучен вклад д.и.н., проф. Б.Б. Батуева в региональную историю монгольских народов.

The article is devoted to the Great October Socialist Revolution's influence on formation of socialist democratic Mongolia and its liberation from foreign interventionists. The article studies professor Batuev's contribution to regional history of Mongolianspeaking peoples.

Ключевые слова: революция, Монголия, советско-монгольские отношения, иностранные интервенты.

Keywords: revolution, Mongolia, the Soviet-Mongolian relations, foreign interventionists.

Геополитические изменения на рубеже XX-XXI вв. в Азиатско-Тихоокеанском регионе актуализировали историю международных отношений Советского Союза и Монголии в XX веке. Актуализация этих вопросов поставила на повестку дня одну из важнейших проблем изучаемого региона - историю военно-политического сотрудничества воинских формирований СССР и МНР в первой половине XX века. Этот период для региональной политики характеризовался непростым переходом к новым формам государственного устройства: гражданской войной в Сибири, боевыми действиями в Монголии 1921 г., сражениями на КВЖД, войной с японскими милитаристами на Халхин-Голе, совместными боевыми действиями во время Второй мировой войны, получением государственного суверенитета азиатских стран на международной арене.

Этими проблемами на протяжении почти полувековой научно-педагогической деятельности занимался доктор исторических наук, профессор ВСГАКИ Бато Бадмаевич Батуев. Проведение очередной юбилейной конференции, связанной с 90-летним юбилеем видного бурятского историка, жизнь которого охватила почти всю историю монголоязычных народов в XX века, проходит в период определения международной политики Российского государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Поэтому научные наработки Б.Б. Батуева, советских историков, о роли и значении идей Октябрьской революции в «узком и широком смысле слова», о роли местного самоуправления и другие проблемы актуальны как никогда. Не потеряли своей актуальности его фундаментальные работы: «Партия большевиков – организатор победы Советской власти в Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1971»; «Борьба за власть Советов в Бурятии. Улан-Удэ, 1977» и другие многочисленные публикации. Профессору Б.Б. Батуеву была свойственна научная порядочность и смелость, еще в конце 50-нач. 60-х годов XX века он выступил за реабилитацию видных деятелей бурят-монгольской истории периода революционных преобразований на стыке XIX-XX века. И этой благородной, временами опасной, научной деятельности, вместе с Б.Д. Цибиковым, Ш.Б. Чимитдоржиевым, Т. М. Михайловым и другими историками, он посвятил свою принципиальную политику. Издание двухтомного труда «Выдающиеся бурятские деятели» под редакцией проф. Ш.Б. Чимитдоржиева является лучшей памятью о Б.Б. Батуеве.

Начатая царским правительством борьба за получение государственного суверенитета Монголией в нач. XX века была продолжена советским правительством в условиях гражданской войны и военной интервенции. Военная поддержка Советской России помогла аратской стране сформировать свой суверенитет, получить государственную независимость на мировой арене. Поэтому, проблема совместной военной истории России и Монголии в региональной историографии Центрально-Азиатского региона, сфокусировавшая многовековую самобытную историю развития приграничных, региональных отношений трех цивилизаций: российской, монгольской (кочевой) и китайской, является не до конца изученной и исследованной.

С распадом СССР и стремительным сокращением российско-монгольских отношений на рубеже XXI века, для суверенной Монголии исчезли гарантии международной безопасности. Одновременно с этим, основным источником потенциальных угроз для монгольского многонационального народа становится многовекторная экспансия быстро развивающегося и способного «поглотить» Монголию Китая.

Актуализация вопросов военного сотрудничества армий РСФСР / СССР и Монголии / МНР прошедших непростую историю на протяжении XX века, вызывается тем, что взаи-

отношения российского и монгольского правительств в военном деле характеризовались на разных этапах истории международных отношений принципиально качественными изменениями. Эти изменения были напрямую связаны с трансформацией политической власти в двух странах: «Монголия в XX в. явила миру три революции, смену трех типов общественного строя, пяти форм государственного устройства, во многом модернизировал свою экономику». [1, с. 8]. Изменение политических векторов руководителей двух стран при решении вопросов военного сотрудничества армий традиционно вызывает не только научный, но и военно-политический интерес в современной историко-политологической науке.

На современном этапе истории, эти проблемы актуализируются особенностями геополитического положения двух государств в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Объединенные ранее в оборонительный союз социалистических стран, на современном этапе рассматриваемые государства, проводят реформы, связанные с переходом к новым формам международных отношений. Этому способствуют изменения в видах вооружения, формировании кадрового состава воинских соединений, стратегии и тактике военного дела, поставкам вооружения и др. Несмотря на стремление монгольских руководителей к политическому и военному союзу со странами НАТО, продолжают сохранять свое значение совместные российско-монгольские военные учения, проводимые на территории Республики Бурятия.

На современном этапе истории определение стратегии межгосударственного развития Российской Федерации и Монголии в военном деле актуализируется определением позиции российского правительства в развивающейся монгольским руководством внешнеполитической стратегии «третьего соседа». Эта политика правительства Монголии направлена на установление экономических, политических, гуманитарных, военных межрегиональных дипломатических взаимоотношений с третьими странами. Этим самым монгольские лидеры пытаются уравновесить влияние на современную Монголию двух цивилизаций: российской и китайской, давление стран западного мира. В этой стратегии для монгольского руководства немаловажное значение принимают вопросы обороноспособности страны, поиски военного союзника.

С начала XX века Российская империя, а затем Советский Союз являлись гарантом национальной и политической независимости Монголии. Разделительной датой перехода от автономной Монголии к МНР, является 16 марта 1921 г., когда Временное народное правительство (ВНП) Монголии обратилось к правительству РСФСР с просьбой об оказании военной помощи для борьбы с белогвардейцами. Вторично эта просьба была официально подтверждена обращением ВНП к правительству РСФСР от 10 апреля 1921 г. [2, с. 7, 473]. Было еще одно важное обстоятельство: местные китайские власти в Урге (не центральное правительство) сами дважды обращались к советской стороне с просьбой о помощи в борьбе против Унгерна. «Формально это дает нам повод вмешаться», - отмечал замнаркома по иностранным делам Л.М. Карахан в телеграмме председателю Сибревкома И.Н. Смирнову 5 марта 1921 г. [3, с. 159, 164-168].

Этими обращениями было дано начало формирующимся военно-политическим отношениям, которые характеризовались в советской методологической науке, как интернациональное братское боевое содружество. С этого времени взаимоотношения РСФСР и Монголии в военном деле приобретают качественно новый характер. В современной монголоведческой науке эти незыблемые в советской историографии проблемы требуют своего нового теоретического осмысления.

Всемерная политическая и военная поддержка Советского правительства при проведении монгольской народной революции, изгнании Азиатской дивизии Р.Ф. Унгерна, других банд белогвардейских офицеров способствовали становлению аратской власти в стране. После победы народно-демократической революции Монголия встала на путь по некапиталистическому пути развития страны, являющейся дискуссионной проблемой в современной монголистике.

При определении методологической парадигмы советского-монгольского военного сотрудничества в первой половине XX века необходимо опираться на то, что «В истории российско/советских-монгольских отношений в XX в. были разные этапы и страницы, как светлые, так и темные. Однако светлых страниц, по нашему мнению, было гораздо больше. На протяжении 70 лет (1920-1990) сначала Советская Россия, впоследствии СССР выступали в качестве главной опоры, союзника, защитника, модели развития и основного донора Монголии, первой среди стран Востока вставшей на путь революционного преобразования традиционного общества по советскому образцу» [4, с. 410]. Исторически советско-монгольское военно-политическое сотрудничество закончилось подписанием 20 января 1993 г. «Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией», означавшего конец советско-монгольского боевого сотрудничества.

Следует отметить, что историография взаимоотношений армий РСФСР / СССР и Республики Монголия / МНР в первой половине XX в. значительна и разнопланова. В современном мировом монголоведении необходимо выделять три основных направления изучаемой проблемы: историография отечественная (дореволюционная/советская/российская), монгольская и западная. Отдельной строкой в современной отечественной историографии выделяется, называемая в советской литературе «белогвардейская или эмигрантская литература».

В советской историографии, исходя из классового принципа (офицеры-дворяне, казаки – оплот царизма и пр.), недостаточное внимание уделялось исследованиям военных специалистов царской армии в изучении Монголии. По мнению монголоведа Ю.В. Кузьмина: «Излишне прямолинейные и категоричные выводы и рекомендации военных деятелей, экспансионистская направленность их сочинений стали позднее, возможно, причиной замалчивания подобных работ. Сказались и небольшие тиражи этих публикаций» [5, с. 101]. На современном этапе эволюции военно-политической отечественной историографии насущной задачей является пересмотр многих методологических позиций о роли российского офицерства в исследованиях Монголии, становлении в аратской стране военного дела, участие их в событиях гражданской войны в РСФСР, образовании Монгольской Народной Армии.

Пионерской работой в этих исследованиях выступает квалифицированная работа «Русские военные востоковеды до 1917 г.: Биобиблиографический словарь». В работе обобщены и систематизированы более 400 биографий русских военных востоковедов, вводится в научный оборот широкий круг архивных источников и редких изданий военного ведомства, называются имена офицеров, внесших значительный вклад в русскую востоковедную, монголоведную науку, в развитие взаимоотношений России и Монголии [6, с. 295].

На рубеже XX-XXI была сформирован комплекс ранее не опубликованных монголоведных исследований советских ученых, посвященных изучению и анализу проблем российско/советско-монгольского сотрудничества в области военного дела. В этот комплекс вошли ранее не опубликованные исторические источники [7].

В то же время, в отечественной историографии внешнеполитические контакты двух стран, политика экспорта революции в восточные страны, другие исторические события тех годов были существенно обогащены появлением новых источниковых данных, связанных со значительным «открытием» секретных архивных документов в 90-е годы XX в.

Российскими учеными совместно с монгольскими коллегами были подготовлены два уникальных сборника документов: «Коминтерн и Монголия» и «Монголо-советские культурные и научно-технические связи. 1921-1960 гг.», которые были опубликованы на монгольском языке в Улан-Баторе первый в 1996 г. и второй в 2000 г. (Коминтерн ба Монгол. Улаанбаатар, 1996; Монгол зөвлөлтийн соёл, шинжлэхууаан техникийн харилцаа. Улаанбаатар, 2000).

В продолжении работы над этой тематикой, под редакцией член-корр. РАН Б.В. Базарова был издан большой блок ранее засекреченного материала в сборниках [8].

Публикация этих сборников привела к тому, что востоковеды получили в руки ценнейшие документальные материалы для раскрытия очень непростой, противоречивой роли Коминтерна в истории МНР, сложным международным отношениям в регионе, адекватной

оценке событиям на реке Халхин-Гол, участия МНР во Второй мировой войне. Издание этих документов позволило по-новому осветить проблему советско-монгольского военного сотрудничества в отечественной монголистике, которая играла огромную роль в совместной истории двух стран первой половины XX века.

Подготовленная в 2007 г. ведущими российскими монголоведами коллективная монография «История Монголии. XX век, М., 2007.», во многом отражает эволюцию теоретико-методологических концепций современного отечественного монголоведения. Хронологически, в пяти первых главах этой фундаментальной работы, подробно рассмотрены проблемы монгольского общества и армии, роль Коминтерна в развитии процессов социалистического строительства в МНР. Показана роль РККА в становлении нового общества, помощь советских офицеров в формировании аратской армии нового индустриального мира. Данные работы обобщали проведенные монголоведные исследования и указывали ориентиры для их дальнейшего направления.

В советской монголоведной научной литературе не без причин доказывалось, что советско-монгольское военное сотрудничество традиционно носило действительно братский характер. Оно ковалось на полях битв в 1939 г. и 1945 г. Вооруженные силы Монголии на всех этапах сотрудничества имели поддержку и необходимую помощь в обеспечении безопасности своей страны со стороны Вооруженных сил Советского Союза.

В научных исследованиях, опубликованных в начале XXI века, выявлены особенности развития военного сотрудничества, без прикрас показан переход от аратской кочевой армии, к монгольской армии нового типа, способной противостоять любому агрессору в первой половине XX в. Прошедшие боевые испытания в совместных региональных сражениях советских и монгольских войск доказали, что между армиями СССР и МНР сложились равноправные боевые отношения. В то же время анализ монголоведной историографии по проблемам взаимоотношений двух стран в области военного дела в советский период истории доказал, что, не смотря на определенные ошибки, связанные с присутствием советских войск на территории МНР, эти отношения заключались в традиционно тесных связях между приграничными военными округами регионов, вовлечении их в интеграционные процессы между СССР и МНР.

В то же время правильно подчеркивается, что ввод по просьбе монгольского правительства советских воинских частей в МНР в 1966 г. был продиктован сложной политической обстановкой в регионе. Это обстоятельство освобождало советскую сторону от какой-либо платы монгольской стороне. Однако нужно признать, что пребывание и некоторая «вседозволенность» советских воинов нанесли существенный урон экологии в отдельных регионах страны [9, с. 248].

При изучении монголоведной литературы в области военного сотрудничества выявлены противоречивые результаты этих взаимоотношений для совместной истории СССР – МНР. Особое внимание при анализе отечественной историографии партийно-политического и военного сотрудничества необходимо уделять концепции «братской и нерушимой дружбы советского и монгольского народов», которая служила идеологической основой советско-монгольских отношений, во взаимодействиях военных округов СССР и МНР на приграничном уровне.

В современной монголоведной науке назрел критический анализ научных работ советских ученых-монголоведов в области политики, экономики, всех сфер народного хозяйства двух стран, так или иначе, причастных к военному сотрудничеству армий СССР и МНР.

Примечания

1. История Монголии XX в. М. : ИВРАН, 2007.
2. Советско-монгольские отношения. 1921-1974 : док. и материалы. М., 1975. Т. 1.
3. Дальневосточная политика Советской России 1920-1922 гг. : сб. док. Сиб. бюро ЦК РКП(б) и Сиб. Революц. комитета. Новосибирск, 1996.

4. Там же.
5. Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX в.). Иркутск : Изд-во ИГУ, 1997.
6. Русские военные востоковеды до 1917 г. : биобиблиогр. словарь / сост. М. К. Басханов. М. : Вост. лит. РАН, 2005.
7. Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. Избранные труды / сост.: Базаров Б. В., Цыби-ков Б. Д., Очиров С. Б. Улан-Удэ, 1998; Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. Самара : Агни, 1999. 264 с.; Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 – май 1913 г. / сост. О. Батсайхан ; отв. ред.: Батсайхан, Н. Тацуо, О. Бакич. Улан-Батор, 2009. 440 с.; Коростовец И. Я. От Чингис хана до Советской республики (краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени) / отв. ред.: О. Батсайхан, Б. В. Базаров, В. Ц. Ганжуров. Улан-Батор : Эмгэнт, 2004. 560 с.; Котвич В. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914 [и др.].
8. Российско-монгольское военное сотрудничество от Халхин-Гола до линкора «Миссури» (1939-1946 гг.) : сб. док. / науч. ред.: Б. В. Базаров, Ч. Дашдаваа. Улан-Удэ ; Улан-Батор : Оттиск. 2011. 192 с.; Монголия в документах Коминтерна (1919-1934) / науч. ред. Б. В. Базаров. Ч. 1 (1919-1929) Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.; Монголия в документах Коминтерна (1919-1934) / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. Ч. 2 (1930-1934). 480 с. [и др.].
9. История Монголии. XX век. М. : Изд-во ИВРАН, 2007.

УДК 94(57):94(517.3)

Жабаева Л.Б.

**БОРЬБА ПРОТИВ БАРОНА Р.Ф. фон УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГА
(К ИСТОРИИ СОВМЕСТНЫХ
РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ)
The FIGHT AGAINST BARON R. F. von UNGERN-STERNBERG
(THE HISTORY OF THE JOINT RUSSIAN-MONGOLIAN
HOSTILITIES)**

В статье показано незаконное упразднение в 1919 г. республиканским руководством Китая автономии Внешней Монголии, трудная обстановка в стране, нарастание недовольства монгольского народа. Показано вторжение Азиатской дивизии барона Унгерна в Монголию, освобождение страны от китайских оккупантов. Дана характеристика деятельности Б.З. Шумяцкого, председателя Дальневосточного секретариата Коминтерна. Отмечен начальный процесс формирования российско-монгольского сотрудничества в военной сфере, совместные военные действия против Унгерна.

The article shows the Outer Mongolia autonomy illegal abolition by the Chinese Government in 1919, the difficult situation in the country as well as the growing discontent of the Mongolian people. The invasion of the Baron Ungern's Asian Division in Mongolia, ways to independence from Chinese occupation are also researched. A special attention is given to activity of B.Z. Shumyatsky, a chairman of the Far Eastern Secretariat of the Comintern. The initial process of the Russian-Mongolian military cooperation, joint military action against Ungern are also analyzed.

Ключевые слова: упразднение автономии Монголии, поведение китайских оккупантов, барон Унгерн, Богдо-гэгэн, российско-монгольские военные отношения, Коминтерн, новые общественные силы, совместные действия, монгольская армия.

Keywords: the independence of Outer Mongolia abolishment, Chinese occupying forces behavior, Baron von Ungern, Bogd Gegeen, Russian-Mongolian military relations, Comintern, new public forces, joint action, Mongolian army forces

В 1919 г. автономия Внешней Монголии была незаконно упразднена республиканским руководством Китая, что противоречило тройственному Кяхтинскому соглашению между Россией, Китаем и Монголией от 25 мая 1915 г., она вновь превратилась в северную китайскую провинцию. Власть в стране фактически перешла в руки китайского генерала Сюй Шучжэна, который упразднил монгольское правительство, распустил вооруженные силы, бесцеремонно вынудил отречься от престола теократического монарха Богдо-гэгэна VIII, главу ее буддийской церкви. Были аннулированы договоры автономной Монголии, в крупных городах поставлены китайские гарнизоны, по всей Халхе разосланы китайские чиновники, которые выколачивали из населения не только уже аннулированные старые долги, но и фантастические проценты, набравшие за годы автономии. Население обязали снабжать оккупационные войска продовольствием, скотом и т.д. Кроме того, гомиьндановские чиновники, офицеры и солдаты старались выбить как можно больше незаконных доходов, прибегая к открытому грабежу и мародерству [1]. Все это легло тяжким бременем на монгольское население. Гнет китайских республиканцев стал гораздо тяжелее правления маньчжурской монархии [2]. Монголы также были разоружены. В результате всех этих действий китайские милитаристы вновь стали полновластными хозяевами во Внешней Монголии [3], они представляли внушительную силу 10-15 тыс. человек. Д.П. Першин, известный сибирский литератор и общественный деятель (он работал в Монголии в 1915-1927 гг. и являлся свидетелем тех событий), дает такую характеристику оккупантам: «Китайская солдатня являлась людскими подонками, отбросами, способными на всякое насилие, для которой честь, совесть, жалость были только пустые звуки, и от этой солдатни, если она почувствует в себе силу, или при каком-либо эксцессе, нельзя было ждать чего-либо путного, хорошего, ибо громадное большинство солдат вербуются из людей или бездомных, или лентяев, или тех, которые у себя дома уже не находили ни дела, ни места и стояли на плохой дороге, зачисляясь в разряд отпетых людей, обреченных на хунхузничество» [4].

Летом 1920 г. Сюй Шучжэн был отозван в Пекин, а власть взял начальник Ургинского гарнизона генерал Го Сунлин, оккупанты стали вести себя еще более разнузданно. Недовольство монголов нарастает.

Тем временем в начале октября 1920 г. происходит вторжение в Монголию Азиатской дивизии барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга (1885-1921) и других белогвардейских частей, которые искали спасения в степи от преследовавшей их Красной армии. Среди активных участников белого движения Унгерн отличался тем, что был яростным противником революций и либерализма, западной цивилизации. Поклонник Востока, ее культуры, буддизма он мечтает о создании центрально-азиатской державы «Срединного царства» - наследницы державы Чингисхана, которая простиралась бы от Амура до Каспийского моря. Центральная Азия, Монголия, жившая по неизменным тысячелетним законам, где господствовали отношения традиционного общества, степь, почти не затронутая европейским влиянием, стала для барона «сердцем мира». Эта страна казалась ему последней надеждой человечества, островом в море все затопляющей и губительной культуры Запада, которая захлестнула уже и Китай, и даже саму Японию [5].

В Монголии Унгерна знали. Существует достоверное предположение, что к Унгерну обращались из Монголии за помощью, что Унгерн и Семенов получили приглашение от восточномонгольских князей (Лувсанцэвэн и др.) вступить на территорию Монголии и помочь в борьбе с китайцами [6]. Ситуация в стране в этот момент благоприятствовала ему, поскольку установившийся жестокий оккупационный режим вызвал всеобщее недовольство и настроил против китайцев все слои монгольского общества, представители которых потянулись к «русскому богатырю», «родственнику белого царя». Слух об Унгерне прокатился по всей Монго-

лии. Как вспоминает Д.П. Першин «Со середины лета 1920 года начали просачиваться в Ургу слухи, что с востока на Ургу должен придти или даже идет какой-то русский отряд... в конце концов слухи эти были так настойчивы и постоянны, что им пришлось поневоле поверить» [7]. Он же пишет «стали передавать, что на станции Даурия, один из сподвижников атамана Семенова барон Унгерн там сформировал значительный отряд, хорошо вооружил его и с некоторым запасом золота и довольствия идет на Ургу с тем, чтобы не только из Урги, но и вообще из Монголии выгнать китайцев» [8].

Азиатскую дивизию ждали как спасение, в надежде, что это именно та сила, которая поможет возродить страну. В конце октября 1920 г. барон подошел к столице Внешней Монголии, его войска насчитывали до 800 конников азиатской дивизии и до 200 цириков. Начавшаяся осада города продолжалась до 7 ноября и закончилась неудачей – китайский гарнизон оказался сильнее. Унгерн был вынужден отступить и стал готовиться к более основательному штурму [9].

Расположившись недалеко от Урги он начал подготовку, силы Унгерна росли: в январе 1921 г. у него было уже около 3 тыс. бойцов, в том числе русских 2 тыс., монголов 1 тыс. [10]. Единственным препятствием к решительному штурму столицы был плененный китайцами Богдо-гэгэн, стратегическим просчетом китайцев явилось то, что они заключили под стражу духовного владыку Монголии. Унгерн принимает решение похитить «живого бога», ибо без него вся миссия Унгерна, мечтавшего о восстановлении монархий во всем мире, теряла всякий смысл. Через монголов он нашел руководителя этой операции, буряту Тубанова, сына популярной в городе портнихи. Ургинец Д. П. Першин описал его в своих мемуарах как отчаянного парня, заядлого картежника, сорви-голову, готового пойти на все что угодно, лишь бы это было выгодным для него. «Все в нем носило характер и преступности, и решительности, и смелости, и наглости» [11]. Тубанов продуманно подобрал помощников из числа тибетцев, проживавших изолированной колонией в Урге, они «умеющие держать язык за зубами» как нельзя лучше подходили для этой операции, он действовал стремительно и провернул все дело виртуозно. Появление «живого бога» в стане Унгерна было встречено всеобщим ликованием. Дерзкое и молниеносное похищение Богдо-гэгэна из его Зеленого дворца, охраняемого стражей более 300 человек, оказало деморализующее воздействие на китайский гарнизон и повергло его в оцепенение.

Через несколько дней, после ожесточенных боев, 4 февраля Урга оказалась полностью в руках объединенных сил при главнокомандующем бароне Унгерне и командующем монгольскими отрядами князе Лувсанцэвэне. Десятитысячный китайский гарнизон был выбит из города и бежал на север, в Кяхтинский Маймачен. Освобождение Урги от китайских войск было воспринято, в целом, положительно как монголами, так и иностранцами. В феврале 1921 г. Унгерн вернул ханский трон Богдо-гэгэну, реставрировал монгольское правительство и возвратил портфели бывшим министрам. Возглавил правительство популярный религиозный деятель Жалханз-хутухта.

Благодарный властитель щедро наградил Унгерна и его ближайшее окружение. Барону были присвоен титул цин-вана (князь первой степени) и наивысший, доступный лишь Чингисидам (потомкам Чингисхана по крови) ханский титул со званием «Возродивший государство великий батор-командующий». Он сравнился в правах с правителями четырех халхаских аймаков [12], титул давал барону право на те же символы власти, что и у ханов – желтый шелковый халат, желтые сапоги, конские поводья того же священного цвета, зеленые носилки-паланкин и трехточковое павлинье перо на шапку. Он произвел на монголов столь сильное впечатление, что они стали считать его воплощением Бога Войны, Махагалы, возродившегося в человеческом облике. У кочевников вызывало уважение знание Унгерном их обычаев, языка, привлекательными были и его идеи об объединении монгольских племен, образовании федерации кочевых народов Центральной Азии, воссоздании державы Чингисхана.

К началу апреля 1921 г. 15-тысячная китайская армия, наводившая страх на всю Монголию, была разгромлена и изгнана из страны. Благодаря сильной воле и умению завооражи-

вать окружающих своими идеями, Унгерну удалось то, что казалось абсолютно невозможным: изгнать из Монголии в 15-20 раз более сильную китайскую армию и восстановить монгольскую независимость. Однако об этой заслуге «черного барона» перед монгольским народом обычно предпочитают не вспоминать, акцентируя внимание на его идее восстановления Срединной монархии в границах империи Чингисхана, призванной стать воплощением «евразийской идеи», и ненависти к большевикам и евреям [13].

Парадокс истории заключается в том, что Унгерн, преследовавший свои собственные цели, сам того не желая, в большой степени облегчил выполнение задач монгольской революции. Итак, барон Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг «Возродивший государство великий батор-командующий», становится хозяином степи, диктаторствовал около четырех месяцев, и время его властвования мало чем отличалось от того периода бесчинств, которыми было ознаменовано пребывание в Монголии китайских войск и чиновников. Режим, установленный Унгерном, не сулил монголам ничего хорошего. В первые же дни после захвата Урги в городе было развязано кровавое насилие и дикий террор. Преследованиям подверглись прогрессивно настроенные российские и монгольские граждане.

Тем временем образованная в январе 1921 г. в г. Иркутск на основе секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) крупная и мощная структура Коминтерна, как Дальневосточный секретариат исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) во главе с уполномоченным ИККИ на Дальнем Востоке, известным революционером, видным партийным и государственным деятелем Б. З. Шумяцким активно действует. В распоряжении секретариата были значительные финансовые и военные возможности.

5 февраля 1921 г. (в это время барон Унгерн уже пировал в Урге) замнаркоминдел Карахан и заведующий Янсон отправляют депешу в реввоенсовет, Скиянскому под грифом «Совершенно секретно», прилагая также копии последних телеграмм от Гапона и Шумяцкого, где подчеркивалась «крайняя необходимость срочного разрешения вопроса о выдаче Монгольской народно-революционной партии оружия». Они пишут о той сложной обстановке, что сложилась в Монголии, что она «все более и более попадает под влияние Японии и захватывается ею. При фактической оккупации Японией Приморской области, а также агрессивной политике ее на Китайской восточной железной дороге, откуда она еще до сих пор не изгнана, такой захват Монголии может привести к чреватым последствиям, и вся наша работа на Дальнем Востоке при таком отношении к весьма срочному, не терпящему отлагательства вопросу приведет к нулю» [14]. Прилагался список оружия на 3 тыс. бойцов кавалерии: 3000 винтовок, 10 тыс. гранат, 2 аэроплана и бомбы к ним, 1 бронемашина, полевой телефон, 1–2 млн. патронов, 2 горных орудия, 2 полевых орудия, 4000 снарядов, 3–4 автомобиля, 5 пулеметов «Кольт» или «Максим», 30 ручных пулеметов, 150 револьверов, полевые кухни и 20–30 человек командного состава [15].

Проведенные в 1921 г. совместные операции против Унгерна советского экспедиционного корпуса и монгольской народной армии показали, что опираясь на полученную финансовую, военную поддержку, монгольские войска смогли вести активную борьбу за освобождение своей страны.

Первоначально монгольская армия, сформированная вблизи Алтан-Булака, состояла всего из 500 добровольцев под командованием Сухэ-Батора [16]. Монгольское правительство с участием Москвы ведет основательную подготовительную работу по созданию национальной армии. В 1921 г. председатель Дальневосточного секретариата Коминтерна Б. З. Шумяцкий еще активно занимался монгольскими делами. В августе в сообщении в центр Г. В. Чичерину по вопросу создания монгольской армии он пишет: «Я уже Вам сообщал в черновиках проект организации монгольской армии... Этот проект разработан военными специалистами... мною лично прокорректирован и согласован с временным правительством, которое, подсчитав все возможности, сочло возможным декретировать основную идею проекта – необходимость постоянной нарядармии...» [17], далее Шумяцкий конкретизирует, что «в настоящее время проект этот, став уже законом, начал осуществляться. Подобранные мною ин-

структора и центральная фигура и душа всего этого плана – начальник штаба – встали уже на работу, и машина уже завертелась... лично руковожу устройкой и военной и хозяйственного и административного аппарата» [18].

Вслед за командирами в монгольские степи прибывали красноармейцы, которые приняли участие в боях против барона Р. Ф. Унгерна, в ликвидации активного противника новой революционной власти Джа-ламы (лидера национально-освободительной борьбы западных монголов начала XX в., а после победы национально-демократической революции 1921 г. он начал вооруженную борьбу против нее). Отметим, что многие военные инструкторы – русские, калмыки, буряты остались работать в Монголии, содействуя формированию национальной армии.

Основой формирующейся монгольской регулярной армии стали бывшие партизанские отряды, тогда еще слабо обученные и плохо вооруженные. Но уже к концу 1921 г. увеличивается численность армии и достигает 2000 сабель, создаются штаб главкома, военное министерство и военный совет с политуправлением. До конца 1921 г. главком Сухэ-Батор неустанно занимался координацией боевых операций на западе и востоке страны, в районе восточных и южных границ, особенно были значимы бои на западе, в районе Улясутая. Главком в ряде сражений лично командовал своими подразделениями, так в конце июля ему пришлось отбить атаки 300 бандитов всего в 30 км. от Урги. Тяжелые бои монгольские цырики под командованием главкома вели в конце августа против бригады белых во главе с есаулом Хоботовым, и здесь победа была на стороне бойцов Сухэ-Батора. Приказом Революционного военного совета РСФСР в 1922 г. главком монгольской народно-революционной армии Д. Сухэ-Батор, его заместитель Х. Чойбалсан, командующий войсками в западной Монголии Хатан-Батор Максаржав за доблестные совместные боевые действия были удостоены ордена Красного Знамени. Такие же высокие награды получили начальник штаба В.А. Хува и председатель Военного совета Э. Ринчино [19].

Таким образом, 1920-1921 годы были одним из наиболее сложных периодов в истории Монголии. После незаконного упразднения в 1919 г. автономии Внешней Монголии республиканским руководством Китая, она вновь превратилась в одну из китайских провинций. Монгольское правительство упразднено, вооруженные силы распущены, теократического монарха вынудили отречься от престола, население было обязано снабжать оккупационные войска продовольствием, скотом, что привело к тому, что гнет китайских республиканцев стал гораздо тяжелее правления маньчжурской монархии. Парадокс истории заключается в том, что барон Унгерн, противник революций и либерализма, разгромил китайские войска, освободил Внешнюю Монголию от власти Пекина. Удостоенный звания «Возродивший государство великий батор-командующий» он становится хозяином степи, но время его властвования мало чем отличалось от того периода бесчинств, которыми было ознаменовано пребывание в степи китайских войск и чиновников. После того как барон захватил Ургу и изгнал оттуда китайцев, задача Коминтерна с политической точки зрения изменилась, стала значительно проще. На первый план выдвигается борьба с Унгерном и делу освобождения Монголии был придан характер ликвидации «классового врага». Нарождающаяся монгольская армия, получила от главного друга и союзника - советской России, Коминтерна значительную финансовую, военную поддержку. Были созданы все условия для успешной совместной борьбы Монголии за независимость.

Примечания

1. Кузьмин С. Л. Барон Унгерн в документах и мемуарах. М., 2004. С. 18.
2. Там же.
3. Белов Е. Как была ликвидирована автономия Внешней Монголии // Азия и Африка сегодня. 1997. № 5. С. 68.
4. Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак (Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX века. Самара, 1999. С. 53.

5. Юзефович Л. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерна-Штернберга). М., 1996. С. 10.
6. Роцин С. К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). М., 1999. С. 11.
7. Першин Д. П. Указ. соч. С. 43-44.
8. Там же. С. 44.
9. Роцин С. К. Д. Сухэ-Батор: национальный герой Монголии (штрихи биографии). Улаанбаатар, 2011. С. 28.
10. Цибилов Б. Д. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ, 1947. С. 80.
11. Першин Д. П. Указ. соч. С. 104.
12. Роцин С. К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). С. 13.
13. Соколов Б. В. Барон Унгерн. Черный всадник. М., 2006. С. 5.
14. РГАСПИ (Рос. гос. архив соц.-полит. истории). Ф. 17. Оп. 84. Д. 189. Л. 4-4об.
15. Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 189. Л. 2.
16. Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. Улан-Удэ, 1998. С. 85.
17. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 97. Л. 17.
18. Там же. Л. 17.
19. Советско-монгольские отношения. 1921-1974 : док. и материалы. М., 1975. Т. 1. С.71, 72.

УДК 94(47+57)''1941/45'':325.254.1-057.4

Куперт Ю.В., Снегирева Л.И.

**ВКЛАД В ПОБЕДУ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ УЧЕНЫХ,
ЭВАКУИРОВАННЫХ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ
THE CONTRIBUTION TO THE VICTORY OVER THE FASCIST GERMANY MADE BY
THE SCIENTISTS EVACUATED TO THE WEST SIBERIA**

В статье анализируется деятельность эвакуированных ученых, оказавшихся в военных условиях вместе с вузами, НИИ на сибирской земле. Цель статьи – путем комплексного изучения вопроса выявить состояние прибывших специалистов, механизмы реализации основных направлений деятельности, ее масштабы и результаты. Внимание акцентируется на перестройке научной деятельности, изменении формы организации исследований. Показано, что деятельность ученых, науки в целом была подчинена укреплению обороны и развитию военной экономики. Вопросы эти были в центре внимания властных структур. В выводе подчеркивается, что война не дезорганизовала работу ученых, напротив, сконцентрировала их творческий потенциал на защиту Отечества.

The article provides the analysis of the activities of evacuated scientists, higher education institutions and research institutes, which had to work in military conditions in Siberian land. The purpose of the article is to identify the state of the arrived specialists, the mechanisms of realization of the activities' main trends, its range and results through comprehensive research of the issue. The article draws attention to the scientific activities reconditioning, the change of the form of the researches organization. The research demonstrates that the agency of the scientists and science in whole was aimed at the strengthening of the defense and military economy development. The authorities' attention was focused on these issues. As a conclusion the author outlines that the war hadn't entail disorganization in the work of the scientist, but, on the contrary, aided the concentration of their creative potential on the defense of their homeland.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, эвакуированные ученые, Томск, Новосибирск, Москва, Победа.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation, evacuated scientists, Tomsk, Novosibirsk, Moscow, the Victory.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война перевернула жизнь каждого. Трагическое ее начало, ее характер, жестокий оккупационный режим, необходимость нормального функционирования военной экономики, обеспечения ее рабочей силой, вызвали массовую эвакуацию производительных сил в восточные районы страны. Для многих людей война и эвакуация оказались неожиданными. Но этого не случилось. В тяжелых условиях военной обстановки, сложившейся в 1941-1942 гг. пришлось производить эвакуацию производительных сил в два этапа: июнь 1941 – апрель 1942 г., а затем июнь 1942 – август 1943 г.

Западная Сибирь с первых дней войны стала одним из главных тыловых районов эвакуации. Сюда было эвакуировано 244 предприятия, десятки НИИ, Наркоматов, РУ и школ ФЗО, учреждений и организаций, не менее 40 высших учебных заведений, более 1 млн. человек [1]. Эвакуация позволила вывезти из-под удара врага основной потенциал страны, в том числе и науки. Из 934,6 тыс. эвакуограждан, проживающих в Западной Сибири на 1 апреля 1943 г., трудоспособные составляли 508,1 тыс. чел. Из них 411,1 тыс. человек работали: 173,1 тыс. – в промышленности, 151,9 тыс. в сельском хозяйстве, 86,1 тыс. в других отраслях народного хозяйства, в организациях и учреждениях [2]. Бок о бок с сибиряками самоотверженно трудились они, внося свой вклад в победу над фашизмом. Учитывая многоплановость проблемы, авторы статьи рассматривают лишь часть ее, а именно труд эвакуированных ученых по оказанию помощи промышленному производству в сибирском тылу. Изучение этого аспекта общей большой проблемы эвакуации представляет научный интерес, имеет важное теоретическое значение, ибо раскрывает одну из составных частей всемирно-исторического подвига советского народа в войне, позволяет глубже понять огромные трудности, которые ему пришлось преодолеть. Эта проблема имеет также ярко выраженный социально-политический и морально-нравственный аспект. Вклад ученых сибирского тыла в Победу нашел отражение во многих трудах исследователей. В них содержатся отдельные сведения и о деятельности эвакуированных представителей науки [3]. Однако в качестве самостоятельной означенная проблема не изучалась.

Основные звенья государственной системы организации научных исследований сформировались еще в предвоенные годы. Общегосударственными центрами управления наукой были АН СССР, Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР (ВКВШ), отраслевые наркоматы. Большой объем теоретических и прикладных работ выполняли вузы. В годы войны научная работа в вузах была выделена в самостоятельную сферу деятельности высшей школы, в структуре ВКВШ в феврале 1944 г. был создан специальный отдел, курирующий научно-исследовательскую работу в вузах. Он обладал широкими полномочиями в области планирования и контроля за выполнением научных работ [4]. Эвакуация значительного числа вузов и НИИ привела к усилению научного потенциала сибирского региона, специфика которого заключалась в том, что квалификационная структура научных работников здесь менялась за счет роста числа специалистов с учеными степенями и званиями, в то время как численность таких лиц в других регионах уменьшалась. Так, общая численность научных работников Омска с 1940 по 1943 гг. увеличилась со 175 до 235 чел. В Алтайском крае в конце 1943 г. числилось 179 научных работников, в том числе 62 профессора [5]. Только в ряды томских ученых влилось около 300 научных работников, прибывших из Москвы, Ленинграда, Украины. На начало 1943 г. в Новосибирске насчитывалось 25 высших учебных и научно-исследовательских учреждений, в которых работало 83 профессора и около 400 доцентов, старших научных сотрудников и кандидатов наук [6]. Оказавшись в условиях эвакуации, отдав фронту многих лучших своих представителей, не прерывая процесс воспроизводства необходимых стране специалистов, прибывшие на сибирскую землю ученые развернули большую научно-производственную деятельность. В Томске, Новосибирске, Кемерово, Новокузнецке [7] были созданы Комитеты ученых как чрезвычайные общественные организации по обеспечению мобилизации усилий ученых на первоочередное выполнение работ для нужд фронта. Основным направлением перестройки научной деятельности на военный лад был пересмотр планов НИР. Уже в июне 1941 г. Всесоюзный комитет по делам высшей школы дал

вузам директивное указание об изменении научных планов с учетом требований военного времени, сокращения менее актуальных и включении оборонных тем. Новая тематика должна была носить комплексный характер и тесно увязываться с народнохозяйственными нуждами. Соответствующие указания от своих ведомств получили также отраслевые вузы и НИИ [8]. Коренное изменение в тематике научных работ привело к изменению и формы организации научных исследований. Произошли важные сдвиги в соотношении между теоретическими и прикладными исследованиями в пользу последних. В то же время война разрушила ведомственные барьеры, укрепила творческие связи, объединявшие многих исполнителей, занятых в разных звеньях науки и производства.

Организация НИР в условиях войны велась в трудных условиях. Резко сократилась материально-финансовая база исследований, ощущался недостаток площадей, необходимых для размещения лабораторий, установок, сложными были материально-бытовые условия. Прибывшие в Западную Сибирь многочисленные эвакуированные предприятия переживали огромные трудности со строительством, сырьем, материалами, топливом, электроэнергией, с монтажом и наладкой оборудования. Необходимо было решать все эти задачи в короткие сроки при строжайшей экономии всего. В этих условиях помощь ученых производству стала приоритетным направлением научно-исследовательской работы, а внедрение ее результатов – одним из главных критериев эффективности НИР в целом.

Вопросами скоростного строительства занимались эвакуированные и местные ученые строительных вузов, отраслевые научные учреждения.

Согласно решению ГКО в октябре-ноябре 1941 в г. Новосибирск на правах филиала Московского инженерно-строительного института (МИСИ) прибыло 480 студентов и 35 преподавателей. Филиал возглавил член-корреспондент АН СССР, доктор технических наук, проф. Н.С. Стрелецкий. Профилирующими кафедрами руководили профессора Н.А. Попов, Е.Ф. Страментов, П.Л. Пастернак, З.Н. Шишкин, И.Е. Скрытин, И.Е. Кацанович, Л.А. Серк, который одновременно заведовал кафедрой архитектуры Новосибирского строительного института [9]. За полтора года пребывания в Новосибирске ученые филиала МИСИ оказали огромную помощь сибирскому региону своими консультациями и заключениями о многих промышленных объектах. Так, П.Л. Пастернак в г.Юрге на одном из объектов помог заменить металлические конструкции железобетонными, а железобетонные – каменными и беспалубным железобетоном. Проф. Ф.Ф. Губин давал сибирякам консультации по проектам гидросооружений и схемам водоснабжения теплоэлектроцентралей ряда заводов с целью ускорить ввод этих сооружений в эксплуатацию и уменьшить стоимость работ. Консультации по металлическим конструкциям, проведенные проф. Н.С. Стрелецким, давали большую экономию металла: на предприятиях Юрги – более 3 тыс. тонн, Бердска – 1,5 тыс., что в условиях войны имело особенно большое значение [10]. Проф. Л.А. Серк работал над темой «Разработка упрощенных конструктивных элементов зданий из местных материалов». Тема оказалась одинаково важна как для военного времени, так и для послевоенного строительства [11]. Больших успехов в Новосибирске добилась кафедра строительных материалов филиала МИСИ, руководимая проф. Н.А. Поповым. Силы коллектива были направлены на решение проблем использования местных материалов, заменяющих дефицитные стройматериалы – цемент, битум, кирпич, рубероид и др. Эту работу кафедра развернула на основе предварительного изучения сырьевых ресурсов и отходов промышленных предприятий в ряде районов Новосибирской области и Алтайского края. Это направление научной работы давало кафедре возможность оказывать строительству конкретную техническую помощь [12]. Профессор Н.А. Попов, находясь с филиалом МИСИ в Новосибирске, одновременно являлся научным руководителем Центральной лаборатории Наркомстроя и оказывал техническую помощь в размещении и строительстве эвакуированных оборонных заводов. Возвратившись в 1943 г. с филиалом института в Москву, он продолжал руководить кафедрой стройматериалов, ведя одновременно работу в Академии архитектуры по оказанию помощи в восстановлении разрушенных городов [13].

В Ленинградском инженерно-строительном институте, находившемся в годы войны в Барнауле, активное участие в учебной и научной работе и в оказании помощи городу и краю принимали Г.А. Чухманов, доктор технических наук, Г.В. Никитин, доктор технических наук Н.Н.Аистов, проф. И.Г. Попов. Научно-технический совет, созданный в Ленинградском инженерно-строительном институте (председатель проф. В.Г. Гевирц) к маю 1944 г. выполнил 142 работы для промышленности и строительства города. Алтайский крайисполком отметил работу членов научно-технического совета, наградив их грамотами крайисполкома [14]. В октябре 1941 г. в г. Новокузнецк был эвакуирован Московский институт стали и сплавов, размещенный на базе Сибирского металлургического института. Он находился в эвакуации до лета 1943 г., когда и был реэвакуирован. Большинство кафедр Московского и Сибирского металлургических институтов были объединены, их возглавили москвичи. Учеными и сотрудниками этих кафедр, совместно со специалистами Ижорского и Кузнецкого заводов была успешно решена сложнейшая технологическая и техническая задача прокатки броневой стали на обжимной клети рельсобалочного стана-900 Кузнецкого металлургического комбината. Эта и подобные ей работы немедленно сказывались на ходе военных действий на фронтах. В том, что Советская Армия к середине 1943 г. была полностью обеспечена современными танками, превосходящими своими возможностями танки фашистской Германии, немалая заслуга ученых и воспитанников Московского института стали [15]. Подчиняясь суровым требованиям военного времени, вузовская наука быстро набирала темпы, обеспечивая фронт и народное хозяйство всем необходимым. Военные задачи вызывали к жизни новые формы связи науки с производством. Места у станков нередко занимали преподаватели и студенты, работали в две-три смены. Ученые филиала Московского станкостроительного института профессора Н.С. Ачеркан, Б.Л. Богуславский, И.В. Городецкий, доценты Ж.З.Бейлин, А.С. Дарер оказывали большую помощь станко-инструментальному хозяйству заводов Томска и Новосибирска [16]. Эту работу возглавлял Томский комитет ученых, в составе которого была создана для этого специальная секция по металлообработке. Наряду с томскими учеными в нее вошли и эвакуированные Ж.З. Бейлин, Н.С. Ачеркан и другие, которые внесли предложения о реорганизации инструментального хозяйства крупных заводов города, выработали ряд конкретных мероприятий по конструированию и термической обработке режущих инструментов. При активном участии бригады комитета, конструкторское бюро Томского филиала станко-инструментального института (Мосстанкина, эвакуированного из Москвы) провело ряд работ в области конструкции станков, различных приспособлений и изменений технологических процессов производства инструментов [17].

Директор Томского завода режущих инструментов («Фрезер») И.С. Блохин в письме от 25 октября 1942 года Наркому станкостроения СССР отмечал самоотверженную работу коллектива филиала Мосстанкина в Томске. Несмотря на малочисленность профессорско-преподавательского состава специальных кафедр филиала, конструкторское бюро под руководством проф. Н.С. Ачеркана за пять месяцев своей работы закончило и сдало заводу ряд оригинальных проектов по модернизации существующего парка станков. Специальная бригада под руководством проф. Б.Л. Богуславского работала над вопросом повышения режима токарных, фрезерных и шлифовальных станков. Филиалом была проведена работа под руководством проф. И.В. Городецкого по ремонту и восстановлению измерительного инструмента, по контролю и оснастке инструментального хозяйства, по паспортизации, пересмотру технологических процессов, а профессорско-преподавательским составом велись систематические консультации по ряду технических вопросов, возникающих в оперативной работе завода. На завод было направлено до 150 чел студентов МЭИИТа, которые работали непосредственно у станка, помогая заводу по выполнению производственной программы. Всю работу по оказанию конкретной помощи заводу «Фрезер» и другим заводам непосредственно возглавлял директор филиала доцент Ж.З. Бейлин [18]. В результате помощи партийных, советских организаций, комитета ученых коллектив Томского завода режущих инструментов успешно и быстро выполнил правительственное задание по восстановлению завода на новом месте, наладил

производство режущих инструментов путем мобилизации местных ресурсов, а в 1943 г. завоевал знамя ГКО [19]. Большой вклад в решение оборонных задач и развитие сибирской науки внесли прибывшие в Новосибирск с частью Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ) выдающийся советский ученый академик С.А. Чаплыгин, академик Н.П. Ветчинкин, Г.Н. Абрамович, молодой талантливый инженер Жуков, ставший в послевоенные годы одним из крупных ученых СО АН СССР, выдающиеся советские авиаконструкторы А.С. Яковлев и Н.П. Поликарпов [20], ученые Московского авиационного технологического института имени Циолковского (МАТИ). Поскольку рабочий кабинет С.А. Чаплыгина находился в здании Новосибирского авиационного техникума, где размещался во время эвакуации МАТИ, ученый близко познакомился со многими преподавателями института. Наиболее крупные специалисты вуза были приглашены им в состав Комитета ученых, который он возглавлял до своей кончины 8 октября 1942 г. С.А. Чаплыгин создал 13 секций в составе Комитета ученых и привлек к работе около 500 научных работников [21]. Почти во всех секциях Комитета трудились ученые МАТИ: доктора технических наук, профессора Б.Е. Воловик, М.В. Захаров, Ю.Г. Панов, кандидаты технических наук, доценты К.С. Кирпичников, В.Г. Дубасов, Ю.А. Попов, Ю.М. Лахтин и многие другие.

Работа преподавателей МАТИ в Комитете ученых Новосибирска, их общение с крупными специалистами положительно сказывались на развитии научных исследований, связях с производством. Так, доцентом МАТИ М.В. Шаровым совместно с сотрудниками ЦАГИ был разработан экономичный метод ремонта самолетных винтов, прострелянных пулями. Помощь оборонным заводам выражалась также в разработке новой технологии для эвакуированных предприятий, начинающих работать часто на новом сырье и материалах, в проектировании приспособлений, в экспертных испытаниях материалов и агрегатов [22]. Проф. В.И. Акин, выполняя задание комиссии Академии наук СССР, изучил материалы по созданию в Западной Сибири производственной базы по сверхтвердым сплавам, абразивным материалам и изделиям, а также по изготовлению калиброванной стали. Все его предложения были приняты для практического осуществления Наркоматом боеприпасов. Под руководством К.И. Макарова в этом же институте была проведена большая работа по увеличению производительности продольно-строгальных станков на 150-175 процентов. Коллектив МАТИ под руководством проф. Д.Ю. Панова, ставшего председателем Новосибирского Комитета ученых после смерти С.А. Чаплыгина в октябре 1942 г., оказывал промышленным предприятиям большую помощь консультативного характера [23].

Большую практическую помощь оказывали эвакуированные научные сотрудники Кузбассу. Сюда прибыли: Всесоюзный угольный институт (ВУГИ, 122 сотрудника), из Харькова (в Прокопьевск), Макеевский научно-исследовательский институт по безопасности работ в угольной промышленности (142 сотрудника в Ленинск-Кузнецк), 25 сотрудников Донецкого угольного института по проектированию шахт из Ворошиловграда (в Анжеро-Судженск). В Прокопьевске работали научно-педагогические кадры Донецкого горного института [24]. Вместе с профессорско-преподавательским составом горных вузов они создали в Кузбассе невиданный ранее научный потенциал в области горной науки и технической мысли. В частности, научные работники Донецкого индустриального института И.Е. Коробчанский, М.Д. Кузнецов и Е.Я. Эйдельман разработали метод повышения коксующейся способности газовых углей Кузбасса путем предварительной термической обработки, что позволило значительно увеличить получение химических продуктов для производства взрывчатых веществ и жидкого топлива. Представители этого института, как и представители МакНИИ, входили в состав созданной в конце 1942 г. по инициативе АН СССР, комиссии по определению производственной мощности шахт Кузбасса и разработке мероприятий для увеличения добычи кузнецких углей в 1943-1944 гг. Претворение в жизнь рекомендаций комиссии АН СССР и основанного на них Постановления ГКО «О неотложной помощи шахтам Кузнецкого бассейна» от 15 июля 1943 г. помогло горнякам Кузбасса значительно увеличить в 1943 г. добычу угля, особенно коксующегося [25].

Эвакуация заводов и большого количества населения требовала особенно четкой, бесперебойной работы железнодорожного транспорта, нагрузка на который многократно возросла. Помощь железнодорожникам оказывали местные и эвакуированные специалисты, объединенные в транспортных секциях комитетов ученых. Особую роль сыграли академики Г.П. Передерий и С.П. Сыромятников. В эвакуированном в Томск Московском электромеханическом институте инженеров железнодорожного транспорта были разработаны скоростные методы промывочного ремонта паровозных котлов с применением специального автомата, новый способ загрузки угля в тендеры. Эти предложения обеспечивали своевременный ремонт локомотивов и бесперебойную работу дороги. Под руководством С.П. Сыромятникова проводились испытания модернизированных паровозов, показавшие их высокую экономичность [26]. Совместными усилиями эвакуированных ученых и сотрудников Новосибирского института военных инженеров транспорта уже в 1943 г. было закончено 17 крупных работ, с успехом внедренных на транспорте не только в тылу, но и в прифронтовой полосе. В частности, они помогли выяснить причины пережога угля на Томской железной дороге, достигшего 20% нормы, и свои предложения вынесли на обсуждение общегородского собрания инженеров-теплотехников, главных механиков, кочегаров, зольщиков, что серьезно изменило положение дел [27]. Ученые Московского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта помогали внедрить в практику работы на Томской железной дороге мероприятия по мобилизации внутренних ресурсов в путевом хозяйстве, оказывали инженерам и рационализаторам, депо помощь консультациями по строительству, проектировке и изобретениям. Сотрудники МЭМИИТа и ТЭМИИТа выполняли ряд сложных заданий, связанных с организацией производства запасных частей к паровозам, механизацией работ в депо ст. Новосибирск, переводом вагранок депо ст. Тайга на каменный уголь вместо кокса, применением скоростных методов ремонта вагонов и т.п. Бригады преподавателей выезжали на места для выявления внутренних ресурсов железнодорожных станций и установления дистанции пути [28]. Вносили свой вклад в укрепление сибирских железных дорог ученые и других эвакуированных вузов. Так, ученый Московского авиационного технологического университета проф. Хазен решил проблему значительного повышения коэффициента полезного действия паровозов путем применения оригинальной схемы паровозного двигателя [29].

Хотелось бы подчеркнуть, что для военного времени была характерна быстрота внедрения любого новаторства в науке и производстве. Не месяцы и годы, а дни и часы проходили от появления мысли до ее воплощения в производственный процесс. Война не дезорганизовала деятельность ученых, а, напротив, сконцентрировала их творческий потенциал на защиту Отечества. Эвакуированные ученые вместе с сибиряками показали образцы мобилизации интеллектуальных сил, трудового героизма, смогли выполнить значительное число научных работ, которые оказали огромную помощь народному хозяйству, обороне страны, внесли весомый вклад в развитие советской науки, и в целом, – достойный вклад в Победу советского народа над фашистской Германией.

В посвящении к своей фундаментальной монографии «Очерки эволюционной гистологии крови и соединительной ткани», над которой он трудился, будучи в эвакуации в Томске, выдающийся гистолог академик А.А. Заварзин писал: «Великой Победе над варварством и мракобесием. Светлой памяти погибших в борьбе за это святое дело. Своей великой и чудесной Родине эту книгу посвящает автор» [30].

Представляется, что этими словами знаменитый ученый выразил главный смысл великого Подвига советского народа и его составляющей – эвакуированного населения, частью которого были ученые.

Примечания

1. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах : в 3 т. / авт.-сост. и отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск : Изд-во ТГПУ, 2005. Т. 1: «Исход». С. 8.

2. Исчислено по: ГАРФ (Гос. архив Рос. Федерации). Ф.А-327. Оп. 2. Д. 263. Л. 122; Д. 368. Л. 28, 44; Д. 375. Л. 2, 26, 32-33; Д. 404. Л. 3-5, 8; Д. 423. Л. 11, 17.
3. Петрова Т. Н. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Томск. 1968; Осташко Т. Н. Наука и ученые Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2002; Дедюшина Н. А. Вклад ученых Новосибирска в Победу над фашистской Германией // Сибирь – фронту. 1977. [и др.].
4. Осташко Т. Н. Указ. соч. С. 13.
5. Там же. С. 47.
6. Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны : сб. док. Новосибирск, 1964. С. 274; История Сибири : в 5 т. / гл. ред.: А. П. Окладников, В. И. Шунков. Л. : Наука, 1969. Т. 5. С. 150.
7. Петрова Т. Н. Указ. соч. С. 67, 82.
8. Левшин Б. В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983. С. 59.
9. Московский государственный строительный университет // Великий подвиг. Вузы Москвы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. : в 3 т. М., 2001. Т. 2. С. 147.
10. Там же.
11. Там же. С.148.
12. Там же. С.149.
13. Там же.
14. Петрова Т. Н.Указ. соч. С. 347.
15. Московский государственный институт стали и сплавов (Технологический университет) // Великий подвиг. Вузы Москвы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 2. С. 130.
16. Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции... С. 173-175.
17. Красное Знамя. 1942. 22 окт.
18. ГАРФ. Ф.Р-8080. Оп. 1. Д. 64. Л. 24; Петрова Т. Н. Указ. соч. С. 95.
19. ЦДНИТО (Центр документации новейшей истории Томской обл.). Ф. 80. Оп. 2. Д. 325. Л. 15.
20. Акулов М. Р., Анисков В. Т., Васильев Ю. А., Кузнецов И. И. Подвиг земли богатырской. М., 1970. С. 242.
21. Советская Сибирь. 1942.7 сент.
22. МАТИ – Российский государственный технологический университет им. К.Э.Циолковского // Великий подвиг. Вузы Москвы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 2. С. 97-101.
23. Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции ... С. 277-278.
24. Кузбасс – фронту. Кемерово, 1975. С. 93.
25. Цукров В. А. Труд горняков Донбасса в сибирском тылу (1941-1945) // Народы Сибири в Великой Отечественной войне. Кызыл, 1973. С. 163.
26. Окладников А. П. Наука Сибири в годы Великой Отечественной войны // Сибирь в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1977. С. 273-274.
27. Петрова Т. Н. Указ. соч. С. 118; Дедюшина Н. А. Вклад ученых Новосибирска в Победу над фашистской Германией // Сибирь – фронту. 1977. С. 284.
28. Осташко Т. Н. Указ. соч. С. 89.
29. Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции... С. 278.
30. Григорьян Н. А. Медико-биологические исследования в годы Великой Отечественной войны // Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. М., 1986. С. 118.

Доржу З.Ю.

ВКЛАД ЖЕНЩИН ТНР В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ THE CONTRIBUTION OF WOMEN IN TNR VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Статья посвящена событиям, происходящим в годы Великой Отечественной войны в Тувинской Народной Республике. На конкретных примерах показана инициатива тувинских женщин по организации и оказанию всенародной помощи фронту, их участие в борьбе с фашистами в составе кавалерийского эскадрона тувинских добровольцев.

Article is devoted to the events occurring in days of the Great Patriotic War in the Tuva National Republic. On concrete examples the initiative of the Tuva women of the organization and rendering the national help to the front, their participation in fight against fascists as a part of a cavalry squadron of the Tuva volunteers is shown.

Ключевые слова: СССР, ТНР, война, всенародная помощь, женщины, тувинский народ, добровольцы

Keywords: USSR, TNR, war, national help, women, Tuva people, volunteers

Когда началась Великая Отечественная война, Тува была независимой Тувинской Народной Республикой (ТНР) со своей Конституцией, утвержденными международными соглашениями границами, своей Народно-революционной армией. Она заключала международные договоры, на ее территории были открыты дипломатические представительства СССР и Монголии.

По теме войны и участия в ней ТНР ни в военные, ни в послевоенные годы научные исследования не проводились, так как не было научных кадров, и документы военных лет еще не отложились в архивах. Историки начали изучать события Великой Отечественной войны лишь в 1960-70-е гг. Среди первых исследований была диссертационная работа Ю.Л. Аранчына «ТНР в годы Великой Отечественной войны» [1]. На огромном фактическом материале, документах тех лет впервые приведены количественные данные, занятых в производстве, дана оценка вклада ТНР в обеспечение фронта продукцией оборонной промышленности.

В 1964 г. выходит коллективный труд «История Тувы» (т. 2), в отдельной главе которого рассматривалось участие населения республики на фронте и в тылу. Впервые обобщались фактические и статистические материалы на уровне республики [2]. Об участницах войны Вере Байлак и Розе Биче-кыс написаны очерки в сборнике «Славные дочери Тувы» (1967) [3]. В 1975 г. вышли «Очерки истории Тувинской организации КПСС», где есть раздел по войне, но лишь упомянуто об участии в ней тувинских женщин [4]. Во всех указанных трудах авторы выделяли только позитивные моменты, не останавливаясь на проблемах в годы войны, были подчинены одной идее – все на разгром фашистской Германии.

В 1990 г. вышла документальная повесть В. Пивоварова «Добровольцы» о подвиге тувинских кавалеристов по освобождению Ровенщины [5]. К юбилейным датам Великой Победы прошли научно-практические конференции с изданием сборников статей [6], вышел в свет двухтомник «Книга Памяти Республики Тыва». В нее занесены имена подавляющей части призванных из Тувы, включая погибших, восстановлены забытые имена воинов. Ее составителем является Н.М. Моллеров (соавтор – доктор исторических наук Ю.Л. Аранчин представил материалы по тувинским добровольцам) [7].

Теме «женщина и война» посвящена глава в работе Г.А. Забелиной «Женщина-тувинка в семье и обществе в первой половине XX века» [8] и статья [9]. На конкретных примерах автором показано, что вклад женской части населения ТНР в помощь фронту была значительной.

В 2013 г. вышел фотоальбом «Честь и доблесть солдат из Тувы», включая документальный очерк о вкладе Тувинской Народной Республики в дело Победы [10]. В 2014 г. вышла книга-альбом научно-популярного характера «Тува – фронту. Вклад Тувы в борьбу с фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны» [11]. Во всех трудах, где встречалась вышеуказанная проблема, детально изучены события военного периода, происходившие в самой Туве. О боевых и трудовых подвигах женщин Тувы в минувшей войне написаны очерки, журнальные и газетные статьи, которых явно недостаточно.

После известия о нападении фашистской Германии 22 июня 1941 года на Советский Союз, было экстренно проведено заседание Политбюро ЦК Тувинской народно-революционной партии (ТНРП), которое определило отношение Тувинской Народной Республики к этой войне. Вечером того же дня приступил к работе X съезд Великого Хурала ТНР, делегаты которого единодушно приняли Декларацию. В ней говорилось: «Тувинский народ ...не щадя жизни, готов всеми силами и средствами участвовать в борьбе советского народа против фашистского агрессора до окончательной победы над ним» [10].

Участие тувинского народа в войне выразилось в материальной помощи советскому народу и его армии и в непосредственном участии добровольцев в боях с фашистскими захватчиками. ТНРП и правительство к осени 1941 г. обеспечили перестройку народного хозяйства на военный лад. Были открыты цеха по выполнению фронтовых заказов на лесозаводе, кожзаводе, швейкомбинате и предприятиях общепита, повышен сельхозналог на 100 %, выпущен госзаем на 1 млн. акша, основные расходы бюджета направлялись на военные нужды, установлен строжайший режим экономии во всем, созданы новые подразделения народной армии, организован военный всеобуч.

Усилиями кочевых единоличных аратов, членов тожземов и сельхозартелей, работников предприятий государственно-кооперативного сектора поддерживался рост экономики страны, создавалась возможность всемерной помощи фронту. В результате перестройки народного хозяйства и мобилизации всех ресурсов для фронта помощь, оказанная советскому народу Тувинской Народной Республикой с ее немногочисленным населением (96 тыс. чел.), была более чем значительной.

Война подтолкнула привлечение женщин в сферу общественного производства. Они овладевали новыми профессиями. Так, члены колхоза "Пламя революции" Голубцова, Печенова и Яковлева стали осваивать новое для них сапожное дело. Первое время работа шла нелегко. Готовность всемерно увеличивать свою помощь фронту заставила их увеличивать свой рабочий день на 2-3 часа, трудиться в выходные дни и дополнительные смены. И, наконец, они увидели конкретные результаты своего труда: успешно ремонтировали сапоги и ботинки, шили бродни и сапоги, как для колхозников, так и для отправки на фронт [6, с. 8].

Женщины Тувы активно участвовали в проводимой в стране перестройке экономики народного хозяйства в целях оказания всемерной помощи Красной Армии. Самоотверженно трудились работницы швейного комбината, ремонтного завода, республиканской типографии, лесозавода.

Женщин в промышленности в 1940-х годах работало немного, но их удельный вес стал заметно возрастать. Так, в республиканской типографии в 1943 г. по сравнению с 1940 г. число работниц увеличилось более чем в два раза. Переплетчица А.П.Коробова выполняла норму на 150 % и была награждена Почетной грамотой Президиума Малого Хурала ТНР. Портниха швейного комбината Чудурукпай, участвуя в выполнении военного заказа (пошив полушубков для бойцов Красной Армии), выполняла норму на 270-360 %. Работницы промышленных предприятий впервые выступили инициаторами и участниками патриотического движения за создание фронтовых бригад и соревнования за перевыполнение задания в 2-3 раза (движение двух-трехсотников) [9].

Женщины были инициаторами социалистического соревнования за полное сохранение молодняка и успешное выполнение плана развития животноводства. Они работали на колхоз-

ных полях, на животноводческих фермах и в личных индивидуальных хозяйствах, на заготовке дров, были доярками, пастухами, чабанами, пополняли ряды механизаторов.

Они были активными участниками сбора подарков для воинов Красной Армии. Участвуя во всенародном движении по организации помощи фронту, женщины собирали одежду и обувь для защитников Москвы, вязали варежки, шили рукавицы, растили скот для колхозов освобожденных районов. Наиболее значительным вкладом стала передача в дар Красной Армии скота, сельхозпродукции и зимней одежды. О том непрестом времени 88-летняя Ч.-С.Б. Кудажи вспоминала: «Я — простая труженица, прекрасно понимала тогда, что проклятого фашиста можно везде бить: и на фронте свинцовым огнем, и у нас, в аале, самоотверженным трудом. И вот для того, чтобы быстрее и окончательно разбить врага, три четверти своего личного скота, бережно выращенного в течении 20 лет, мы с мужем отдали безвозмездно Красной Армии, причем выбирали самых лучших. Это было примерно 150 голов. Помощь семьи не ограничилась только этим. Тогда во многих аалах женщины, разделившись на группы, соревновались в выделывании шкур и в шитье из них теплых полушубков для бойцов Красной Армии. Эту работу выполняли с большим желанием. Женщинами руководило искреннее стремление как можно быстрее и больше помочь советским солдатам».

Аратка из сумона Кызыл-Чыраа Соян Севильба передала в фонд обороны 216 голов личного скота. Отдавая свои пожертвования, аратка Кускелдей сказала: «Ничего не было жаль, лишь бы победила Советская Россия». Отдали для фронта свои пожертвования и другие женщины: Хорлуу - 278 голов скота, Салзынмаа - 12 лошадей, 2 быка, 18 овец, Сиилинмаа - 22 лошади, 3 быка, 42 овцы, теплые вещи на 452 акша, Чимчан - 3 лошади, 3 коровы, 3 овцы, 175 акша, Севилбаа - 216 голов скота, Кол Илдирбен - 1000 акша, Соян Ызыгуур - 2 лошади, 21 овцу, 63 овчин, 8 пар рукавиц, 135 акша и т.д.. Вплоть до разгрома фашистов тувинский народ жил по одному с Россией закону – всё для фронта, всё для победы. К 1944 г. количество скота, составляющего основу благосостояния животноводческой республики, сократилось практически вдвое [6, с. 4].

На фронт были отправлены 5 эшелонов из 389 вагонов подарков стоимостью 12,5 млн. акша, ежегодные урожаи с посевом в фонд помощи обороны, 52 тысячи пар лыж, 10 тысяч полушубков, более 16 тысяч пар валенок, 19 тысяч пар рукавиц. Наряду с продуктами питания, одеждой ежегодно посылались в госпитали для раненных воинов и детские дома тысячи тонн облепихи, брусники и др. В числе пожертвований были золотой запас страны, часть накопления народного хозяйства за предвоенные годы, почти половина воспроизводимого общественного богатства. Тувинский народ безвозмездно отдал Красной Армии около 50 тысяч боевых коней, около 30 тыс. молодых коров для восстановления колхозов Киевщины. На средства трудящихся Тувы приобретены и переданы представителям военно-воздушных сил полтора десятка истребителей ЯК-7в [6, с. 10]. В совокупности это стало важным вкладом в дело победы над общим врагом. В связи с этим 8 марта 1942 года от Верховного главного командования была получена телеграмма: «Прошу передать трудящимся ТНР, собравшим кроме первых 764 тыс.акша дополнительно 661 тыс.акша и 146 тыс. руб. на строительство авиаэскадрильи «Тувинский народ – фронту», отправившим Красной Армии продовольствие и подарки – мой братский привет и благодарность Красной Армии. И.Сталин» [10, с. 28].

Президиум Верховного Совета СССР, выражая глубокую признательность всего советского народа и его вооруженных сил, указом от 11 августа 1944 г. наградил орденами и медалями аратов – участников движения «Тувинский народ – фронту» и его организаторов. Орденом Ленина была награждена и Председатель Малого Хурала Тувинской Народной Республики Х.А. Анчима.

С первого дня Великой Отечественной войны в различные партийные и государственные органы республики поступали многочисленные заявления от населения с просьбой разрешить им с оружием в руках сражаться с немецкими оккупантами. Весной 1943 г. было решено тувинским добровольцам войти в ряды действующих на фронте частей Красной Армии и 20 мая 1943 г. на фронт отправились тувинские танкисты-добровольцы (11 человек).

1 сентября 1943 г. ушел на фронт добровольческий кавалерийский эскадрон под командованием капитана Т.Б. Кечил-оола. В числе бойцов-кавалеристов было десять девушек - Севин Ооржак, Кыргыз Норжун, Кыргыз Сынаа, Куулар Дарыя, Оюн Поля, Иргит Багбужап из Кызыла, Вера Байлак, Сарыглар Часкал, Монгуш Амаа из Дзун-Хемчикского хошуна, Ховалыг Пичен из Улуг-Хемского хошуна. Общая численность добровольцев составила 220 человек, из них после войны вернутся 141 [8].

Военное обучение отряд проходил в г. Коврове Ивановской области. Девушки вместе с остальными бойцами учились стрельбе из винтовок, автоматов и пулемётов, овладевали искусством джигитовки и владения холодным оружием. Готовность бойцов к предстоящим боям проверял генерал-полковник О.И. Городовиков. Рядовые и офицеры получили высокие отзывы от командования Красной Армии.

В январе 1944 г. во время первого боя в деревне Деражно командир взвода старший лейтенант Сат был сражён вражеской пулей. Санинструктор О. Севил со словами: «За правое дело, за нашего командира, вперёд!» увлекла за собой бойцов взвода. В письме командования 8-й гвардейской Ровенской кавалерийской дивизии ЦК ТНРП и правительству ТНР указывалось, что в боях за город Ровно отлично показали себя санитарки Сынаа, Байлак, Севил, Пичен, Дарыя, Амаа, которые находясь под сильным огнём противника, оказывали помощь раненым и выносили их с поля боя. Во всех боевых операциях Тувинский эскадрон показал себя одним из лучших в полку.

Приобретённые с малых лет навыки верховой езды и ухода за лошадьми очень пригодились им для вывоза раненых с поля боя. За боевые подвиги санитарка пулемётного взвода Часкал Сарыглар была удостоена медали «За отвагу» и «Ордена Труда» ТНР, а Куулар Дарыя, вынося с поля боя раненых, из карабина уничтожила шестерых фашистов, была награждена медалью «За отвагу» и «Орденом Республики». Высоких наград удостоились и другие бойцы эскадрона. Вера Байлак, начинавшая войну рядовым санинструктором, закончила её гвардии сержантом.

18-тилетняя Вера Байлак, узнав, что в ряды добровольцев вступил ее брат и некоторые подруги по ревсомольской работе, потеряла покой. «Как же быть? – спрашивала она себя, думая о фронте. – Но ведь у меня маленький ребенок на руках...». Втайне от родителей она написала заявление с просьбой зачислить ее добровольцем. Родители, когда обо всем узнали, сначала растерялись, а потом ругали: «воевать – дело мужчин, у тебя – годовалый сын». Но девушка настояла на своем. После боевой учебы в составе 31-го гвардейского кавалерийского полка 8-й гвардейской дивизии эскадрон вступил в бой за освобождение украинской земли от немецких захватчиков. В сражениях под Ровно не раз приходилось смотреть смерти в глаза. После освобождения Ровно были бои за Сурмичи и Дубно. За героизм, храбрость в боях за город Дубно ефрейтор Байлак Вера была награждена орденом Отечественной войны I степени. Второй орден Отечественной войны ей был вручен к 40-летию Победы. После войны она родила еще двух сыновей и семерых дочерей. Все десять получили образование. Есть среди них врачи, зоотехники, бизнесмены, офицеры, экономисты [3, с. 52-53].

Никогда еще во всей прошлой истории тувинского народа женщина не участвовала в войне, как в дни Отечественной войны советского народа, причем не только в качестве санинструкторов, но и с оружием в руках. Любому человеку всегда трудно перестроиться «на военный лад», женщине - особенно. Армейская дисциплина, солдатская форма не по размеру, мужское окружение, тяжёлые физические нагрузки – всё это явилось нелёгким испытанием. И сам фронт – со смертью и кровью, с ежеминутной опасностью. Все это сполна испытали на себе и тувинские женщины-добровольцы, с оружием в руках сражаясь с фашистами в годы Великой Отечественной войны. Женщины Тувы укрепляли и тыл своим самоотверженным трудом, оказывали всемерную помощь Красной Армии, внесли весомый вклад в разгром немецко-фашистских войск.

Примечание

Акша (тув. *акша* - в тюркских языках «деньги») - денежная единица Тувинской Народной Республики в 1934-1944 годах. Делилась на 100 копеек

Сумон – административно территориальная единица в Туве. Из 10 человек – **арбан**, из 2 и более сумонов – **хошун** (кожуун).

Примечания

1. Аранчын Ю. Л. ТНР в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1958. 25 с.

2. История Тувы : в 2 т. Новосибирск, 1964. Т. 2.

3. Славные дочери Тувы. Кызыл : Тувин. кн. изд-во, 1967.

4. Очерки истории Тувинской организации КПСС. Кызыл, 1975. 405 с.

5. Пивоваров В. П. Добровольцы : докум. повесть [О подвиге тувинцев по освобождению Ровенщины в годы Великой Отечественной войны]. Кызыл, 1990.

6. Аранчын Ю. Л. Великая Отечественная война // Тувинский народ – фронту. 50 лет Великой Победы : материалы респ. конф. Кызыл : Тувин. гос. ун-т, 1997.

7. Моллеров Н. М., Аранчын Ю. Л. [Вступительная статья] // Книга Памяти Республики Тыва. Кызыл, 1995 ; Моллеров Н. М. [Вступительная статья] // Книга Памяти Республики Тыва. Кызыл, 2005. 80 с.

8. Забелина Г. А. Женщина-тувинка в семье и обществе в первой половине XX века. Кызыл : ТувТИКОПР СО РАН, 2010. 120 с.

9. Забелина Г. А. У войны и женское лицо // Тувин. правда. 2015. 7 марта.

10. Честь и доблесть солдат из Тувы. Кызыл : Тувин. кн. изд-во, 2013. 167 с.

11. Тува – фронту. Вклад Тувы в борьбу с фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны / под ред. С. К. Шойгу. М. : Красная Звезда, 2014.

УДК 619(571.54)“364”

Зангеева Л.Р.

РАЗВИТИЕ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ ВЕТЕРИНАРНО-ОПЫТНОЙ СТАНЦИИ В 1941-1945 ГГ.

DEVELOPMENT OF THE BURYAT-MONGOLIAN VETERINARY EXPERIMENTAL STATION IN 1941-1945

В статье рассматривается развитие Бурят-Монгольской ветеринарно-опытной станции в 1941-1945 гг., научно-исследовательская деятельность сельскохозяйственных учреждений, формированию фундаментальной научной базы.

The article discusses the development of the Buryat-Mongolian veterinary experimental station in 1941-1945, research activities of agricultural establishments, the formation of a fundamental base.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская ветеринарно-опытная станция, опытная работа, научно-исследовательская работа, животноводство, ветеринарные специалисты

Keywords: Buryat-Mongolian veterinary experimental station, experimental work, research work, livestock veterinarians, veterinary

Организация опытных сельскохозяйственных учреждений в 20-30-е годы XX столетия способствовала оформлению научно-исследовательской работы в сельском хозяйстве. Крайне неблагоприятная эпизоотическая обстановка в БМАССР обусловила необходимость значительного оживления научных исследований в области ветеринарии. В указанный период в республике были распространены такие заболевания как сибирская язва, чума, повальное воспаление легких, сап, пироплазмоз, оспа овец, инфлюэнца, холера птиц, рожа свиней и др.

Пограничное положение с Монголией, транзит через территорию республики скота и сырья из Монголии создавали постоянную угрозу распространения заболеваний сельскохозяйственных животных. В 1924 году в прилегающих к ней аймаках в штате земорганов работало 3 ветеринарных врача, которые не могли решить проблему с заболеваниями сельскохозяйственных животных [1].

Низкая организация ветеринарной службы, недостаток квалифицированных ветеринарных специалистов, ветеринарных учреждений, отсутствие в достаточном количестве необходимых лекарственных препаратов сказывались отрицательно на состоянии животноводства.

Необходимость увеличения масштабов диагностических и научно-исследовательских работ в области ветеринарии, решение практических задач, направленных на борьбу с эпизоотическими заболеваниями, и поддержание должного ветеринарно-санитарного состояния сельскохозяйственных предприятий, учреждений в БМАССР потребовало реорганизации в сентябре 1937 года Республиканской ветбаклаборатории в Бурят-Монгольскую ветеринарно-опытную станцию (БМВОС) [2].

Научно-исследовательская работа в плановом систематическом порядке на станции стала проводиться с 1940 года.

В 1940 г. тематический план научно-исследовательской работы БМВОС был утвержден и включал 6 тем: - «Изучение опыта оздоровления двух хозяйств с крупным рогатым скотом от бруцеллеза»; - «Анализ заболеваемости и смертности сельскохозяйственных животных и изучение эффективности противоэпизоотических мероприятий»; - «Изучение пироплазмозной ситуации Бурят-Монгольской АССР», которая являлась диссертационным исследованием на степень доктора ветеринарных наук Мачульского С.Н. [3].

Методическая комиссия приняла решение о необходимости командировать специалиста Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной ветеринарии имени Л.Р. Коваленко (ВИЭВ) в г. Улан-Удэ для обследования работы станции и оказания ей методической помощи. Станция могла отправлять сотрудников в научные командировки в ВИЭВ и др. научные учреждения, директор станции принимать участие в совещании директоров научно-исследовательских учреждений [4].

Практика проведения подобных заседаний имела положительное значение в деятельности Бурят-Монгольской ветеринарно-опытной станции, способствовала четкой организации и проведению научно-исследовательской работы в области ветеринарии, корректировала ее с учетом последних достижений науки и техники.

К 1943 г. сотрудниками станции были выполнены и опубликованы 18 работ. Среди которых необходимо выделить труды Щепаловой Н.Ф., Ребровой П.И., Макаровой К.Х. по проблеме заболеваний у свиней и Мачульского С.Н. – по вопросам паразитарных заболеваний у крупного рогатого скота [5].

Работы были изданы в журнале «Советская ветеринария», что свидетельствовало об увеличении масштабов научной работы. На станции разрабатывались новые методы и средства борьбы с паразитарными заболеваниями.

Наиболее практическое значение для животноводства республики, в первое десятилетие работы станции, имели работы Мачульского С.Н. по пироплазмозу лошадей и работы Уласевича П.С. по бруцеллезу. На основе их исследований в республике разрабатывались мероприятия по борьбе с гемоспоридозами лошадей и бруцеллезом сельскохозяйственных животных [6].

Благодаря научно-производственной деятельности сотрудников станции в предвоенный период, практически удалось ликвидировать чуму, от которой в период с 1898 г. по 1916 г. пало 143,6 тыс. голов крупного рогатого скота, в 1931 г. в республике не было зарегистрировано ни одного случая данного заболевания у крупного рогатого скота, сибирскую язву, повальное воспаление легких, сап, которые в 1928 году были зафиксированы соответственно 253, 90 и 40 случаев [7].

В период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) станция не прекратила свою работу, несмотря на тяжелое материальное положение. Оказывала помощь колхозам и совхозам республики в борьбе с инфекционными и паразитарными заболеваниями. Бурят-Монгольская ветеринарно-опытная станция проводила большую диагностическую работу. Только за 1942 г. было проведено 765 паталого-анатомических исследований, 838 микроскопических, 980 бактериологических и более 100 биологических, гистологических и капрологических исследований. Исследовано по РСК на сап, ПВС, трипонозамос 54338 проб крови и по РА на сап 15071 голов [8].

В послевоенный период в связи с восстановлением народного хозяйства, и необходимостью решения его практических задач, в 1945 году для проведения ветеринарных лабораторных исследований на базе БМВОС постановлением Совета Министров БМАССР №344 от 17 августа 1945 года была организована Республиканская ветеринарно-бактериологическая лаборатория Министерства сельского хозяйства БМАССР [9].

В задачи лаборатории входило, помимо бактериологических, гистологических, химических и санитарных исследований, научная разработка актуальных для республики ветеринарных вопросов по инфекционным, паразитарным и незаразным заболеваниям и санитарно-зоогигиеническим вопросам; участие в испытании новых ветеринарных биопрепаратов, лекарственных веществ и т.п. [10]. На созданную ветбаклабораторию, БМВОС передала диагностическую работу.

С ростом ветеринарной сети расширялась и сеть научно-исследовательских учреждений.

В 1946 году БМВОС реорганизуется в Бурят-Монгольскую научно-исследовательскую ветеринарную станцию (БМНИВС), которую возглавил Уласевич П.С.

Анализируя состояние штата за 1941-1945 гг. можно констатировать неподготовленность к научной работе совместителей, постоянная недоукомплектованность опытной станции научными работниками. В 1941 г. всего научных сотрудников – 3, в 1942 – 5, из них 3 кандидата наук, в 1945 г. – 3 научных работников. Вплоть до середины 1950 годов, существовала проблема научных кадров, которая была основным препятствием к проведению научно-исследовательской работы.

Аналогичные данные представлены в отчетах Бурят-Монгольской ветбалаборатории [11].

Таблица 1

Результаты исследований трупов ягнят в Республиканской ветбаклаборатории за 1941-1945 гг. [12]

Годы	Кол-во исследованных трупов ягнят	установление инфекционного миокардита	%павших ягнят от инфекционного миокардита к общему кол-ву исследованных трупов ягнят
1941	226	104	46,0
1942	128	50	39,0
1943	88	12	13,6
1944	63	9	14,2
1945	28	5	17,8
За 5 лет	533	180	26,12

Таким образом, как видно из таблицы ягнят с патологоанатомическими признаками инфекционного миокардита в период с 1941-1945 гг. колебалось в пределах от 13,6 до 46% к общему количеству исследованных ягнят, то в 1945 г. их 28 трупов, только в 5 случае (17,8%) были отмечены признаки свойственные инфекционному миокардиту.

В результате проведенных опытов и наблюдений по применению формолвакцины в условиях хозяйств инфекционный миокардит ягнят и козлят в 1945 г. не имел широкого распро-

странения по сравнению с предыдущими годами, хотя падеж ягнят вследствие истощения был большой. Исследователи подтвердили ранее сделанное заключение об исключительной роли условий кормления, ухода и содержания ягнят.

В послевоенный период значительно расширился круг научно-исследовательской и производственной деятельности станции. Основными функциями, которой к этому периоду являлись:

- 1) разработка и решение актуальных вопросов ветеринарного дела в республике на научной основе;
- 2) методическое руководство ветбаклабораториями республики;
- 3) консультации по вопросам борьбы с инфекционными и паразитарными заболеваниями;
- 4) проведение в жизнь мероприятий по внедрению новых биоветпрепаратов;
- 5) оказание практической помощи работникам животноводства [13].

Бурят-Монгольская научно-исследовательская ветеринарно-опытная станция в этот период являлась одним из основных научно-методических центров ветеринарной службы в Бурятии. Она оказала огромное влияние на организацию и проведение ветеринарно-профилактических и противоэпизоотических мероприятий, проводила диагностическую работу, оказывала постоянную помощь хозяйствам в ликвидации инфекционных и паразитарных болезней.

Проводимые диагностические исследования БМНИВОС сыграли положительную роль в процессе получения практических данных, которые послужили фундаментальной базой для последующих научно-обоснованных предложений и разработок в развитии ветеринарной науки.

Сосредоточив основное внимание на диагностике инфекционных и паразитарных заболеваний лаборатория занималась вопросами сбора и изучения материала об источниках, путях и методах распространения этих заболеваний сельскохозяйственных животных. Изучала ветеринарно-санитарное и эпизоотическое состояние животноводства республики.

Научно-исследовательская и производственная деятельность опытных станций способствовала формированию фундаментальной научной базы, реализации в практической работе научно-теоретических разработок в области сельского хозяйства связи науки с производством, складываются необходимые условия для создания Бурятского научно-исследовательского института сельского хозяйства.

Примечания

1. РГАСПИ (Рос. гос. архив соц.-полит. истории). Ф. 17. Оп. 67. Д. 29. Л. 23.
2. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. 1674. Оп. 1. Д. 42. Л. 7.
3. Там же. Д. 42. Л. 7.
4. Там же. Д. 6. Л. 67.
5. Там же. Д. 6. Л. 67.
6. Там же. Д. 6. Л. 71.
7. Там же. Д. 6. Л. 72.
8. Там же. Д. 6. Л. 72.
9. Там же. Д. 6. Л. 56.
10. Там же. Д. 42. Л. 7.
11. Там же. Д. 42. Л. 7.
12. Там же. Д. 6. Л. 56.
13. Труды Бурятской научно-производственной ветеринарной лаборатории. Указ. соч. С. 14.

Банзаракцаева Е.В.

**ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ, ПОТЕРЯВШИМИ СВЯЗЬ С РОДИТЕЛЯМИ
СОВЕТСКИХ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР ВО
ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ORGANIZATION OF WORK WITH CHILDREN WHO HAVE LOST TOUCH
WITH THE PARENTS OF THE SOVIET AND PARTY BODIES OF THE BURYAT-
MONGOLIAN ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

В статье рассматривается комплекс мероприятий, осуществляемый советскими и партийными органами Бурят-Монгольской АССР, направленный на выявление и устройство детей, потерявших связь с родителями во время Великой Отечественной войны.

The article discusses a set of activities carried out by the Soviet and Party organs Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic, aimed at the identification and placement of children who have lost touch with their parents during the Great Patriotic War.

Ключевые слова: война, дети, приемник-распределитель, патронат, усыновление, трудовая колония, постановления, Наркомпрос, Бурят-Монгольская АССР.

Keywords: war, children, reception centers, foster care, adoption, labor camp, regulations, Commissariat, the Buryat-Mongol Autonomous Republic.

Война и дети – понятия несовместимые. Отраднo, что сегодня в юбилейный год со дня Великой Победы, российское общество особое внимание обращает на детей войны, тех, которым на 1945 г. не исполнилось 18 лет. В регионах России приняты законы о «детях войны», предусматривающие различные формы социальной поддержки. Издательство «АиФ» выпустило книгу «Детская книга войны. Дневники 1941-1945 гг.». В ней впервые за 70 лет собраны дневники свидетелей той страшной войны, которые описывают свои переживания и ощущения [1].

В данной работе мы рассмотрим организацию работы партийных и советских органов Бурят-Монгольской АССР с детьми, потерявшими связь с родителями. По данным Наркомпроса СССР только за 1941-1942 гг. связь с родителями потеряли почти 200000 детей [2].

В январе 1942 г. вышло постановление Совнаркома СССР №75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». В нем указано, что проведение мероприятий по предупреждению детской безнадзорности является «важнейшим государственным делом». Война отвлекла на поля сражений от дома, от воспитания и помощи детям миллионы отцов, старших братьев и других родственников детей. Женщины-матери стали одним из основных источников пополнения рабочей силы. Их доля в народном хозяйстве страны увеличилась с 33 в 1940 г. до 53 % в 1942 г. [3], а в национальных районах Сибири и Дальнего Востока, соответственно с 28 до 56%, на отдельных предприятиях численность женщин достигала 65-70% к общему числу работающих [4].

В соответствии с вышеназванным постановлением в конце января – начале февраля 1942 г. по всей стране были образованы областные, краевые и республиканские комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей. Постановление определило главные задачи, которые было необходимо решить в ближайшее время. Это, во-первых, упорядочение работы региональных комиссий по устройству детей, оставшихся без родителей; во-вторых, улучшение контроля за условиями жизни патронируемых, усыновленных и трудоустроенных детей; в-третьих, оказание помощи органам НКВД в выявлении и учете беспризорных детей и налаживании работы справочно-адресной службы детских столов [5].

В Бурятии постановлением Совнаркома БМАССР за № 118 от 5 марта 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», была создана республиканская комиссия по

устройству детей, оставшихся без родителей, возглавляемая заместителем председателя Совнаркома т. Болсохоевым [6]. В состав комиссий входили руководители местных отделов народного образования, здравоохранения, милиции, профсоюзных и комсомольских организаций.

В данном постановлении определялись все основные направления работы по устройству детей, оставшихся без родителей. В два раза увеличивалась пропускная способность приемника-распределителя. Промышленные предприятия и Наркомзем, принимая подростков, направленных на трудоустройство, должны были обеспечивать их жильем. Наркомпрос республики обязан был незамедлительно принимать в детские дома детей, направляемых из приемника-распределителя. При Наркомпросе выделялся один специалист по организации патронирования детей в республике. Кроме того, при районных отделах НКВД и при НКВД Бурят-Монгольской АССР организовывались справочные столы, куда стекалась вся информация о детях, оставшихся без родителей.

Но по многочисленным отчетам комиссий можно сделать вывод, что работа комиссий по устройству детей, оставшихся без родителей, была неудовлетворительной. Только в 1942 г. органами милиции Бурят-Монгольской АССР было задержано и подобрано беспризорных детей 382 чел, и выявлено 1189 безнадзорных [7].

Рост беспризорности и безнадзорности детей влечет за собой и увеличение числа правонарушений среди несовершеннолетних. В Бурятии за III квартал 1942 г. было осуждено за различные правонарушения 129 подростков, а за IV квартал того же года, уже 258 чел. [8]. Поэтому скорейшему выявлению беспризорных и безнадзорных детей уделялось особое внимание.

Неоднократно этот вопрос обсуждался на заседаниях Бюро Бурят-Монгольского областного комитета ВКП (б), где острой критике подвергалась работа Наркомпроса республики, областного комитета ВЛКСМ, школьных, районных партийных организаций, которые не сумели мобилизовать общественность на борьбу с беспризорностью и безнадзорностью в республике. Принимались решения об усилении борьбы с данными явлениями, выделялись лучшие представители учительства и общественности для проведения массовой разъяснительной работы, назначались внешкольные инспекторы по охране прав детей и борьбе с беспризорностью. Прокуратура республики обязана была следить за тем, чтобы судебные органы не допускали необоснованного привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних.

Постановление СНК БМАССР от 18 мая 1943 г. утвердило перечень мероприятий по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью [9]. Предписывалось оживить работу комиссий по устройству детей, оставшихся без родителей и привлечь к этой работе активистов из числа общественности. Сельские советы должны были наладить работу по выявлению безнадзорных и беспризорных детей, контролировать условия жизни патронированных. Учителя должны были проводить разъяснительную работу среди родителей, для предупреждения безнадзорности должна была быть усилена воспитательная и внешкольная работа учащихся. Вводилась должность инструктора по патронированию, который отслеживал жизнь детей, а при выявлении преступного отношения к ним, должен был немедленно извещать органы милиции для привлечения опекунов к судебной ответственности.

Решением Улан-Удэнского горсовета от 11 марта 1943 г. «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью» запрещалось пребывание детей до 14 лет в общественных местах после 21 часа, продажа табака и пива детям до 16 лет подвергалась административной ответственности. За нарушения положений этого решения виновные подвергались наложению штрафа в размере 100 руб. или исправительным работам до 30 дней [10]. Для контроля организовывались регулярные дежурства учителей и представителей родительских комитетов в общественных местах.

В июне 1943 г. Совнарком СССР принял постановления «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью и хулиганством» и «О трудовом устройстве подростков старше 14 лет – воспитанников детских домов, трудовых колоний НКВД и детей, оставшихся без родителей». В соответствии с этими постановлениями в различных районах страны организовывались трудовые воспитательные колонии на 30 тыс. подростков, задержанных за различные преступления [11].

Совет народных комиссаров Бурят-Монгольской АССР постановлением № 420 от 27 августа 1943 г. «О создании трудовой воспитательной детской колонии» декларировал создание в республике колонии [12]. Она была создана на базе Тимлюйской школы ФЗО № 5. Главное управление трудовых резервов при СНК СССР передало НКВД БМАССР данную школу со всем оборудованием, производственными и жилыми помещениями, подсобным хозяйством и педагогическим составом. Комплектование трудовой воспитательной колонии производилось из числа беспризорных детей, в возрасте от 11 до 16 лет, детей, задержанных за хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные правонарушения, а также воспитанников детских домов, систематически нарушавших внутренний распорядок.

Списки детей, подлежащих направлению в трудовую колонию, составляли НКВД, Наркомпрос, городские и аймачные советы депутатов трудящихся. Они выявляли детей, оставшихся без родителей, не имеющих определенного места жительства, а также тех, чьи родители не могли осуществлять воспитание своих детей. Колония была рассчитана на 350 человек. Таким образом, в данную трудовую колонию направлялись беспризорники, безнадзорные дети, не поддающиеся воспитанию, воспитанники детдомов, для которых требовался особый режим, и малолетние преступники.

Важную роль в деле борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью играли приемники-распределители, куда доставлялись дети, а после направлялись в детские дома. Согласно «Положению о приемнике-распределителе НКВД СССР» на эти учреждения возлагались следующие обязанности: 1) учет и регистрация детей, проходящих через приемник; 2) санитарно-гигиеническая обработка и медицинское обследование, принимаемых детей; 3) установление причин беспризорности и безнадзорности, а также розыск через органы милиции родителей или лиц, их заменяющих, и восстановление связей с детьми [13].

В приемник дети принимались круглосуточно. Они доставлялись туда либо органами милиции, или гражданами и общественными организациями, или же дети являлись самостоятельными. При поступлении в приемник-распределитель на детей составлялся акт, где указывались фамилия и имя, обстоятельства его задержания, адрес последнего местожительства. Не позднее 24 часов должен был быть направлен запрос в милицию, чтобы выяснить есть ли у ребенка родители или другие родственники, а также причины беспризорности или безнадзорности.

В г. Улан-Удэ пропускная способность приемника в 1941 г. была увеличена до 100 человек, срок пребывания детей ограничивался двумя неделями, по истечении которого дети до 14 лет направлялись в детские дома и патронировались, а те дети, чей возраст превышал 14 лет, – трудоустраивались или направлялись в ремесленные училища, если обладали достаточным образованием [14]. Предприятия, куда направлялись дети, должны были обеспечить их жильем и другими необходимыми бытовыми условиями.

Дети же, не достигшие трехлетнего возраста, немедленно через органы здравоохранения направлялись в детские дома или на патронат. На 1 декабря 1942 г. по районам республики было выявлено и учтено 870 детей-сирот, из которых 471 чел. были патронированы, 35 чел. усыновлено, 22 чел. трудоустроено, а остальные направлены в детские дома [15]. Поэтому количество мест в детских домах было значительно увеличено: в Заиграевском детдоме – с 230 мест до 330, а в дошкольном детдоме г. Улан-Удэ – с 85 до 135 мест.

Для оказания помощи родителям и родственникам в поиске детей согласно постановлению СНК СССР № 75 от 23 января 1942 г. в Управлении милиции республик, краев и областей были организованы справочно-адресные детские столы. А в Главном управлении милиции НКВД была создана всесоюзная центральная справочно-адресная картотека. На каждого ребенка поступившего в приемники и в детские дома составляли учетную карточку, где указывались имя и фамилия, место рождения, особые приметы, последнее постоянное место жительства, основание поступления ребенка в учреждение. Если дети потерялись, то указывались место и время случившегося происшествия, данные родителей. В том случае если ребенок не знал имя и фамилию, должны быть указаны его пол, возраст, время и место обнаружения, антропологические данные (цвет волос и глаз, особые приметы) и другие дополнительные данные. Карточки составлялись в двух экземплярах и пересылались в областное управление милиции.

Таким образом, что изучая архивные материалы, мы можем сделать вывод, что партийные и советские органы уже с первого года начала Великой Отечественной войны придавали особое внимание работе с детьми, потерявшими связь с родителями.

Примечания

1. Детская книга войны : дневники 1941-1942 гг. М. : «АиФ. Доброе сердце», 2015 г. URL: <http://children1941-1945.aif.ru/#/4>.
2. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. М. : Больш. рос. энцикл., 1983. Т. 1. С. 85.
3. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1948. С. 111.
4. Базаржапов В. Б. Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой отечественной войны. Новосибирск : Наука, 1981. С. 76.
5. ГАРФ (Гос. архив Рос. Федерации). Ф. 259. Оп. 3. Д. 676. Л. 2.
6. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. р-60. Оп. 3. Д. 244. Л. 26.
7. ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4208. Л. 11.
8. Там же.
9. ГАРБ. Ф. 475. Оп. 2. Д. 290. Л. 4-18.
10. ГАРБ. Ф. р-535. Оп. 16. Д. 7. Л. 6.
11. Синицын А. М. Всенародная помощь фронту. М. : Воениздат, 1975. С. 313.
12. ГАРБ. Ф. р.- 475. Оп. 7. Д. 427. Л. 148.
13. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5444. Л. 1.
14. ГАРБ. Ф. р. 60. Оп. 3. Д. 244. Л. 28.
15. Там же. Л. 17.

УДК 351(091)(571.54)

Хамисов Б. Г.

«БАУНТОВСКОЕ ДЕЛО» 1942 Г.:
МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ НКВД БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР
"BAUNT'S CASE" 1942: LITTLE-KNOWN PAGES OF THE HISTORY OF THE
PEOPLE'S COMMISSARIAT OF INTERNAL AFFAIRS OF THE BURYAT-MONGOL
ASSR

Борьба с дезертирством являлась одной из основных задач органов внутренних дел Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны. В этой связи своей уникальностью и специфичностью выделяется происшествие, случившееся в 1942 г. с дезертирами-эвенками. Этот случай послужил основанием для появления на свет государственного

постановления о запрете призыва в Красную армию представителей малых коренных народов.

Combating desertion was one of the main tasks of the organs of Internal Affairs of the Buryat-Mongol ASSR during the Great Patriotic war. In this regard, its uniqueness and specificity is the incident, which took place in 1942, with the deserters-evenks. This incident led to the birth of the State Ordinance on prohibition of recruitment into the Red Army representatives of small indigenous peoples.

Ключевые слова: дезертиры, эвенки, Баунтовский, Бурят-Монголия, Чита, Народный комиссариат внутренних дел.

Keywords: deserters, evenks, Baunt's, Buryat-Mongolia, Chita, People's Commissariat of Internal Affairs.

В Бурят-Монгольской АССР к началу 1940-х гг. сложились достаточно благоприятные условия для развития противоправных проявлений (зачастую, бандитского характера), так как к началу Великой Отечественной войны в республике проживало более 3-х тысяч семей так называемого «враждебного элемента» разных мастей и политических окрасок, прибывших в порядке спецпереселения из режимных районов страны во время проведения паспортизации [1].

Учитывая все эти обстоятельства, согласно приказу НКВД СССР, в октябре 1941 г. в составе НКВД Б-МАССР было создано самостоятельное отделение по борьбе с бандитизмом, а в 1943 г. оно было преобразовано в отдел по борьбе с бандитизмом. Во главе отдела стояли: начальник отдела Полункин С. П., его заместитель – Перепанов С. С. [2].

На отдел возлагалось: организация работы по выявлению и ликвидации бандповстанческих проявлений; поимка дезертиров и задержание лиц, уклонявшихся от призыва и службы в армии; выявление и изъятие оружия у лиц, незаконно его хранивших.

С первых дней своей организации аппарат отдела по борьбе с бандитизмом столкнулся с тем, что бандформирования в некоторых районах республики уже существуют, и это требовало принятия срочных мер по их ликвидации.

Работники вновь созданной службы немедленно приступили к организации во всех районах боевых отрядов содействия милиции по борьбе с бандитизмом и выявлению дезертиров, а также лиц, уклонившихся от призыва и службы в армии.

В череде событий, связанных с данным направлением деятельности правоохранительных органов республики, можно выделить малоизвестный случай, произошедший с дезертирами из числа таежных охотников-эвенков.

В тайге Баунтовского аймака скрывались дезертировавшие из Красной Армии эвенки. Большинство из них дезертировали не потому, что не хотели воевать или служить в армии, а потому, что их семьи оставались проживать в тайге без кормильцев. Основой существования эвенков, как известно, всегда была охота, а тут во многих семьях остались лишь старики, женщины и дети, немощные для охоты.

Дезертиры скрывались в тайге, жили спокойно, никому вреда не приносили, охотились и обеспечивали продовольствием свои семьи. Однако, по существующим тогда законам, дезертиры подлежали уголовной ответственности на общих основаниях. Поскольку они жили в тайге, жили тихо и мирно, Баунтовское РО НКВД не обращало на них внимания, так как попросту не знало о них.

Но летом 1942 г. со сборного пункта железнодорожной станции Мальта Иркутской области дезертировала большая группа эвенков, призванных в Красную Армию из районов Читинской области. В целях розыска и задержания бежавших, отдел по борьбе с бандитизмом и отдел уголовного розыска Читинской области организовали сплошное прочесывание своих северных районов, а в связи с тем, что часть эвенков ушла скрываться в тайгу на территорию Бурятии, то заодно прочесали и тайгу Баунтовского аймака. Было выявлено и задержано около 200 дезертиров-эвенков.

Оперативные группы УНКВД Читинской области при аресте дезертиров производили конфискацию охотничьего оружия и всех боеприпасов к ним, а для доставки арестованных в Читу конфисковали даже оленей с упряжками. В результате этих «операций» семьи арестованных дезертиров-эвенков снова остались без средств к существованию. Началось вымирание от голода многих эвенкийских семей.

Бывший министр внутренних дел Бурят-Монгольской АССР полковник государственной безопасности Ильин П. И. вспоминает: «О бедственном положении эвенкийского населения Баунтовского аймака мы узнали из специальных сообщений, присланных в НКВД Б-МАССР от начальника Баунтовского РО НКВД тов. Архинчеева и в Бурятский ОК ВКП (б) от секретаря Баунтовского райкома ВКП (б).

В июне 1943 г. по заданию ОК ВКП (б) я выехал в Баунтовский аймак для проверки спецсообщений на месте. Факты подтвердились. Положение эвенкийских семей зимой 1942 г., после проведенного читинцами «прочесывания», оказалось более серьезным, чем можно было ожидать.

По возвращении из командировки я подробно изложил обстановку на бюро ОК ВКП (б). Было принято решение послать докладные записки отдельно от ОК ВКП (б) – в ЦК ВКП (б), а от НКВД Б-МАССР – в НКВД СССР...

Из Москвы в Читу прибыла комиссия. После ее проверки начальник управления НКВД Читинской области полковник Портнов И. Б. для объяснения был вызван в ЦК ВКП (б), где по партийной линии ему был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку, а непосредственных виновников, которые производили конфискацию охотничьего оружия, боеприпасов и оленей, привлекли к уголовной ответственности.

После этого вышло постановление ГКО за подписью Сталина об освобождении всех эвенков в стране от воинской повинности. Арестованные и осужденные за дезертирство эвенки были из мест заключения освобождены. Население получило государственную помощь» [3].

Согласно вышеуказанного постановления, помимо эвенков, от призыва в Красную Армию освобождались представители всех малых коренных народов СССР.

Примечания

1. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. Р-1780. Оп. 1. Д. 1. Л. 223.
2. ГАРБ. Ф. Р-1780. Оп. 1. Д. 1. Л. 224.
3. Фонды музея истории милиции МВД Республики Бурятия : личные воспоминания, автобиографии, письма ветеранов. Улан-Удэ, 1982. С. 43.

УДК 631.1-05(571.54)

Яковлев А. Л.

АГРОЗООТЕХНИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ МАССОВЫХ КОЛХОЗНЫХ КАДРОВ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР AGROZOOTЕHNICHESKOE MASS COLLECTIVE TRAINING OF PERSONNEL IN THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR

Статья раскрывает особенности подготовки кадров массовых профессий в 1950-е гг. Приведены конкретные примеры агрозоотехнического обучения в Бурят-Монгольской АССР.

The article reveals the features of mass trades training in the 1950s. Specific examples agrozootehnicheskogo learning Buryat-Mongolian ASSR.

Ключевые слова: агрозоотехнические курсы, Бурят-Монгольская АССР, кадры, колхозник.

Keywords: agrozootehnicheskije courses, Buryat-Mongolian ASSR, frames, farmer.

С окончанием Великой Отечественной войны, с переходом к мирному послевоенному развитию народного хозяйства с постепенным внедрением в сельскохозяйственное производство науки и техники, актуальность кадровой проблемы на селе возросла. Нужны были люди, способные профессионально работать на селе. Необходимо было подготовить не только руководящих работников колхозов и совхозов, но и других специалистов массовых профессий.

Имевшиеся государственные сельскохозяйственные школы, районные колхозные школы, одногодичные сельскохозяйственные школы не могли быстро пополнить сельское хозяйство кадрами массовых профессий. Поэтому основная часть квалифицированных кадров готовилась через различные краткосрочные курсы и семинары.

Разнообразие курсов с трудом поддавалось контролю со стороны сельскохозяйственных органов. Проводимые проверки чаще всего констатировали, что качество обучения на курсах и семинарах было низким. Зачастую преподавание поручалось малоквалифицированным людям, редко привлекались специалисты сельского хозяйства, научные работники. Программы курсов были устаревшими.

Сложившееся положение в области подготовки кадров массовых сельскохозяйственных профессий требовало изменений.

По решению ЦК ВКП(б) от 19 июня 1950 г. «О постановке дела пропаганды и внедрения достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве» при колхозах организовались трехгодичные агрозоотехнические курсы. На этих курсах колхозники и рабочие совхозов без отрыва от производства овладевали агротехническими и зоотехническими знаниями. Программа курсов была рассчитана в основном на людей с начальным образованием [5, с. 81].

Открыть трехлетние агрозоотехнические курсы, по подготовке массовых колхозных кадров, планировалось в 80061 колхозах РСФСР [1, л. 76].

Занятия на этих курсах предусматривалось проводить ежегодно с 1 октября по 1 марта. Учебный план каждого года обучения включал 200 учебных часов, причем половина из них отводилась для практических занятий. Предусматривалось, что успешно освоившие программу 1 года обучения и сдавшие экзамен получают свидетельство об овладении агрономическим или зоотехническим минимумом. После 2-го и 3-го года обучения присваивается звание мастера 1-го и 2-го разрядов и выдается аттестат с указанием полученной специальности [4, с. 91].

Однако, как показывали данные, работа по организации обучения колхозников в целом оставалась неудовлетворительной.

Так в 1950-1951 учебном году в Бурят-Монгольской АССР вместо установленного контингента в 11522 слушателей на трехлетних агрозоотехнических курсах фактически обучалось 7618 человек, из которых окончили программу первого года обучения всего лишь 2114 человек, или 28% к плану [5, с. 81].

Газета «Бурят-Монгольская правда» отмечала, что особенно плохо работали курсы в колхозах Мухоршибирского, Курумканского, Иволгинского, Окинского, Торейского и Тарбагатайского аймаков. Председатели исполкомов аймачных Советов депутатов трудящихся и заведующие отделами сельского хозяйства исполкомов этих аймаков не придавали значения вопросу подготовки массовых колхозных кадров. Например, в Мухоршибирском аймаке вместо 36 групп по плану работало только 4, в которых обучалось 110 колхозников вместо 880 по плану. Никто из работников сельхозотдела аймисполкома не руководил агрозоотехническими курсами. Основные специалисты стояли в стороне от этого дела. План работы аймачной сельскохозяйственной группы не составлялся. Во многих колхозах этого аймака курсы были созданы только на бумаге, помещения для занятий не выделялись. Не лучше обстояли дела с подготовкой кадров в колхозах Курумканского, Иволгинского аймаков. В ряде колхозов Бичурского, Кижингинского и Баргузинского аймаков зачисляли колхозников в учебные группы списками, не спрашивая их согласия. В результате такого формального подхода к организа-

ции учебы в ряде колхозов учебные группы распались, или занятия в учебных группах проходили при небольшом количестве слушателей [5, с. 82].

В большинстве колхозов аймака занятия на агрозоотехнических курсах начинались с большим опозданием, а большая часть главных специалистов аймсельхозотделов, старших специалистов МТС, научных работников и специалистов научно-исследовательских учреждений, преподаватели зооветинститута и сельхозтехникумов не привлекались к работе на курсах. Утвержденные в качестве преподавателей специалисты из-за отсутствия со стороны сельскохозяйственных органов необходимого контроля и помощи в работе прекращали занятия на курсах, не закончив учебной программы [5, с. 82].

Схожая ситуация в деле организации агрозоотехнических курсов была характерна и для других регионов.

Из областей, краев и АССР одной из лучших в организационном деле в 1950-1951 гг. была признана Читинская область – 100,5%, а одним из худших считался Красноярский край [1, л. 76-81]. Однако за высокими показателями Читинской области явно прослеживался формальный подход, так как через год область по комплектованию агрозоотехнических курсов оказалась на последнем месте по Восточной Сибири.

Комплектование агрозоотехнических курсов Байкальского региона в 1952 / 1953 уч. году на 1.5.1953 г. [3, Л. 94-96]

Республика, область	План	обучалось	%
Бурят-Монгольская АССР	7000	5484	78,3
Иркутская область	8000	7060	88,3
Читинская область	5000	2461	49,2

Из представленной таблицы видно, что как в Бурят-Монгольской АССР так и в соседних регионах количество обучаемых курсантов не соответствовало плану.

Одной из причин низких процентных показателей являлось безответственное отношение ряда управлений сельского хозяйства к работе курсов. Курсы не были обеспечены оборудованными помещениями и наглядными пособиями. Контроль над работой агрозоотехнических курсов со стороны некоторых управлений сельского хозяйства не осуществлялся.

После реорганизации работы райсельхозотделов и повышении роли машинотракторных станций (МТС) в обеспечении «крутого подъема всех отраслей колхозного производства», провозглашенным сентябрьским (1953 г.) Пленумом ЦК КПСС организация и обеспечение работы трехлетних агрозоотехнических курсов перешла в ведение МТС. Однако руководство МТС не всегда уделяло им должного внимания.

Данные о комплектовании курсов по большинству МТС были неточные, так как к тому времени в МТС учет еще не был налажен.

К концу 1950-х гг. эта форма учебы исчерпала себя. Упала численность обучающихся, для многих курсы стали пройденным этапом, основная масса колхозников и рабочих совхозов за послевоенные годы прошла подготовку в кружках и на курсах. Во-вторых, возрос образовательный уровень тружеников деревни. В сельскохозяйственное производство и агрозоотехнические кружки пришла молодежь, имевшая образование не ниже 7 классов. С 1949 г. в сельской местности стало вводиться всеобщее обязательное семилетнее обучение, а с 1959 г. – восьмилетнее. Рост общеобразовательного уровня колхозных кадров расширил возможности повышения их квалификации, и они могли не ограничиваться агрозоотехническими курсами [5, с. 83]. В-третьих, реформа школы 1958 г. ставила своей задачей внедрение производственного обучения. В школах вводились практикумы по машиноведению и электротехнике. Вместе с аттестатом зрелости школьники получали квалификацию рабочих специальностей [2, с. 75]. В-четвертых, курсы давали слушателям минимум теоретической и практической

подготовки по сельскому хозяйству. Очень часто в качестве преподавателей этих курсов привлекались лица, не имевшие специального сельскохозяйственного образования. Занятия, в основном, проводились в кабинетных условиях, без достаточной наглядности и связи с конкретным положением в той или иной отрасли хозяйства. В-пятых, агрозоотехническая учеба на селе ориентировалась на колхозников, связанных с ручным трудом, техника до 1958 г. находилась в МТС [5, с. 83].

В 1956 г. в системе этих курсов был совершен переход на двухлетнее обучение, а в 1959 г. - на годовое [4, с. 93].

Таким образом, к концу 50-х гг. агрозоотехнические курсы оказались невостребованными. Однако наработанный опыт массовой учебы без отрыва от производства был востребован после реорганизации МТС и передачи техники в колхозы, а также в 1970-х гг. в связи с организацией механизаторского всеобуча.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 310. Оп. 1. Д. 610. 240 л.
2. Карначев А. Е. Экономическое и социально-культурное развитие села Бурятии в 1960-е годы : монография. Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2010. 133 с.
3. Российский государственный архив экономики. Ф. 7486. Оп. 18. Д. 683. 290 л.
4. Чистяков В. Б. Производственные кадры сельского хозяйства Российской Федерации. 1945-1965 гг. М. : МГИУ, 2000. 200 с.
5. Яковлев А. Л. Сельское хозяйство Забайкалья в 1950-е годы XX века. Улан-Удэ : Изд-во ФГОУ ВПО «БГСХА им. В. Р. Филиппова», 2006. 128 с.

УДК 63-057.17(517.3)

Даваажав Баяртогтох

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА МНР НА КРАТКОСРОЧНЫХ КУРСАХ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ STAFF TRAINING OF MONGOLIAN PEOPLE'S REPUBLIC IN SOVIET UNION'S SHORT-TERM COURSES

В данной статье рассматривается опыт подготовки кадров, повышение квалификации руководящих работников на краткосрочных курсах в Советском Союзе.

This article include experience of training of personnels, management staff training in short-term courses of the Soviet Union on improving professional,

Ключевые слова: Монгольская Народная Республика, Советский Союз, курсы руководящих работников, сельское хозяйство.

Keywords: Mongolian People's Republic, Soviet Union, Short-term course, agriculture.

К актуальным вопросам, не исследованным с исторической точки зрения, относятся отношения двух стран (СССР – Монголии) в области образования, науки и культуры в советский период развития истории. Двумя великими достижениями социализма в Монголии были кооперирование сельского хозяйства и освоение целинных земель. ЦК МНРП и Совет Министров понимали необходимость повышения квалификации всех специалистов для освоения новой сельхозтехники и обучения передовым методам ведения коллективного хозяйства. Квалификацию руководящих работников и инженерно-технических работников сельского хозяйства повышали по двум направлениям: как руководителей по партийной, комсомольской и профсоюзной части, так и руководителей-специалистов по сельскому хозяйству.

Тема повышения квалификации руководящих работников МНР на краткосрочных курсах в Советском Союзе является неизученной. При исследовании данной проблемы бы-

ли использованы следующие методы: идеографический, ретроспективный, историко-генетический. Информационную базу составили: ранее не опубликованные документы из Архива МНРП, материалы Центрального Архива Монголии, отчеты советских специалистов, работавших в МНР, материалы Национальной библиотеки Монголии, Библиотеки МонГУ и МонГСХУ.

X Съезд МНРП состоялся в 1940 году, наметил программу дальнейшего развития Монгольской Народной Республики по пути строительства социализма. Стояла задача осуществления всестороннего развития хозяйства страны, содействия развитию трудового хозяйства аратов, помощь добровольным объединениям трудящихся аратов, путем создания первичных форм коллективного ведения хозяйства, расширение сети МТС, развитие охотоводства и промышленности при ограничении и вытеснении капиталистических элементов. В 1959 году завершилось в основном социалистическое кооперирование сельского хозяйства. По данным 1960 года кооперированием было охвачено 99,6% аратского хозяйства и 72% всего поголовья скота [1].

В феврале 1959 года ЦК МНРП и Совет Министров МНР, исходя из решений XIII Съезда (март 1958 г.) и учитывая благоприятную обстановку, возникшую в результате победы кооперативного строя в сельских местностях, приняли решение о резком подъеме земледелия в МНР в целях обеспечения населения хлебом собственного производства и создания прочной кормовой базы для животноводства. III Пленум ЦК МНРП (март 1959 г.) конкретизировал это решение, поставив задачу освоить в 1959-1961 годах 300 000 га целины из 1783 000 га пригодных для пахоты земель, выявленных с помощью советских специалистов во время сельскохозяйственных экспедиций. Освоение целины началось весной 1959 года. В результате самоотверженного труда труженников сельского хозяйства МНР, большой организационной работы партийных, государственных и хозяйственных органов, а также помощи Советского Союза в 1959-1961 годах было поднято около 400 000 га целинных земель и, в основном, была решена проблема обеспечения страны собственным зерном. В связи с освоением целинных земель и кооперированием хозяйств сельской отрасли потребовались новые квалифицированные кадры.

Парторги колхозов, совхозов и государственных предприятий отправлялись в Советский Союз для изучения опыта ведения сельского хозяйства. Каждый колхоз или совхоз имел и директора, и парторга, который был менеджером-кадровиком с широкими полномочиями. Парторги и директора отправлялись для изучения управления кадрами, основных методов ведения сельского хозяйства. А именно, знакомились с планированием, материально-техническим снабжением, внедрением в народное хозяйство финансового контроля, статистикой, капиталовложением, трудоустройством, нормированием заработной платы, организацией социалистического соревнования и передовым опытом. ЦК МНРП постановил отправлять партийных райотников в места с похожими природными условиями такие, как Киргизская ССР и Бурятская АССР, Оренбургская область, Алтайский край. В 1963 году были направлены 56 директоров совхоза, 56 парторгов, 18 работников ЦК и правительства в колхозы и передовые хозяйства Казахской ССР, Читы, Оренбурга, Саратова и Иркутска [6]. В июне 1963 года 50 парторгов прибыли в Бурятскую АССР для изучения передового опыта на 10 дней. 14 партийных работников колхозов во главе с Сахия, заместителем Управления колхозов Монголии были отправлены в Саратов и Оренбург сроком на две недели. По приезду на родину они внедрились передовой опыт колхозов, которые посетили [7]. В этих колхозах каждый труженник, каждая бригада брали социалистические обязательства, лучших работников поощряли отправкой на учебу в институт или в техникум за счёт средств колхоза.

Необходимость повышения квалификации монгольских руководящих работников, инженерно-технического персонала обуславливалось следующими причинами:

1. В основном кадры по сельскому хозяйству готовили только в Монгольском государственном университете, незначительную часть – в Советском Союзе. Не было специальных курсов для повышения квалификации выпускников.

2. Сельское хозяйство в Монголии как отрасль начала развиваться только после 1921 года. Не было опыта ведения хозяйства по передовой технологии и технике. Нужно было всё создавать абсолютно с нуля, начиная с вербовки рабочих по ревсомольскому призыву. Директоров, замдиректоров колхозов и совхозов готовили на краткосрочных курсах в Улан-Баторе и аймачных центрах, но этого было недостаточно. Массовым специальностям и редким профессиям обучали также на краткосрочных курсах в СССР. За период с 1948 года по 1954 год 28 человек были направлены на курсы бонитировки, директоров госхозов, зоотехников по племенному делу, землеустроителей, гидрологов, специалистов по заготовке кормов, ветврачей биопромышленности, лабораторных техников, техников по стрижке овец. Они обучались новым профессиям на производстве, получали теоретические знания в лучших сельскохозяйственных институтах Советского Союза. Из МНР по программе повышения квалификации руководителей и специалистов госхозов и сельскохозяйственных объединений были направлены следующие специалисты: 9 специалистов по осеменению животных. 15 специалистов по изготовлению биопрепаратов, 6 специалистов по выращиванию злаковых. 3 специалиста по выращиванию овощных культур, 4 специалиста по садоводству и плодоводству, 7 специалистов по орошению, 6 – зоотехников станций, 24 начальника подстанций, 30 механизаторов и др. Всего с 1954 по 1957 год в Советский Союз было направлено 344 человека на курсы повышения квалификации сроком от 1 до 12 месяцев [2].

3. Для обучения современной технологии и эксплуатации технического оборудования, переоборудования лаборатории отправлялись ветврачи, лаборанты, специалисты, инженерно-технические работники. Например, в 1954 году поступило заявление об открытии станции по выращиванию плодово-фруктовых культур в Монголии на основе опыта Сибири. Для новой станции закупили 3 000 саженцев плодовых деревьев и 70 000 ягодных кустарников в Улан-Удэ, Иркутске и Красноярске и отправили работников в эти города для обучения новой профессии [4]. Для создания новой авторемонтной базы в 1954 году были направлены 10 рабочих на 45 дней для ознакомления и обучения новой технике на крупную авторемонтную базу Советского Союза [3]. В 1962 году ветврач Осоржамаа была направлена для изучения технологии производства сухих биопрепаратов на Кашицевский, Курский и Табахмельский биокOMBинаты сроком 6 месяцев. Она должна была по приезду предоставить расчеты по изготовлению диагностических средств и сухой противобруцеллёзной вакцины из штамма №19. Другой ветврач, Магалжав, также был отправлен для изучения биопрепаратов танкерным способом и изготовления средств для диагностики и профилактики бешенства, инфекционной аглактики овец [5].

4. Трансфер технологии из Советского Союза производился на абсолютно безвозмездной основе. Передача технической документации, технологии, обучение специалистов и работников-все предоставлялось в виде братской помощи. В 1960 году делегация из МНР поехала в Иркутск с целью изучения работы пункта приёма зерновых государству, где познакомилась с работой II Центра по приему хлеба, V Мелькомбината, Усть-Ордынской V базы и колхоза “Байкальск” [8]. По возвращении встал вопрос о создании на родине такого же пункта по приёму зерновых и пункта приёма овощей в Улан-Баторе, а также в центрах 18 аймаков. В связи с необходимостью создания завода по производству кормов в 1962 году была отправлена группа специалистов в Гусиноозёрск, Улан-Удэ и Иркутск на комбикормовые заводы для прохождения практики. За 15 дней они познакомилась с технологией, получили техническую документацию об оборудовании, планировке завода, численности персонала и бюджете [5]. Агроном Эрхэмбаяр был отправлен на 6 месяцев для изучения опыта возделывания кормовых культур, ознакомился с приёмами агротехники кукурузы, гороха, бобовых культур и свёклы на корм. Также ознакомился с поставкой семеноводства кормо-

вых культур, с организацией труда в передовых хозяйствах СССР, с опытом работ комплексных бригад и изучил принцип комплексной механизации. В 1963 году научные сотрудники Дуламжав и Чойжилжав были отправлены в Кемерово на курсы по пчеловодству. Им было дано задание: участвовать в работах определённой фермы летом, осенью, зимой, познакомиться со способами и методами повышения продуктивности пчеловодства, составить гербарий под руководством опытных ботаников и по приезду на родину выпустить брошюру “Пчеловодство в СССР” [5].

Практика и краткосрочные курсы были жизненно необходимы для народного хозяйства МНР. Каждый, кто обучался на краткосрочных курсах в Советском Союзе по возвращению на родину писал отчёт о том, как и чему обучался, и как будет внедрять изученный опыт на своём собственном рабочем месте. Краткосрочные курсы в Советском Союзе для руководящих работников сельского хозяйства сыграли огромную роль, так как за сравнительно короткий срок и за незначительные средства новым технологиям, новому методу ведения хозяйства обучались и обучились сотни монголов. Краткосрочные курсы в Советском Союзе были своего рода единственным местом, куда могла отправить свои руководящие кадры Монголия, которая тоже была «за железным занавесом»

Можно с уверенностью сказать, что практика повышения квалификации руководящих работников сельского хозяйства МНР на краткосрочных курсах в Советском Союзе, способствовала формированию собственных кадров сельского хозяйства, и стала образцом успешного сотрудничества между нашими народами.

Опыт переподготовки специалистов Монголии фактически не использовался в 90-е годы, но в начале XXI века Россия и Монголия постепенно возвращаются к использованию этого опыта. Так, в 2001 году в Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р.Филиппова прошли шестимесячную стажировку агрономы фонда земледелия Монголии [9].

В настоящее время распространена практика получения знаний и опыта зарубежом, но к сожалению часты случаи, когда специалисты, прошедшие переподготовку не используются эффективно на государственных предприятиях.

Примечания

1. СЭВ. МНР: эффективность братского содружества М., 1983. С. 46.
2. ЦАМ (Централ. архив Монголии). Ф.-15. Данс-2. X/н-13. С. 101.
3. ЦА МНРП (Централ. архив МНРП). Ф.-4. Данс-21. X/н-62. С. 32.
4. Там же. Данс-21. X/н-382. С. 39.
5. Там же. Данс-26. X/н-171. С. 271.
6. Там же. Данс-26. X/н-367. С. 144.
7. Там же. Данс-26. X/н-651. С. 120.
8. Там же. Данс-27. X/н-209. С. 177.
9. Зайцева Л. А., Карначев А. Е., Яковлев А. Л. Институт дополнительного профессионального образования и инноваций БГСХА им. В. Р. Филиппова. Улан-Удэ, 2008. С. 164.

УДК 792(571.54)“1945/...”

Семенова Е.Е.

РАЗВИТИЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В БУРЯТИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД THE THEATER OF BURYATIA IN THE POSTWAR PERIOD

В статье рассматриваются некоторые аспекты развития театрального искусства в Бурятии в послевоенный период. Замедлившиеся процессы в развитии театрального искусства

ва в годы Великой Отечественной войны, в послевоенный период были ускорены, но уже на качественно ином уровне. В 1948 г. в результате реорганизации возникли коллективы Бурятского, русского театров драмы и театр оперы и балета.

The article discusses some aspects of theatrical art in Buryatia in the postwar period. Slow down the process in the development of theatrical art in the Great Patriotic War, the post-war period have been accelerated, but a qualitatively different level. In 1948, as a result of the reorganization of any groups Buryat, Russian Drama Theatre and Opera and Ballet Theatre.

Ключевые слова: клуб, Бурятия, театр, культбаза, Дом культуры, артист, концерт.

Keywords: club, Buryatia, theater, kultbaza, House of Culture, the artist, the concert.

В системе культурно-просветительных учреждений Бурятии, как и в целом СССР, центральное место принадлежало клубным учреждениям – Домам культуры, клубам, избам-читальням, красным уголкам, красным юртам. В клубах и Домах культуры оживилась кружковая работа, проводились лекции и читательские конференции, молодежные вечера, устраивались интересные концерты. Бригады художественной самодеятельности аймачных Домов культуры, артисты театров и филармонии ставили пьесы и концерты колхозах, совхозах, МТС и на промышленных предприятиях.

В колхозе улуса Ноехон Селенгинского аймака в 1954 г. возникли культбазы, получившие распространение в республике. Культбаза – это комплекс культурно-бытовых объектов: жилые помещения, красный уголок или клуб с библиотекой, радио, музыкальными инструментами, помещением для демонстрации кинокартин, проведения лекций, совещаний и других культурно-массовых мероприятий, спортивная площадка, торговая точка, баня. В условиях территориальной разбросанности производственных точек: ферм, гуртов и отар – культбаза создавала необходимые материально-бытовые условия для проведения регулярной культурно-просветительной работы среди животноводов. К началу 1957 г. в колхозах Бурятии уже функционировало более ста культбаз [1, с. 359].

Однако общее состояние некоторых культурно-просветительных учреждений республики не отвечало требованиям. Клубы были плохо оборудованы, недостаточно обеспечены культинвентарем и мебелью. Подавляющее большинство культпросветработников не имело специального образования и достаточной образовательной подготовки. Например, в Заиграевском аймаке за 1951 г. многие колхозные клубы и избы-читальни находятся в запущенном состоянии; не отремонтированы, не имеют необходимого оборудования, не отапливаются. Часть клубных помещений, систематически используется для различных хозяйственных нужд [2, л. 146].

«...Аймисполком не принял мер к укреплению культпросветучреждений необходимыми кадрами. До сих пор многие колхозные клубы и избы-читальни не укомплектованы заведующими. В ряде колхозных клубов и изб-читальных работают лица с низкой общеобразовательной подготовкой. Так, из 15 заведующих клубами и избами-читальнями 8 имеют начальное образование. Допускается большая текучесть кадров культпросветучреждений. За 1951 г. сменилось 10 заведующих избами-читальнями и сельскими клубами, что составляет 40% к общему составу...» [2, л. 147].

Первые послевоенные годы для театрального искусства республики были периодом интенсивного развития, приведшего к созданию новых творческих коллективов. В 1945 г. в республике функционировали Бурят-Монгольский музыкально-драматический и колхозно-совхозные театры, а также Русский театр юного зрителя.

В сезоне 1945-1946 гг. драматическая труппа музыкально-драматического театра пополнилась актерами, вернувшимися с фронтов Великой Отечественной войны, Г.Ф. Лосевым, А.И. Баженовым, Д.Д. Дондуковым, Ж.И. Ивановым, М.М. Мажаровым, С.Б. Рабсаловым, С.И. Ринчиновым, и успешно показала ряд крупных спектаклей [1, с. 400].

В 1950 г. музыкально-драматический театр был разделен на театр оперы и балета и передвижной драмтеатр. Затем труппы драмтеатра слились с труппой колхозно-совхозного театра и на этой основе сформировался театр бурятской драмы.

Став специализированным, театр оперы и балета поставил классические произведения, а также интересные оперные спектакли «На Байкале», «У подножья Саян», «Побратимы» Д.Аюшеева, которые проходили при полном зрительном зале. Они представляли значительное событие культурной и оставляли у слушателей незабываемое эстетическое впечатление. Не менее интересными были балетные спектакли «Красавица Ангара» Л.Книппера и Б.Ямпилова, «Свет над долиной», «Во имя любви» Ж.Батуева и В.Мейзеля, они проходили на сцене театра оперы и балета ордена Ленина при аншлаге. Были и другие прекрасные произведения искусства, также получившие широкое признание зрителей. На сцене театра выступали выпускники ленинградской консерватории Л.Линховоин, Д.Кыштымова, Н.Петрова, Г.Синюшкин и др.

В 1952 г. театр переезжает в новое здание, выполненное в национальном стиле и построенное в центре города по проекту архитектора А.Федорова.

Театральный коллектив Бурятского театра драмы был образован в 1948 г., в течение полутора лет непрерывно разъезжал по республике со спектаклями и концертной программой, пока в мае 1950 г. правительственным постановлением не был открыт Бурятский передвижной театр драмы [1, с. 405].

Бурятскому театру драмы в 1959 г. было присвоено имя писателя Х. Намсараева.

В 1948 г. театр юного зрителя был реорганизован в Русский драматический театр. Последующее десятилетие в театре определялся постоянный костяк труппы, начинал складываться репертуар, который отличался многожанровостью: от водевиля и сатирической комедии до героической драмы. Кроме классического репертуара, театр делает попытки создать спектакли о Бурятии.

В оперных, балетных и драматических спектаклях, а так же в кинофильмах исполняли роли талантливые артисты, имевшие почетные звания «Народный артист СССР», «Народный артист РСФСР», «Народный артист Бурятской АССР». В 1958 г. звания «Заслуженный артист Бурятской АССР» и «Заслуженный артист РСФСР» имели 39 человек, звания «Народный артист Бурятской АССР» и «Народной артист РСФСР» - 7 человек.

В 1958 г. Президиум Верховного Совета Бурятской АССР установил звание «Заслуженный работник культуры Бурятской АССР». После Всероссийского общественного смотра работ культурно-просветительских учреждений, это почетное звание было присвоено 25 работникам культуры. Почетной грамотой награждены 16 человек. 38-ми культурно-просветительным учреждениям вручены дипломы: «Лучший Дом культуры», «Лучший клуб», «Лучшая библиотека», «Лучший кинотеатр».

Событием общественно-политического значения для республики явилось празднование в 1959 г. 300-летия вхождения Бурятии в состав Российского государства, в ознаменование которого за достигнутые успехи в хозяйственном и культурном строительстве, республика была награждена орденом В.И.Ленина. Этот юбилей прошел как большой праздник дружбы русского и бурятского народов. В торжествах, посвященных этому событию, приняли участие правительственные делегации СССР и РСФСР, делегации многих автономных республик, краев, областей Российской Федерации. В связи с этим юбилеем в Улан-Удэ прошли Дни русской культуры, а в Москве была проведена вторая Декада литературы и искусства Бурятской АССР, продемонстрировавшая замечательные успехи в развитии национальной культуры.

Развитие театрального искусства Бурятии в послевоенный период характеризуется значительным повышением уровня профессиональной зрелости всех творческих коллективов республики. Если в 1950 г. театры республики посещало 210 тыс. зрителей, то в 1957 г. – 369,9 тыс. [3, с. 223]. Что свидетельствовало о значительном росте театральной культуры,

а так же общественный подъем того времени содействовал становлению творчества деятелей литературы и искусства нового времени.

Примечания

1. Очерки истории культуры Бурятии. Улан- Удэ, 1974.
2. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. Р -248. Д. 721.
3. Народное хозяйство Бурятской АССР : стат. сб. Улан- Удэ, 1963.

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 378:63

Дамбаев Д.Н.

НАЧАЛО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

THE BEGINNING OF DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL EDUCATION IN RUSSIA (THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY)

В статье рассматривается проблема становления сельскохозяйственного образования в России в пореформенный период, как одной из составных частей крестьянского образования, раскрывается отношение государства, земств и частных лиц к формированию системы сельскохозяйственного образования.

In article the problem of formation of an agricultural education in Russia during the post-reform period as one of a necessary component of country education, shows the attitude of the state, zemstvos and individuals to formation of system of an agricultural education is considered.

Ключевые слова: сельскохозяйственное образование, крестьянский быт, учебные заведения, сельское хозяйство.

Key words: Agricultural education, country life, educational institutions, agriculture)

Вопрос о развитии сельскохозяйственного образования в пореформенный период остро встал перед российским правительством. Успешное решение данного вопроса должно было привести к улучшению сельскохозяйственного быта населения в указанный период.

Ещё в дореформенное время в первой трети XIX в. начинает развиваться профессиональное сельскохозяйственное образование. В рамках Министерства государственных имуществ (МГИ) был создан Департамент сельского хозяйства, который курировал все сельскохозяйственные учебные заведения в России [1]. В это же время появляются первые периодические издания по сельскому хозяйству, такие как «Земледельческая газета», «Журнал Министерства государственных имуществ» (с 1865 г. - «Сельское хозяйство и лесоводство»), «Губернские ведомости» и др. В изданиях освещались и пропагандировались лучшие агрономические методы и новации по ведению сельского хозяйства [2]. Фактически первым историографом сельскохозяйственного образования в России выступил Департамент сельского хозяйства. Именно он издал в 1855 г. обобщающий труд о деятельности сельскохозяйственных учреждений. В дальнейшем он также собирал и анализировал материалы о состоянии вышеупомянутых учебных заведений [3].

Помимо распространения специальных знаний были и другие пути улучшения крестьянского быта. Одни предлагали реформирование налоговой системы и аграрного законодательства, оказание кредитной поддержки, другие предлагали поднять доходный бюджет крестьянских хозяйств. Это должно было привести к успешному развитию крестьянского хозяйства, что благоприятно повлияло бы на социально-экономическое положение страны.

Во время реформ 1860-1870-х гг. на становление сельскохозяйственного образования большое влияние оказывала земская общественность. Благодаря деятельности земств, помощи общественных учреждений и частных лиц уровень грамотности крестьян заметно возрос. Русский ученый-агроном И.А. Стебут писал, что «вопрос о сельскохозяйственном образовании начал особенно интересоваться российское общество, когда освобождение крестьян от крепостной зависимости внесло изменения в условия русского хозяйства, яснее обнаружило необходимость специального знания для успешного ведения хозяйства» [4]. На необходимость сельскохозяйственного образования указывали и крупные землевладельцы. По утверждению одного из помещиков Смоленской губернии С. Ф. Шарапова: «...всякое элементарное образование деревенского мальчика должно носить непременно сельскохозяйственный

характер, а потому и каждая сельская школа должна быть, в первую очередь, низшей сельскохозяйственной школой» [5].

Первые элементарные сельскохозяйственные знания дети крестьян получали в начальных народных училищах, где к основным предметам учебного плана относились: Закон Божий, церковно-славянская грамота, чистописание и арифметика. По инструкции Министерства народного просвещения о деятельности сельских училищ от 4 июня 1875 г., кроме основных предметов, разрешалось вводить дополнительные занятия по садоводству, огородничеству и пчеловодству, на собственное усмотрение самих училищ.

В 1878 г. на V Всероссийском съезде сельских хозяев говорилось о необходимости создания сельскохозяйственных школ и преподавания основ сельского хозяйства в народных училищах. Эту идею поддерживали многие губернские и уездные земства, а также и частные лица. В связи с этим ими было предложено ряд проектов по решению данного вопроса. Так, например, некоторыми помещиками было предложено создание образцовых ферм, где наглядно демонстрировалось более эффективное ведение крестьянского хозяйства.

В 1880-е гг. правительство уделяло большое внимание проблемам профессионального образования, в том числе и сельскохозяйственного. В декабре 1883 г. было принято «Нормальное положение для учреждения низших сельскохозяйственных школ» [6]. Согласно данному положению эти школы делились на два разряда и по составу преподавания: на общие – для изучения сельского хозяйства в целом и специальные – для изучения отдельной сельскохозяйственной отрасли. Это положение облегчало открытие таких школ общественным организациям, прежде всего земствам и частным лицам.

В этом же году в министерство государственных имуществ поступило более 150 ходатайств от различных обществ и частных лиц об открытии низших сельскохозяйственных школ [7]. И уже через год, согласно Нормальному положению было открыто пять сельскохозяйственных школ общего характера в разных губерниях России: Кучеровская и Марьинская в Курской губернии, Приютская в Тверской губернии, Воздвиженская в Черниговской губернии, Завиваловская в Пензенской губернии. К концу 1880-х гг. всего было открыто 19 школ, среди которых преобладали узкоспециальные школы-мукомолов, пчеловодов, садоводов, молочного хозяйства.

В 90-х гг. XIX в. под влиянием общественного мнения в Министерстве народного просвещения стали обсуждаться проекты учебных программ по сельскохозяйственным предметам. Министерства земледелия и государственных имуществ поддержали данную инициативу, видя в ней безусловную пользу для развития крестьянских хозяйств. При содействии этих ведомств были организованы специальные сельскохозяйственные курсы для народных учителей. Отличившимся учителям была выделена материальная помощь на общую сумму около 8 тысяч рублей [8].

С 1891 г. в Министерстве народного просвещения вопросами сельскохозяйственного образования занимались отдельные комиссии. Однако между ними затянулась многолетняя дискуссия. Одни из них предлагали устроить сельскохозяйственные отделения при двухклассных сельских училищах с преподаванием в них полеводства. Другие настаивали на сохранении общеобразовательного характера сельских школ. Третьи считали необходимым введение практических занятий по сельскому хозяйству в народных школах за счет устройства на пришкольных участках садов, огородов, пасек. В этих условиях многие сельские школы пошли по пути самостоятельной организации сельскохозяйственного обучения крестьянских детей.

Следует отметить тот факт, что сельскохозяйственные школы, данного периода, мало соответствовали своей поставленной цели. Дело в том, что выпускники этих школ после окончания обучения трудоустроивались не по своей специальности. Большинство работали в статистических учреждениях, кредитных товариществах, земствах, редко в частных хозяйствах. Вследствие этого, в некоторых правительственных и общественных кругах сложилось

негативное мнение об использовании общеобразовательной школы для распространения сельскохозяйственных знаний.

В 1896-1898 гг. Государственный совет признал очень полезным практику распространения и устройства преподавания сельского хозяйства в начальных школах и рассматривал возможность их финансирования из государственных средств, и в 1902 г. в ученых заведениях по подготовке учителей было введено преподавание основ сельского хозяйства.

Отсутствие специальных учебных программ по сельскохозяйственному обучению в сельских училищах, церковно-приходских школах и школах грамотности привело к тому, что крестьянство изыскивало другие пути по приобретению сельскохозяйственных знаний. В связи с этим, самообразование сыграло решающую роль. Стремление крестьян улучшить свое сельскохозяйственное производство подтолкнуло их к самостоятельному изучению специализированной литературы.

Таким образом, во второй половине XIX в. в государственных сельских школах обучение было направлено исключительно на религиозный и общеобразовательный характер. В таких условиях внешкольное сельскохозяйственное обучение выполняло основную роль проводника специальных знаний среди крестьянства. Не существовало пособий, учебных программ по преподаванию сельского хозяйства в народных школах. Только в 1890-х гг. были организованы сельскохозяйственные подготовительные курсы для учителей сельских школ.

Система сельскохозяйственных заведений в России сложилась в конце XIX-начале XX вв. и включала в себя низшие, средние училища и сельскохозяйственные отделения при общеобразовательных школах. Все это подготовило основу для создания в стране профессионального высшего сельскохозяйственного образования.

Примечания

1. Книга М. Д. Реформа П.Д. Киселева и сельскохозяйственное просвещение // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века : сб. ст. Коломна, 2013. С. 32.
2. Волков А. В. Становление и развитие профессионального сельскохозяйственного образования в России: XIX – начало XX века // Вестн. Пензен. ГПУ. 2008. № 4(23). С. 153.
3. Там же. С. 154.
4. Стебут И. А. Сельскохозяйственное знание и сельскохозяйственное образование //Собр. соч. : в 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 542.
5. Кочеткова Е. А. Из истории сельскохозяйственного образования крестьян во второй половине XIX века // Изв. Оренбург. ГАУ. 2005. № 6-1. С. 102.
6. Есикова М. М. Сельскохозяйственное образование в России (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Власть. 2010. № 7. С. 151.
7. Там же. С. 152.
8. Кочеткова Е. А. Указ. соч. С. 101.

УДК 294.321:94(47)

Крайнова Л.Н.

ПРОБЛЕМЫ ВЫСТРАИВАНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ БУДДИСТАМИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В.

THE PROBLEMS OF BUILDING THE RELATIONS BETWEEN THE BUDDHISTS OF EASTERN SIBERIA AND THE CENTRAL AUTHORITIES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XIX CENTURY.

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Международный проект №15-21-03007 «Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века: история, политика, экономика». Руководитель: Суходолов А.П.

Исполнители: Василенко В. А., Крайнова Л. Н., Папонова Д. А., Кузьмин Ю. В., Манжигеев А. Ф. Года выполнения: 2015-2016 гг.

В статье рассматривается проблема взаимоотношений буддистов Восточной Сибири и светской власти России в XIX в. Необходимо было ограничить влияние буддийского духовенства в приграничных с Цинской империей районах. Эта проблема была решена с помощью документа «Положение о ламаистах Восточной Сибири 1853 г.»

The article is concerned with the relationship between Buddhists and Russian secular power in Eastern Siberia in the 19th century. It was necessary to limit the development of Buddhist clergy in the border areas with the Ch'ing Empire. The problem was solved with the introduction of a law entitled Regulation Concerning Lamaist Clergy in Eastern Siberia 1853 г.

Ключевые слова: буддийская церковь; ламаизм; Восточная Сибирь.

Keywords : Mongolia's Buddhist Church; Lama Church; Southern Siberia.

Буддизм на территории Восточной Сибири начал распространяться еще в начале XVII века. После вхождения Сибири и подписания в 1789 г. Нерчинского договора России и Китая о границе, появилась необходимость урегулирования отношения с местными народами, в том числе и буддистами, населяющую эту территорию. И если в середине XVIII века данная проблема в силу удаленности территории от центра России не стояла остро перед российским правительством, то в начале XIX века не замечать данной проблемы было уже невозможно.

Перед правительством Российской империи встала проблема выстраивания отношений с местным населением, влияние на которое буддийского духовенства было весьма велико.

Особенность выстраивания этих отношений состояла еще и в том, что маньчжурское правительство Цинской империи рассматривало буддистов на северных рубежах своей территории как своих подданных. Наблюдалось с распространением буддизма на данной территории и другое явление, которое вызывало явное опасение у тех, кто управлял этими территориями, что видно из переписки чиновников: «в связи с наблюдающимся в пределах Монголии и Иркутской губернии стремление монгольских рас к осуществлению возникшей между ними идеи культурного панмонголизма» [1]. Поэтому проблема отчуждения данных территорий в пользу Китая не была столь уж призрачной. Защищать столь обширные территории своей империи силой, у России просто не было возможностей, тем более что местное население, являясь кочевниками, свободно мигрировали. Оставался только один путь сохранить эти народы под своей рукой – путь выстраивания мирных отношений через тех, кто пользовался у людей наибольшим уважением – через духовенство.

Нужно было найти пути подчинения ламаистского духовенства Восточной Сибири правительству Российской Империи [2, с. 379].

Как отмечает Васильев В.П. «у нас эта вера, конечно, имеет права на особенно расположение; но заботливое правительство не отказывает и ей не только в возможном внимании, но и покровительством, насколько оно хочет успокоить умы и дух тех своих подданных, посреди которых водворилась эта вера» [3].

Нужно отметить тот факт, что отношение к буддистам Восточной Сибири царского правительства складывалось несколько иначе, чем с калмыками в Поволжье. Так, например, к ламаистам иркутских бурят отношение было более жесткое, чем к буддистам Бурятии.

До середины XIX в. вероисповедные дела бурят относились к ведомству учреждений иностранных дел (Посольский приказ, Посольская канцелярия, Коллегия и Министерство иностранных дел (МИД)). С 1841 дела ламаистской конфессии изъяты из ведомства МИД и переданы Главному управлению Восточной Сибири [4].

Вероисповедные дела бурят-ламаистов регламентировались «Инструкцией пограничным дозорщикам 1728», Уставом об управлении инородцев (1822). В 1852 генерал-губерна-

тор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский предложил свой проект, который был обсужден в департаментах МВД, Сибирском комитете Сената и утвержден царем в 1853 г. [5].

Царское правительство занялось вероисповедальными делами коренного населения Бурятии после административной реформы М.М. Сперанского в 1822 г. Генерал-губернатор вновь образованной Иркутской губернии – А.С. Лавинский первый обратил внимание на причины сокращения казенных сборов: бесконтрольное и быстрое развитие ламаизма, многочисленность духовенства, многочисленность духовенства, поборы которого разоряют население... Он указал на растущие зарубежные связи ламства, которые частично осуществляются легально. По его распоряжению был составлен проект ограничительных правил для ламаистского духовенства Забайкалья. Однако, после изучения в Петербурге были отклонены, так как опасались, что произойдет миграция населения на территорию Цинской империи.

В результате долгих исследований ситуации в регионе в 1953 г. был принят исторический документ – «Положение о ламаистах Восточной Сибири»

Основная задача «Положения о буддистах Восточной Сибири» - отрегулировать взаимоотношения центральной и местной власти с бурятским ламаистским духовенством» [6]. Кроме того, данным документом «положены преграды у бурят к беспорядкам» которые имели место быть «между духовенством сего народа». Еще одной причиной ведения в действие данного Положения явилось «чрезмерное размножение числа духовных от безнужного поступления в сие звание мирян, в явный ущерб материальному и нравственному благосостоянию большей массы населения, побудило Правительство принять меры к возможному уменьшению числа ...духовенства» [7]. Впоследствии, в 1905 г. документ был пересмотрен и изменен в нескольких пунктах, которые касались судебных вопросов внутреннего характера. Важность этого документа для Восточной Сибири объясняется тем, что до революции территория Восточной Сибири являлась центром распространения буддизма в России. Поэтому именно здесь был составлен документ, который должен был регламентировать религиозную деятельность ламаистского духовенства, авторитет которого был очень высок среди местного населения, и не считаться с этим авторитетом царское правительство не могло.

«Положение о ламаистах Восточной Сибири» состоит из 68 параграфов. Значение введения документа на данной территории состояло в том, что оно позволило российскому правительству: централизовать административный аппарат управления ламаистской церковью путем сосредоточения власти в руках хамбо-ламы и подчинения его Иркутскому генерал-губернатору. Правительство так же контролировало личный состав управления дацанов и количество принявших монашеский обет. Введение данного документа на территории Восточной Сибири позволило приостановить рост численности монахов, ограничить экономические возможности дацанов и, следовательно, воспрепятствовать распространению панмонгольских настроений. «Положение 1853 г.» имело огромное значение в урегулировании отношений между центральными властями и местным населением Иркутской губернии, способствовало укреплению позиций России на данной территории и ограничило влияние буддийской церкви Монголии, и как следствие, цинских властей. Данный документ известен историкам, занимающимися историей буддизма Восточной Сибири, и был подробно изучен в советской историографии. [8]

Положение 1853 г. утвердило 34 дацана и 285 штатных лам при них, 2 должности – Хамбо-лама и Ширетуй (настоятель монастыря) [9].

В соответствии с данным Положением все духовенство Восточной Сибири делилось на шесть степеней. Во главе верующих буддистов стоял Бандидо Хамбо, который заведовал религиозными делами, дацанами и ламами [10]. Бандидо Хамбо подчинялся «...непосредственно Департаменту иностранных исповеданий Министерства Внутренних Дел, а отчетностями обязан перед Военным губернатором и Генерал-Губернатором» [11]. На него не только возлагалось управление и заведывание Буддийским духовенством, но ответственность за надлежащее исполнение всех пунктов данного Положения [12].

Избирался Бандидо Хамбо из трех претендентов. Важным условием для занимаемой должности были не только необходимые для этого знания и качества, но и обязательное владение русским языком [13].

Это условие, казалось бы, естественное для сегодняшнего дня, в конце XIX – начале XX века, было весьма проблемным явлением, так как буддистские священниками были либо выходцы из местного населения, которые русским языком не владели или владели плохо, либо монгольские ламы, которые читали по монгольски и тибетски, но не владели русским языком. Об этом говорит и тот факт, что многие документы, хранящиеся в архиве и касающиеся переписки ширетуев и лам, как правило, написаны одной рукой (подчерк, нажим пера, цвет чернил), подписи же под ними разные и выглядят так, как будто человек, поставивший подпись, не умеет писать, или пишет как ученик младших классов: старательно выводя первые буквы и уставая на последних.

Выборы Бандидо-Хамбы проходили в городе Верхнеудинске (современный центр республики Бурятия – Улан-Удэ). Они производились лицами, которые избирались из прихожан каждого дацана, «без различия инородческого и казачьяго сословий, одного духовного и одного светского почетного представителей, уполномоченными ламами и прихожанами данного дацана, имеющими законную доверенность» [14].

В подчинении Бандидо Хамбо находились все дацаны и ламайское духовенство. Во главе каждого дацана стояли Ширетуи, которые, как и ламы, находились в непосредственном подчинении Бандидо Хамбы Ламы [15]. На него возлагалось заведывание своим дацаном и управление подчиненными ему ламами, «а равно проживающими при дацанах светскими лицами, исполняющими религиозные обеты: гелуна, гелуца и варма рабжуна, чтобы в точности ими исполнялись правила настоящего положения» [16].

Стоит отметить что, роль Бандидо-Хамбо в жизни местного населения была столь высока, что по своему положению, со стороны русских властей, в соответствии с «Положением о ламайском духовенстве» он приравнивался к архиереям православного духовенства. Бандидо Хамбо предоставлялось право собирать в духовном правлении съезды из Ширетуев всех вверенных дацанов и светских почетных представителей от каждого ведомства, для обсуждения важных религиозных вопросов и хозяйственных нужд бурят [17].

Положение 1853 г. запрещало строить новые дацаны, производить сбор средств и расходовать их на культовые нужды без подачи спец. ходатайств, утвержденных местными бурятскими властями, Генерал-губернатора и Министерством внутренних дел в Петербурге [18]. Постройка каждого нового дацана согласовывалась с Министром Внутренних Дел через местную администрацию по ходатайству Бандидо-Хамбы. На каждый дацан предоставлялся план, смета расходов с обоснованием постройки и расходов связанных с оной. Сумма расходов на строительство должна была быть такой, чтобы не быть обременительной для прихожан [19]. Всякая пристройка к дацану производилась после согласования и с разрешения Военного Губернатора Забайкальской области. Ремонты, изменение планов дацанов и сумэ осуществлялось с разрешения Бандидо Хамбо [20]. Произвольная постройка дацанов и сумэ воспрещалась и в случае обнаружения таковых, подвергались уничтожению, а виновные предавались суду [21].

Каждый дацан имел в собственности определенное количество десятин земли «из инородческих, казенных пустопорожных и Кабинетских земель того уезда, в котором таковые находятся» [22]: Бандидо-Хамбо отводилось пятьсот десятин, Ширетуем по 200, ламам по 60 и ученикам по 15 десятин.

Количество земли, принадлежащей дацану, и ее качество могло быть разным. Например, при Аларском дацане имелось «отмежованной земли: удобной 1115 десятин и неудобной 9 десятин 2215 сажень, а всего 1124 десятины 2215 сажень» [23]. Данный надел был разделен на 7 участков, которые включали в себя территорию непосредственно самого дацана, покосы, пашни, лесные зоны (в том числе и дровяной лес), ручьи, пастбища. Большая часть земли от-

давалась в аренду на сроки до 40 лет. За год монастырь «через отдачу в аренду земли» получал дохода 138 рублей [24].

Духовные лица не должны были иметь никакой собственности и содержаться должны были, так же как и дацаны, за счет пожертвований мирян. При вступлении в ламайское духовенство, послушник должен был отказываться от всего своего состояния в пользу родителей, или иных родственников [25]. Если же лицо духовного звания не соглашалось лишиться собственности, то они должны были выбыть из духовного звания в светское [26]. Такие случаи не являлись исключением и имели место быть. Как правило, в монастырь старались попасть младшие сыновья, для которых получение наследства было маловероятным. Но в случае смерти старших братьев младшие отказывались от духовного звания так как оставался «единственной поддержкой ... дряхлого отца и опорой его в ведении обширного хозяйства; вследствие чего...принужден выйти из духовного сословия» [27].

Таким образом, введенное в 1853 г. «Положение о ламаистах Восточной Сибири» явилось документом, который определял порядок взаимоотношения светских местных и центральных властей России и буддистов Восточной Сибири. Однако стоит обратить внимание, что целью данного документа было не ограничение религиозных прав верующих, а власть буддийского духовенства и как следствие – панмонгольских настроений, не допустить влияние цинских властей через духовных феодалов Монголии, как проводников политических интересов Цинского правительства на территории России.

Примечания

1. Дело об увольнении в отпуск разных лиц ламайского духовенства // ОГКУ ГАИО (Обл. гос. казенное учреждение Гос. архив Иркут. обл.). Ф. 25. Оп. 10. Ед. хр. 223. Картон 995 Л. 64.
2. Крайнова Л. Н. Роль православного духовенства России в изучении буддийской церкви Монголии в XIX – начале XX века // Европ. журн. соц. наук. 2013. № 9 (36), т. 2. С. 379-384.
3. Васильев В. П. Записка об отношениях буддийского духовенства к мирянам и гражданской власти // ОГКУ ГАИО. Ф. 24 (Главное Управление Восточной Сибири). Оп. 9. Ед. хр. 32. Картон 1735. Л. 4–18 (Дело по отношению Министра Внутренних Дел с препровождением двух проектов Профессоров Попова и Васильева об устройстве Ламайского духовенства).
4. Нестеркин С. П. Положение о ламаистах Восточной Сибири // Сибирская энциклопедия. URL : <http://russiasib.ru/polozhenie-o-lamaistskom-duhovenstve-v-vostochnoj-sibiri-1853-g/> (дата обращения: 05.02.2015).
5. Там же.
6. Жуковская Н. Л. Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири. URL : <http://buddhist.ru/dictionary/36/1207-polozhenie-o-lamajskom-duhovenstve-v-vostochnoj-sibiri-1853-g> (дата обращения: 05.02.2015).
7. ОГКУ ГАИО (Обл. гос. казенное учреждение Гос. архив Иркут. области). Ф. № 24. Оп. 9. № 32, картон 1735 (Дело по отношению Министра Внутренних Дел с препровождением двух проектов Профессоров Попова и Васильева об устройстве ламайского духовенства).
8. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века: структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова [и др.]. Новосибирск : Наука, 1983. С. 27–32.
9. Жуковская Н. Л. Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири.
10. ОГКУ ГАИО. Ф. 25. Оп. 30, к. 1395. Д. 41 (Копия положения и переписка о Буддистах Восточной Сибири. §2, п.1).
11. Там же. §5.
12. Там же. §6.
13. Там же. §8.
14. Там же.
15. Там же. §17.
16. Там же. §16.
17. Там же. Л. 11, об.

18. Жуковская Н.Л. Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири.
19. ОГКУ ГАИО. Ф. 25. Оп. 30, к. 1395. Д. 41 (Копия положения и переписка о Буддистах Восточной Сибири. §34).
20. Там же. §30.
21. Там же. §35.
22. Там же. §49.
23. ОГУ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. № 42 (Отчет о состоянии Аларского дацана Балаганского округа Иркутской губернии за 1890 г.).
24. Там же.
25. ОГКУ ГАИО. Ф. 25. Оп. 30, к. 1395. Д. 41 (Копия положения и переписка о Буддистах Восточной Сибири. , § 49).
26. Там же. §50.
27. ОГУ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10, №. 223, картон 995 (Дело об увольнении в отпуск разных лиц ламайского духовенства).

УДК 392.3(=512.31)

Очиров В.О.

ИНСТИТУТ ОТЦОВСТВА В ТРАДИЦИОННОЙ БУРЯТСКОЙ СЕМЬЕ INSTITUTE OF PATERNITY IN A TRADITIONAL BURYAT FAMILY

Статья посвящена изучению роли и места мужчины-отца в бурятской семье в дореволюционный период. Рассматриваются статус главы семейства, внутрисемейные отношения между отцом и сыновьями. Определяется роль и значение отца в воспитании сыновей, в прививании им навыков ведения традиционного хозяйства.

This paper is devoted to studying the role and place of the father in the Buryat family in pre-revolutionary period. The status of the head of the family, family relationship between the father and sons are considered. The role of the father in the process of upbringing of sons, and forming the skills of running the traditional economy household is defined.

Ключевые слова: отец, сын, охотник, рыболов, скотовод, кузнец.

Keywords: father, son, hunter, fisherman, herdsman, blacksmith.

В последнее десятилетие в отечественной этнографии отмечается растущий интерес к гендерным исследованиям. В современных реалиях в условиях ослабления отцовского начала (безотцовщина) и произошедшей смены социокультурных стереотипов маскулинности и феминности, особый интерес вызывает исследование эволюции мужских ролей, поведения и стиля жизни. В традициях бурятского народа роль и место отца всегда было значительным, поэтому рассмотрение положения и анализ статусно-ролевых функций мужчины-отца в бурятской семье в XIX-начале XX веков представляется особенно актуальным.

Мужчина в традиционном патриархальном обществе бурят выполнял несколько гендерных ролей. Наряду с традиционно сложившимися ролями – кормильца, добытчика и защитника семьи – мужчина выполнял также роль сына, мужа и отца.

Человек уже с момента рождения становился объектом воздействия системы гендерных отношений и начинал усваивать и воспроизводить стандарты и установки, связанные с его половой принадлежностью. Вплоть до совершеннолетия в жизни бурятского мальчика происходил процесс мужской социализации и становления мужского самосознания. Важнейшим звеном в формировании маскулинных ценностей и моделей мужского образа жизни выступал институт отцовства.

У бурят XIX - начала XX вв. фигура отца имела высокий статус и возводилась в культ, никто в семье не смел пренебрегать отцовскими заветами и наказаниями, а неповиновение воле отца расценивалось как величайший грех. В своем поведении он демонстрировал черты, которые свойственны настоящему мужчине – силу, ум, уверенность в себе. Поэтому отец ока-

зывал сильное воздействие на развитие у сыновей маскулинных качеств – мужественность, смелость, решительность, стойкость.

Мужчина у бурят обеспечивал семью пропитанием. К мужской сфере деятельности относились: добыча зверя, пастьба, обработка земли, обмен, купля и продажа, согласование с остальными членами рода сроков, выбора направления кочевья, погрузкой и разгрузкой семейного скарба, установление юрты, участие в обсуждении, организации и проведении родовых жертвоприношений (тайлганов), облавных охот, общественных праздников. Как глава семейства, отец заботился о том, чтобы подготовить себе смену, поэтому рождение сына было большим событием в жизни бурятского мужчины. Он приобщал сына к физической работе, хозяйственной деятельности: охоте, рыбной ловле, скотоводству, работе в кузнице, домостроительству; воспитывал в сыне смелость и мужество; знакомил с окружающим миром.

По мере вхождения сына в мужскую хозяйственную сферу он постепенно переходил под опеку своего отца. Буряты считали, что только под присмотром отца сын может стать достойным человеком. Как писал Б.Э. Петри, влияние умного отца имело глубокое воспитательное значение для мальчика [4, с. 6]. В данном случае речь идет о вертикальной мужской социализации, когда отец формирует мальчиков. Горизонтальная же в свою очередь подразумевает социализацию в обществе сверстников.

С ранних лет отец приобщал сыновей к труду. Это было связано, во-первых, с важностью передачи им с детского возраста, необходимых знаний и навыков о хозяйственной жизни; во-вторых, дети являлись дополнительной рабочей силой в хозяйстве; и в-третьих, это способствовало физическому развитию мальчиков.

Поскольку у бурят превалировало скотоводческое хозяйство, то главной задачей отца было обучить сына подготавливать скот к гону и отелу, способам лечения скота от болезней, разделять тушу скота в период забоя; знать места тебеневки, правильно выбирать пастбище; знать нормы кормления скота. Также он знакомил сыновей с повадками скота; учил пользоваться традиционными средствами передвижения: телеги, сани; ездить верхом на лошади, правильно ухаживать за ней (учились запрягать и распрягать ее) [1, с. 22-29].

В районах, где широко была распространена охота, отец играл важную роль в становлении молодого охотника. Ему на охоте отводилась роль инструктора. Как отмечает С. Г. Жамбалова, в облавной охоте взрослых мужчин (отца или деда) сопровождали подростки [2, с. 107]. От отца сыновья получали необходимые знания об охоте: о повадках зверей и птиц, о правилах безопасности во время охоты, пользоваться огнестрельным оружием, стрелять из лука, ставить капканы, ловушки (петли, ледянки, плашки, силки, ямы), определять следы зверей, обрабатывать и транспортировать продукции промысла.

Поскольку на территории этнической Бурятии расположено множество рек и озер, то свое развитие получило и рыболовство. От отца мальчики узнавали, какие виды рыб водятся в реках и озерах, сведения о путях их миграции. Он знакомил со способами добычи рыбы, с приемами обработки рыбы, а также с различными приметам, указывающими, где и когда лучше ловить рыбу.

Мужское население занималось различными ремеслами: кузнечным, седельным, кожевенным, шорным, бондарным, изготовление войлока. Кузнечество являлось самым древним ремеслом и почетным мужским занятием, знание о котором передавалось от отца к сыну. Буряты свято верили в предопределенность дарханской (кузнечной) профессии, если в роду не было кузнеца (тумэршэн дархан), то стать им было невозможно [3, с. 140].

Во всех делах отец держал рядом с собой сыновей, прививая им необходимые умения, формируя маскулинные черты: мужской характер, отношение к членам семьи, родственникам, к окружающей природе. Постепенно мальчик получал необходимые жизненные и ценностные установки, познавал окружающий социальный мир. Отец, встраивал в детское мальчишеское сознание гендерные нормы, правила поведения и создавал представление о том, каким должен быть «настоящий мужчина».

Примечания

1. Батуева И. Б. Буряты на рубеже XIX-XX веков (Хозяйство бурят. Скотоводство в дореволюционный период) ; историко-этнографический очерк. Улан-Удэ : Сибирь, 1992. 74 с.
2. Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 174 с.
3. Михайлов В. А. Традиционные ремесла бурят: строительство, металлообработка (XVII-начало XIX в.). Улан-Удэ : Бэлиг, 2006. 196 с. ; Петри Б. Э. Внутриродовые отношения у северных бурят. Иркутск, 1925. 71 с.

УДК 654-05((571.54)

Пономаренко С.В.

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БУРЯТСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ HEADHUNTING ON THE BURYAT TELEVISION.

В данной статье рассматриваются особенности формирования кадрового потенциала Бурятского телевидения. Раскрываются вопросы, касающиеся условий труда персонала, их образовательной подготовки, умений и т.д.

The article deals with particularities of staff development for the Buryat television. The author reveals issues of working conditions, education and skills.

Ключевые слова: телевидение, кадровое обеспечение, персонал, технические и творческие специалисты ТВ.

Keywords: Television, headhunting, personnel, technical and creative specialists of TV.

Становление творческого потенциала республиканского телевидения связано с деятельностью не одного поколения работников отрасли, ставших подлинными профессионалами своего дела. Многие из них пришли на телевидение из театров республики, после окончания высших учебных заведений республики и соседних регионов. В процессе деятельности сотрудники осваивали смежные телевизионные профессии: операторы помимо специфики своей работы познавали, обучались мастерству режиссеров, сценаристов, редакторов, последние в свою очередь перенимали опыт монтажа, съемки у технических специалистов.

Особенностью кадрового обеспечения телевидения в Бурятии на протяжении длительного периода времени являлся недостаток квалифицированных технических и творческих специалистов, как на студии телевидения, так и в основе обслуживающего персонала объектов телевидения [1]. В условиях острого дефицита квалифицированных кадров, их недостаточной профессиональной подготовки, на предприятии отсутствовала качественная взаимозаменяемость персонала. Частые технические сбои, нарушения производственной дисциплины были вызваны отсутствием четкой, продуманной системы организации и контроля производственного процесса. Отсутствие в республике учебных заведений для подготовки кадров радио и телевидения сказывалось на качестве подбора и комплектования штата сотрудников. Зачастую на вакантные должности в телецентр и студию телевидения приходилось брать людей, не имевших специальную подготовку, и не знавших специфику телевизионного вещания. Основной вклад в подготовку и обучение персонала вносили специалисты, которые пришли в отрасль с первых дней существования ТВ в республике – это технические специалисты, связисты радио и телевидения [2].

Начиная с 1970-х гг. в связи с повышением статуса телевизионной отрасли, и, следовательно, ответственности сотрудников, построением слаженной работы персонала (на основе инструкций, предписаний, директив и т.п.) в целом удалось преодолеть определенную хаотичность в деятельности телевизионных служб республики.

На протяжении длительного периода, начиная с образования Улан-Удэнской студии телевидения и вплоть до 1990-х гг., в телевизионной отрасли республики наблюдалась значительная текучесть кадров. Если в 1960-1970-х гг. данная проблема была связана со специфи-

кой работы на телевидении (сложность в прохождении конкурсных отборов, экзаменов, отсутствие «специальных» качеств для исполнения своих должностных обязанностей) и условиями труда, то ближе к 1980-м гг. основная причина увольнения сотрудников с предприятия заключалась в низкой оплате труда [3]. В сочетании с повсеместной нехваткой жилья для работников телевизионной отрасли это приводило к тому, что часть высококвалифицированных сотрудников уходила из отрасли, или уезжала в другие регионы страны, где условия жизни были более благоприятны.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на трудности и проблемы, кадровый потенциал телевизионной отрасли со временем приобретал качественно новые черты, как с точки зрения технической подготовленности, так и с творческой составляющей деятельности работников. На республиканском телевидении сложился интересный коллектив единомышленников. За Бурятским телевидением закрепился имидж профессионального коллектива, который может справиться с задачами практически любой сложности.

Примечания

1. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. Р. 341. Оп. 1. Л. Д. 2. Л. 6.
2. ГАРБ. Ф. Р.1359. Оп. 1. Д. 34. Л. 39.
3. ГАРБ. Ф. Р. 1359. Оп. 1. Д. 48. Л. 25.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахатов Газиз Аманжолович – магистр археологии и этнологии Института археологии им. А.Х. Маргулана НАН РК Республика Казахстан, г. Алматы

Бабаков Виктор Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории ФГБОУ ВПО ВСГАКИ

Банзаракцаева Елена Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ФГБОУ ВПО ВСГАКИ

Батуева Ирина Батоевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, директор гуманитарно-культурологического факультета ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, член-корреспондент СО АН ВШ

Бисембаев Арман Ауганович – кандидат исторических наук, доцент Областного историко-краеведческий музей г. Актобе, Республика Казахстан

Бураева Ольга Владимировна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующая тематической группой этнологов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; E-mail: olgaburaeva@mail.ru

Даваажав Баяртогтох – аспирант ФГБОУ ВПО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова»; E-mail: klio1976@mail.ru

Дамбаев Дмитрий Николаевич – аспирант ФГБОУ ВПО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова»

Дамбаев Лаврентий Владимирович – аспирант ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

Доржу Зоя Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой Отечественной истории ФГБОУ ВПО «Тувинский государственный университет»; E-mail: zoyadorzhu@yandex.ru

Дугаров Владимир Доржиевич – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

Жабаева Лариса Будаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории, культурологии и архивного дела ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления»

Зангеева Любовь Робертовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории ФГБОУ ВПО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова»; E-mail: zlobert.03@yandex.ru

Каташев Максим Степанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Бюджетного научного учреждения Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»; E-mail: kms_37@mail.ru

Крайнова Любовь Николаевна – старший методист кафедры общественных дисциплин ГОБУ «Школа-интернат музвоспитанников г. Иркутска», ИПКРО; E-mail: Krainovalyubov_75@mail.ru

Куперт Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»; E-mail: koypert@rambler.ru

Кургузов Владимир Лукич – доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории, культурологии и архивного дела ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления»; E-mail: VLKurguzov@RAMBLER.RU

Маншеев Доржа Михайлович – доктор исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и архивного дела ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления»; E-mail dorzham@mail.ru

Нимаев Дамба Дамбаевич – доктор исторических наук, доцент Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Очиров Виталий Олегович – кандидат исторических наук, педагог Центра дополнительного образования детей «Малая академия наук» (г. Улан-Удэ); E-mail: oskar_86@mail.ru

Пономаренко Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории ФГБОУ ВПО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова»; E-mail: klio1976@mail.ru

Семенова Екатерина Ефремовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ФГБОУ ВПО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова»; E-mail: klio1976@mail.ru

Снегирева Людмила Илларионовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и культурологии ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет»; E-mail: snegireva@vtomske.ru

Сыденова Римма Прокопьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»; E-mail: rsydenova@mail.ru

Тумурхонова Нина Васильева – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории ФГБОУ ВПО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова»; E-mail: klio1976@mail.ru

Хамисов Борис Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и архивного дела ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления»; E-mail: west_bur@inbox.ru

Эшматова Гульнара Бахтияровна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Бюджетного научного учреждения Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»; E-mail: altaistika@mail.ru

Яковлев Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории ФГБОУ ВПО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова»; E-mail: klio1976@mail.ru